

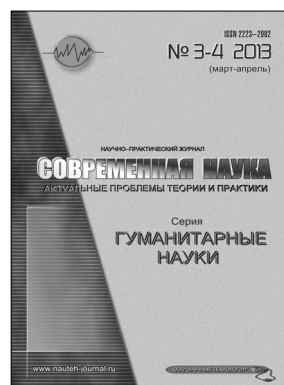
СОВРЕМЕННАЯ НАУКА :
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№ 3–4 2013 (март–апрель)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной
ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Scientific and practical journal

Редакционный совет

- В.Л. Степанов** – д.и.н., профессор, Институт экономики РАН
Ю.Б. Миндлин – к.э.н., доцент, Финансовый университет при
 Правительстве РФ
Э.Н. Алиева – д.ф.н., профессор, Московский институт
 экономических преобразований
А.А. Белик – д. филос.н., профессор, Институт этнологии и
 антропологии РАН
М.В. Михайлова – д.ф.н., профессор, МГУ им. М.В.Ломоносова
Я.М. Нейматов – д.п.н., профессор, Фонд развития
 инновационных технологий РФ
Н.О. Осипова – д.ф.н., профессор, Московский гуманитарный
 университет
В.В. Петрусинский – д.п.н., профессор, Российская Академия
 народного хозяйства и государственной службы при
 Президенте РФ
Г.М. Пономарева – д.филос.н., профессор, МГУ им.
 М.В.Ломоносова
Н.Л. Пушкарева – д.и.н., профессор, Институт этнологии и
 антропологии РАН
А.И. Савостьянов – д.п.н., профессор, Московский
 педагогический государственный университет
А.Е. Чирикова – д.соц.н., Институт социологии РАН
В.Н. Шаленко – д.соц.н., профессор Российского
 государственного социального университета
Н.А. Шведова – д.полит.н., профессор, Институт США и Канады
 РАН
С.А. Экштут – д.филос.н., профессор, Институт всеобщей
 истории РАН

Издатель: Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр–т, 116–1–10
Тел./факс: 8(495) 755–1913
E–mail: redaktor@nauteh-journal.ru
Http: //www.nauteh-journal.ru
Http: //www.vipstd.ru/nauteh

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в
сфере массовых коммуникаций, связи
и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77–44913 от 04.05.2011 г.

В НОМЕРЕ:

К 270–ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ОРЕНБУРГА
ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ИСТОРИЯ,
ПЕДАГОГИКА, ПОЛИТОЛОГИЯ,
ФИЛОЛОГИЯ,
ФИЛОСОФИЯ

Журнал издается с 2011 года

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
VIP Studio ИНФО (www.vipstd.ru)

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Почта России» – 80015

В течение года можно произвести
подписку на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей
несут полную ответственность за точность
приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: Актуальные проблемы
теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии

ООО «КОПИ–ПРИНТ»
тел./факс: (495) 973–8296

Подписано в печать 12.04.2013г.
Формат 84x108 1/16
Печать цифровая

Заказ № 0000
Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

К 270-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ
ОРЕНБУРГА

- С.В. Любичанковский** – Восточный фронт России (к 270-летию со дня основания Оренбурга)
S. Lyubichankovskiy – East frontier of Russia (to the 270 anniversary from the date of the basis of Orenburg)3
- А.П. Прусс** – Регион "Оренбург": геополитические риски развития
A. Pruss – Region "Orenburg": geopolitical risks of the development5
- А.В. Любичанковский** – Пространство оренбургского региона XVIII века в контексте динамики цивилизационных процессов
A. Lyubichankovskiy – Space of the Orenburg region of the XVIII century in the context of dynamics of civilization processes9
- И.И. Буляков** – Башкирские земли в составе Оренбургского края (XVIII век)
I. Bulyakov – The bashkir lands in the orenburg region (the XVIIIth century)12
- Е.В. Годовова** – Оренбургское казачье войско в XIX веке
E. Godovova – Orenburg cossack army in the XIX century16
- М.Н. Ефименко** – Оренбургская епархия как уникальное явление православной истории
M. Efimenko – Orenburg diocese as unique phenomenon orthodox history22
- А.К. Тихонов** – Организация управления мусульманами Поволжья и Приуралья в конце XVIII – начале XX в.
A. Tikhonov – Organization of Muslim's population in Volga and Urals regions in the Russian Empire26
- Н.Л. Семенова** – Оренбургское военное губернаторство в 1796–1851 гг.
N. Semyonova – Orenburg Military Governorship (1796–1851)32
- В.В. Амелин** – Национальные отношения в современном Оренбуржье
V. Amelin – Ethnic relations in the modern Orenburg region ...36
- С.В. Любичанковский** – Проект создания академического сборника документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период
S. Lyubichankovskiy – The project of creation of the academic collection of documents on the history of the Orenburg region during the pre-revolutionary period41

ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

- А.В. Покровский** – Человек поющий
A. Pokrovskiy – Man singing43

ИСТОРИЯ

- И.Ю. Ерохин** – Казачество и государственность
I. Erohin – Cossacks and Statehood48
- Н.И. Трибунских** – К вопросу о состоянии отечественного образования в начале XX века (на примере Ставрополя)
N. Tribunskih – To a question on a condition of the domestic education in the beginning of XX century52

ПЕДАГОГИКА

- Е.П. Максачук** – Значение самооценки в тренировочном процессе в условиях ДЮСШ
E. Maksachuk – The value of self-assessment in the training process in a sports school56

ПОЛИТОЛОГИЯ

- А.А. Васецкий** – Профессиональному развитию чиновников СЗФО – системную подготовку
A. Vasetskiy – Professional upgrowth of the officials of the North-West Federal district will have the system training58
- А.В. Понеделков** – Элитистская парадигма в русской общественной мысли в конце XIX – начале XX вв.
A. Ponedelkov – Elites paradigm in Russian social-political thought of the end of XIX – the beginning of the XX century63
- А.В. Юдина** – Стиль управления руководителя органа культуры: результаты исследования
A. Yudina – The Management Style of the Regional Cultural Administrators: Outcomes of the Research70

ФИЛОЛОГИЯ

- Ю.М. Горджеладзе** – Дидакалия – как средство выражения авторского "Я" в драме
J. Gorjeladze – Diadaskalie as a way of expressing author's "Ego" in drama74
- А.А. Винокурова, И.П. Павлова** – Магическая функция слова в традиционных культурах
A. Vinokurova, I. Pavlova – Magic function of the word in traditional cultures (based on the Even and Yakut languages)77

ФИЛОСОФИЯ

- О.В. Новиченко** – Ценностные ориентации современной российской молодежи
O. Novichenko – Value orientations of modern Russian Youth .84

ИНФОРМАЦИЯ

- Наши Авторы / Our Authors89
- Требования к оформлению рукописей статей, направляемых для публикации в журнале90

ВОСТОЧНЫЙ ФРОНТИР РОССИИ (К 270-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ОСНОВАНИЯ ОРЕНБУРГА)*

* Вся подборка статей в рубрике "К 270-летию со дня основания Оренбурга" выполнена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ "Оренбургский край - трансграничный и поликультурный регион Российской империи": научный (академический) сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период", проект №12-31-01281/а2.

EAST FRONTIER OF RUSSIA (TO THE 270 ANNIVERSARY FROM THE DATE OF THE BASIS OF ORENBURG)

S. Lyubichankovskiy

Annotation

Features of historical development of the Orenburg region are described. The concept of a selection of articles offered in this issue of the magazine locates. All these articles are created for the 270 anniversary of creation of the city of Orenburg.

Keywords: Orenburg, Orenburg region, frontier, polycultural region.

Любичанковский Сергей Валентинович
Д.ист.н., профессор
Оренбургского государственного
педагогического университета

Аннотация

В статье описываются особенности исторического развития Оренбургского края. Обосновывается концепция подборки статей, предлагаемой в данном номере журнала. Все представленные статьи приурочены к 270-летию создания города Оренбурга.

Ключевые слова:

Оренбург, Оренбургский край, фронтир, поликультурный регион.

270 лет назад, после двух менее удачных попыток, на юго-востоке Российской империи был основан город Оренбург. Он стал центром обширнейшего края, обладавшего ярко выраженной цивилизаторской миссией и создавшего на своих евразийских просторах по-настоящему поликультурное общество, в котором жили вместе представители разных этносов и конфессий, казачество, сложилось особое управление. Каким образом на протяжении нескольких веков удавалось обеспечить феноменальную устойчивость такого сложного конгломерата народов и культур, каковым был Оренбургский край? Ответить на этот вопрос – значит понять феномен "оренбургского фронтира". Сегодня, в условиях, когда Оренбургская область опять превратилась в пограничье России, эта задача стала особенно актуальной.

Можно выделить не менее десяти конкретных отличительных черт (социально-экономического, этноконфессионального, культурного, геополитического плана) Оренбургского макрорегиона, определявших в своей совокупности его специфику как трансграничного и поликультурного общества. Среди них – наличие в регионе институтов военно-служилого сословия в форме оренбургского и уральского казачества, Башкиро-Мещерякского войска, а также специфических социальных групп (тептяри, бобыли). За кочевыми жителями края был сохранен статус "инородцев", обеспечивающий им в региональном управлении и при решении мелких судебных вопросов

верховенства адата над имперским законодательством. Консервировалось башкирское вотчинное землевладение. Имела место замедленность темпов промышленного развития по сравнению с Центрально-черноземным районом России, что самым непосредственным образом сказывалось на общественных отношениях, а также на реализации реформ и установок правительства. Для региона была характерна незначительность помещичьего землевладения по сравнению с исконно русскими губерниями. Малочисленность дворян в сословной мозаике населения предопределила назначение на должности среднего звена разночинцев. При этом русские не представляли абсолютного большинства населения края, а в конфессиональном плане значительный сегмент населения был представлен мусульманами. Существование института военного и генерал-губернаторства обеспечивало руководителю региона огромные полномочия для выработки и реализации не только собственной внутренней политики, учитывающей все нюансы специфики подвластной территории, но и самостоятельной политики по отношению к приграничным государствам Средней Азии [1, с.450–454].

Публикуемые в данной рубрике статьи, принадлежащие перу ведущих специалистов по истории Оренбургского края, имеют целью ответить на поставленный в начале этой статьи вопрос путем рассмотрения наиболее значимых сторон исторического процесса в регионе.

Так, в статье А.П. Прусса дается анализ уникальных возможностей, которые История предоставляла Оренбургу в течение этих 270 лет. А.В. Любичанковский реконструирует цивилизационные процессы, характерные для края в первые годы его создания. И.И. Буляков восстанавливает этапы инкорпорации башкирских земель в состав новой российской губернии. Е.В. Годовова рассказывает о феномене оренбургского казачества. М.Н. Ефименко раскрывает уникальность существования Русской Православной церкви в крае, а А.К. Тихонов – мусульманской церковной организации. Н.Л. Семенова описывает особенности управления сложным поликультурным регионом. Р.В.В. Амелин дает анализ международных отношений в современном Оренбуржье. Наконец, в заключительной статье предлагается перспектива развития исторической науки в деле решения крупной научной проблемы – реконструкции оренбургской истории во всем ее многообразии.

В путь, читатель!

ЛИТЕРАТУРА

1. Местное управление в пореформенной России: механизмы власти и их эффективность. Сводные материалы заочной дискуссии /Под ред. А.Е. Загребина, С.В. Любичанковского. Екатеринбург–Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. 496с.

© С.В. Любичанковский, (svlubich@yandex.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

РЕГИОН "ОРЕНБУРГ": ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ РАЗВИТИЯ

REGION "ORENBURG": GEOPOLITICAL RISKS OF THE DEVELOPMENT

A. Pruss

Annotation

In the article the geo-political risks of the development of the Orenburg region from the XVIII century to our times are revealed and analysed. The author offers an original conception of the regional symbols formation, reveals the dependence of the regional image from the outside factors of the economic development. Several variants of the creation of the new Orenburg image are offered.

Keywords: Orenburg, geo-policy, risks, development, image, symbol.

Аннотация

В статье выявляются и анализируются геополитические риски развития Оренбургского края с XVIII века до современности. Автор предлагает оригинальную концепцию формирования региональной символики, выявляет зависимость имиджа региона от внешних факторов экономического развития. Предлагается несколько вариантов создания нового образа Оренбурга.

Ключевые слова:

Оренбург, геополитика, риски, развитие, имидж, символ.

За всю историю существования Оренбург неоднократно оказывался в центре геополитических устремлений России. От основания приграничной крепости до строительства железной дороги прошло немногим более века. С момента включения стальной магистрали в экономический оборот до пуска в эксплуатацию газоперерабатывающего завода и возведения современного научно-учебного комплекса с технопарком – столько же времени. Казалось бы, удачное географическое положение предоставляло городу уникальные возможности.

Интересно, что такая ситуация вначале складывалась не чаще, чем раз в столетие. Но с развитием цивилизации время "сжимается". От появления регионального космодрома и участия в международной программе коммерческих запусков спутников связи с использованием отработавших свое ракет стратегического назначения до возведения серии крупных торговых комплексов и обсуждения проекта международного транспортного коридора прошел в десять раз меньший срок. Благоприятными для технологического прорыва условиями регион так и не смог воспользоваться. Понять, в чем причины исторического парадокса – основная цель данной статьи.

Шанс первый – стать крупной торговой факторией страны на юго-восточном направлении появился в середине XVIII века. В рассеченной караванными путями бескрайней степи был возведен город – воин, с энергичным казачеством, вавилонским столпотворением пришло

люда и небывалой для России того времени толерантностью.

Хотя Оренбург и основывался для "налаживания торговли с азиатскими народами", главное его предназначение все же заключалось в подготовке включения огромных пространств в состав Российской империи. Оренбург рос медленно. Спустя сто лет после основания российского форпоста в Азии, здесь проживало немногим более сорока тысяч человек, причем добрых две трети из них были солдаты и офицеры крепостного гарнизона. Первое столетие своего существования город не смог вырваться из "убожества провинциальной дремоты" и как международная торговая фактория не состоялся. Однако главная причина скрывалась не в экономике. Просто была выполнена поставленная во время персидских походов Петром I геополитическая задача. В центре киргиз-кайсацкой орды был построен российский город, ставший "ключом и вратами" в Азию.

После реализации стратегической задачи значение города резко снизилось. Явно замедлился поток транзитных товаров. "Уже в 60-х годах XVIII века, – отмечал Юрий Зобов в статье "Оренбург – центр губернии и Оренбургского казачьего войска" [1, с.15], – привоз золота и серебра в Оренбург стал заметно уменьшаться". Советские исследователи объясняли это явление исключительно возрастанием меновой торговли в соседнем Троицке. В советское время Челябинск, бывший уездный городок Оренбургской губернии, сумел стать экономически

и административно самостоятельным. Со строительством гидроэлектростанций судоходное значение Урала в районе Оренбурга было утрачено, а центр транзитной торговли переместился в Самару. Долго еще валялись ржавые речные катера в районе Беловки, пугая прохожих сизыми бортами. Словно издыхающие лежи, выброшенные волной на берег. Хотя, безуспешные попытки возродить судоходство предпринимались неоднократно. В дальнейшем, по мнению экспертов, заниматься очисткой Урала будет проблематично и финансово, и технически, и юридически, поскольку он является водным объектом федерального значения. Между тем сегодня вновь появилась возможность оживить водную магистраль, но для этого необходимо попасть в специальную программу финансирования мероприятий, связанных с очисткой и восстановлением рек.

Начиная с середины XIX века широко обсуждается проект сооружения железной дороги в Среднюю Азию. Паровоз, впервые показавшийся на рубеже азиатских степей, дал надежду на их оживление, на продолжение рельсового пути в Туркестан и Индию. Со строительством Ташкентской железной дороги в конце XIX века началось заметное оживление экономической жизни. В конце XIX – начале XX вв. через территорию края были проложены железные дороги от Челябинска до Владивостока и от Оренбурга до Ташкента. Они связали наш край не только с Центральной Россией, но с Сибирью и Средней Азией. Оренбург стал соперничать с Челябинском по численности населения. Исходя из стратегических интересов страны, первая стальная магистраль должна была соединить Ташкент с восточным побережьем Каспийского моря. Но железная дорога как экономически значимая транспортная артерия не удалась. Стратегический проект в очередной раз не получил дальнейшего развития. Сооружение Закаспийской железной дороги подорвало транзитное значение Оренбурга в отношении продвижения азиатских товаров.

Геополитические риски конца начала 90-х годов XX века вылились в нестабильность, развал СССР и очередную потерю возможности технологического прорыва. В итоге железнодорожные грузы из России в Китай идут через казахстанскую Астану. Авиастроение также, в силу ряда причин, не стало основой для мощных инвестиционных проектов. К тому же в смутные годы "перестройки" активы оренбургских предприятий были энергично распроданы, при этом вопрос о производстве местной продукции и организации трансконтинентальных товарных потоков отпал сам собой.

Очередную возможность стать крупным промышленным центром Оренбург получил в 70-е годы прошлого века. После завершения строительства газоперерабатывающего комплекса население Оренбурга резко выросло. Однако в результате развала союзного государства крупное месторождение газа оказалось за пре-

делами российской экономической системы, а население областного центра заметно уменьшилось. Оренбуржье вновь оказалось в стороне от инновационного развития.

После трансформации местного филиала Куйбышевского политехнического института в современный университет классического типа вновь появилась надежда. Но, к сожалению, в президентскую программу федеральных университетов наш город по ряду причин не вошел. Была у оренбургских ученых интересная идея создать центр производства высококачественного зерна – пшеницы твердых сортов. Увы, и тут нас обошел соседний Челябинск, сумевший обеспечить собственных производителей условиями для более динамичного развития. Челябинский бизнес сумел сломать стереотип сельского хозяйства, как "черной дыры". Макаронная империя "Макфа" вывела соседнюю область на орбиту большой политики. Предприниматель стал мэром областного центра, а затем и губернатором. Эта управленческая модель приносит соседнему региону вполне ощутимые результаты.

К сожалению, внешний образ региона выглядит весьма схематично и балансирует на грани узнаваемости. Большинство жителей окружающих российских регионов ассоциируют нас с пуховым платком, производство которого давно утратило известные масштабы и газовым комплексом, что делает нас похожими на все другие газодобывающие территории России.

Нефть и энергетика, составляющие в комплексе с газовой отраслью основу региональной экономики, в качестве особых территориальных символов не имеют сколько-нибудь устойчивого восприятия за пределами Оренбуржья. Обозначенные респондентами ассоциации этого края с хлебным караваем и арбузами также слабы и неустойчивы во внешнем восприятии. Некогда устойчивые территориальные символы, через восприятие которых оренбуржцы осознают свое единство и принадлежность к определенной исторической традиции (оренбургский пуховый платок, оренбургский хлебный каравай, оренбургское казачество, оренбургский русский народный хор и др.), все более вытесняются сконструированной далеко за пределами области символикой крупных финансово-промышленных групп. Корпоративные PR-службы активно внедряют в сознание населения обезличивающие "регион присутствия" вне территориальные слоганы "Свет и тепло в нашем доме", "Нефть – основа экономики региона", "Газпром – национальное достояние", "Тепло родного дома" и т.п. Они несут в себе общероссийский смысл, разрушая при этом особый ассоциативный ряд, присущий исключительно конкретному региону, агрессивно поглощая поле инвестиционной привлекательности местных предприятий, не связанных с монополиями.

Между тем, почва для конструирования региональной

символики есть – 23 процента оренбуржцев испытывают гордость за территорию своего проживания, восхищаются областью. Тем более, есть примеры использования территориальной специфики в названиях в названиях банков – "Форштадт" и "Оренбург", предприятий и фирм – "Орь", "Салмыш", "Степная Пальмира", "Фортеция", "Оренбургское молоко", "Оренбургский радиатор", "Южный Урал", "Евразия", аудиторская компания "Оренбуржье" и др. Внедрение регионального знака качества с изображением символической куницы – серьезный шаг в этом направлении.

И дело здесь не столько в уровне развития науки, сколько в психологической неустойчивости менеджмента. Едва достигнув определенной финансовой самостоятельности, бизнес вынужден активно включаться в избирательный процесс и продвигать своих представителей в политику. При этом разрушается принцип системного подхода к формированию региональной элиты. Эта тенденция настораживает. Ведь сегодня для принятия политических программ и оперативных решений требуется мобилизация лучших интеллектуальных сил, политика становится сложным наукоемким процессом.

В конце прошлого века в космонавтике использовалась пятая часть потребляемого в стране гелия. Предприятие "Газпром добыча Оренбург" производит сто процентов российского гелия. В ядерной и термоядерной энергетике, других системах с использованием явления сверхпроводимости, медицине гелий нельзя заменить другими веществами. Ожидается, что в долгосрочной перспективе резко увеличится потребление гелия для создания дыхательных смесей. Тем более что за последние десять лет одновременно с истощением сырьевой базы природного газа в других странах у нас происходил прирост запасов гелия. Смена региональной политической элиты летом 2010 года усилила интерес крупных зарубежных фирм к Оренбуржью. Особенно к такой высокотехнологичной продукции региона, как гелий. Проявлен интерес к сотрудничеству по реализации ряда высокотехнологичных проектов, в том числе адронного коллайдера, ведь половина гелия, используемого на швейцарском ускорителе, поставляется из Оренбуржья.

В начале XXI века в Оренбурге построены современные рыночные терминалы. В регион заведены известные торговые сети – Магнит, Метро, Мосмарт, Полушка... На первый взгляд – прорыв. Однако на практике формируются барьеры для развития небольших специализированных магазинчиков, позволяющих предпринимателю не только работать без помощи государства, но и иметь надежный семейный бизнес. Увы, в массовом сознании все более правит бал иждивенческая психология, доминирует потребительское отношение к труду. Импортные товарные потоки создают иллюзию вечного благополучия.

Оренбуржье вновь, как и три века назад, стало участником большой геополитической игры. Глобализация объективно уменьшила возможности соседних государств по обеспечению их устойчивого развития. Становится сложнее преодолевать имеющиеся риски – экологические последствия Тоцкого атомного взрыва и опасность техногенных катастроф, дефицит пресной воды и изменение агроклиматических условий жизни, мелеющая трансграничная река Урал, государственная граница и сопутствующий ей наркотрафик. Сдерживающим фактором является и ориентация соседних азиатских стран не на создание коммуникационных коридоров Евразии, а на стремительно набирающий экономические обороты Китай.

Осенью 2011 года providение вновь дало региону шанс. Открывая у нас первое в стране президентское кадетское училище, президент России выразил надежду, что здесь будут проходить учёбу настоящие патриоты. Этот проект опирается на прочную историческую основу, дающую уникальную возможность получить представителей высшего эшелона элиты, штучно подготовленных в интересах новой России. Ведь ещё в XIX веке в Оренбурге было создано юнкерское, а в советский период размещались прославленные высшие военные учебные заведения.

Экономический успех и процветание приходит лишь к тем, кто работает на опережение времени, раньше других осваивает новые темы и образы. У Оренбурга они есть. Это украденные и беззастенчиво используемые соседними регионами "хлебные" символы – оренбургский каравай, высококачественная пшеница твердых сортов. Важно и вполне еще возможно вернуть региону былую славу степных здравниц с кумысолечением, восстановить поголовье пуховых коз в предгорьях Губерли, возродить шерстяное овцеводство на поросших сизой полынью холмах, реликтовых заповедников с дикими тарпанами... Стратегия прорыва по плечу современным потомкам оренбургских казаков. Они хоть и отличались своенравным, свободолюбивым и независимым характером, но при этом служили надежной опорой российской государственности.

Пристального внимания требуют и космические символы степного края – самое высокое небо России, авиационное и ракетостроительное производство вместе с обустроенным на востоке районе. Все это дает возможность более внятно трактовать "оренбургский" образ первого космонавта планеты, уроженца Смоленской области и выпускника оренбургского высшего военного училища летчиков Юрия Гагарина. Который впервые в небо поднялся над великой русской рекой под Саратовом. Автору этих строк доводилось стоять на отшлифованном месте волжской набережной напротив памятника первому космонавту в Саратове... Подобный символ есть в Смоленске и Оренбурге на одноименном проспекте. По-

добная раздробленность "космического" образа создает региональным имиджмейкерам огромное поле для работы.

Если не заниматься межкультурным обменом и межрегиональными контактами с центрально-азиатскими государствами, невозможно сформировать новый имидж Оренбуржья. Без конца вывозить в качестве внешнего сувенира "оренбургский" пуховый платок нельзя. Выйдете на зимние улицы оренбургских городов – вы не увидите ни одной головы в платке, да и сам ажурный символ найдете разве что в специализированных точках сувенирной торговли. Мы же до сих пор злоупотребляем этим "экзотизмом". Это плохой признак. Пока мы поем глухариную песню, охотник за брендами уже взвел курок. Наши пушистые конкуренты из волгоградского Урюпинска в центре своего дремлющего городка воздвигли не только отсутствующий у нас памятник знаменитой козе и ее козленку, но и местным вязальщицам, которые вяжут ажурные пуховые ... чехлы для айпадов! [2, с. 10]. Мы же до сих пор не разобрались с перспективными направлениями регионального брендинга и продолжаем позиционироваться "нефтегазовой провинцией" России.

И все-таки, читатель вправе спросить, на каком направлении следует развивать сложившийся имидж региона? Едва ли можно сказать – на всех. Такой ответ априори будет неискренним. Множество местных символов, хотя и знакомы с детства каждому оренбуржцу, но эффективны лишь для внутреннего применения. Выходя с ними на внешний уровень образ области рискует оказаться вторичным и малопривлекательным. Ведь нефть, газ, металл, пшеница, верблюд, куница и даже пуховые платки есть во многих российских территориях.

Важнейших отличий от других у Оренбургского края с момента его основания, немного. Но – каких! Оренбург – центр транзитной международной торговли и геополитическая точка столкновения цивилизаций на стыке Европы и Азии. Стратегически важное для страны приграничное положение региона рождает третий, весьма милитаризованный образ – ядерный щит державы, государственная граница России. Наступило время определиться с направлением прорыва, что позволит Оренбуржью быстро, в кратчайший исторический срок создать высокотехнологичные продукты и выйти с ними на внешние рынки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зобов Ю.С. Оренбург – центр губернии и Оренбургского казачьего войска//Оренбург. – Челябинск, Южно-Уральское книжное издательство, 1993. С.11–23 [265 с.].
2. Малинина Екатерина. Теперь Урюпинск не дыра. Он круче Мышкина. Ура//Комсомольская правда, 28 ноября 2012 г. [28 с.].

© А.П. Прусс, (app@mail.orb.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ПРОСТРАНСТВО ОРЕНБУРГСКОГО РЕГИОНА XVIII ВЕКА В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

SPACE OF THE ORENBURG REGION OF THE XVIII CENTURY IN THE CONTEXT OF DYNAMICS OF CIVILIZATION PROCESSES

A. Lyubichankovskiy

Annotation

In the article civilization processes, characteristic for the Orenburg region in the first years of its creation are reconstructed. Research based on positions of the concept of ethnogenesis of L.N.Gumilev. Rychkov's works are considered as the historical and geographical sign of dynamics of civilization processes in the Orenburg region.

Keywords: Orenburg region, civilization development, topography.

Любичанковский Алексей Валентинович

К.геогр.н., доцент

*Оренбургского государственного
университета*

Аннотация

В статье реконструируются цивилизационные процессы, характерные для Оренбургского края в первые годы его создания. Методологической основой исследования является концепция этногенеза Л.Н. Гумилева. Труды П.И. Рычкова рассмотрены в качестве историко-географического свидетельства динамики цивилизационных процессов в Оренбургском регионе.

Ключевые слова:

Оренбургский край, цивилизационное развитие, топография.

Под цивилизационным развитием мы будем понимать закономерную обусловленную динамику этногенеза (понимаемого в единстве с вмещающим ландшафтом), при котором суперэтническая целостность через прохождение фаз этногенеза движется от одного персистентного состояния к другому, когда этнос становится верхним завершающим звеном биоценоза [1].

Историко-географическим отображением такого развития будет объективно зафиксированный стереотип поведения этносов суперэтнической целостности, выраженный в витальном цикле цивилизации. К стереотипу поведения этноса относится определение норм отношений: между коллективом и индивидом, индивидов между собой, внутриэтнических групп между собой, между этносом и внутриэтническими группами, между этносами разных суперэтносов, между этносом и вмещающим ландшафтом, а также выявление специфического ощущения времени этноса и его бытовых примет. Эти нормы, в каждом случае своеобразные, изменяясь то быстро, то очень медленно, негласно существуют во всех областях жизни и быта, воспринимаясь в каждом этносе и в каждой отдельную эпоху как единственно возможный способ общежития, поэтому для членов этноса они отнюдь не тягостны. Каждый этнос имеет свою собственную внутреннюю структуру и свой неповторимый стереотип поведения. Иногда структура и стереотип поведения этноса меняются от поколения к поколению. Это указывает на то, что этнос развивается, а этногенез не затухает. Иногда структура этноса стабильна, потому что новое поколение воспроизводит жизненный цикл предшествовавшего [1, с.117–118].

Цивилизационное развитие охватывает не одну сотню лет (иногда полторы тысячи лет). Поэтому остро встает вопрос объективного фиксирования трансформации пространства, освоенного суперэтнической целостностью. Для историко-географического свидетельства динамики цивилизационных процессов в Оренбургском регионе огромную важность имеет главное произведение Петра Ивановича Рычкова – "Топография Оренбургская".

Создание "Топографии Оренбургской" было связано с работой по составлению "генеральной карты" Оренбургской губернии и прилегающих к ней территорий Казахстана и Средней Азии. Начатая в 1752 году по инициативе Рычкова, эта работа завершилась созданием в 1755 году целого атласа, выполненного талантливым геодезистом прапорщиком Иваном Красильниковым. Эта работа рассматривалась автором как пояснение к картам Красильникова. На самом же деле это сочинение Рычкова вышло далеко за пределы лишь пояснительного текста к "ландкартам" и приобрело характер обстоятельного историко-географического описания края [2, с.55].

Книга состоит из двух частей. В первой, включающей шесть глав, дается общее описание губернии. Порайонное историко-географическое описание края содержит вторая часть книги. В четвертой главе первой части "О разности народов, внутри Оренбургской губернии находящихся, по древнему и нынешнему состоянию" в историческом плане рассматриваются происхождение, расселение, история, занятия и быт народов, населяющих край, – русских, башкир, татар, мещеряков, казахов, калмыков, каракалпаков, мордвы, марийцев, чувашей, удмуртов [2, с.55–57].

В качестве свидетельства цивилизационного разви-

Таблица 1

Историко-географическое отображение цивилизационного развития региона в "Топографии Оренбургской" П.И. Рычкова

Показатели цивилизационного развития	Отображение цивилизационного развития	Анализ
Отношения между коллективом и индивидом	"... киргизцы своих ханов слушаются токмо тогда, когда хотят, а паче когда видят в том собственную пользу", "Абулхаир Хан возбуждал народ, склонный к воровству и наглостям", киргиз-кайсаки ... "не только никаких податей в казну не платят, но и пошлин с торгу их в Оренбург и в Троицкой крепости, где через все место бывает такая же ярмарка, как и в Оренбурге, ничего от них не берет; а берет она пошлина за них от русских купцов, которые товары из их рук покупают, да и ханы их с народа никогда ничего себе требовать не могут; но еще сами лучших из них людей ласкают и дарят, чтобы они и народ почитали их и слушали" [3, с.109].	Отсутствие строгой вертикальной иерархичности в обществе у большинства народов территории Оренбургской губернии (особенно у казахов).
отношения индивидов между собой, в том числе проявление пассионарности	В те же времена из казаков Яицкого войска некто по прозванию Нечай, собрав себе в компанию 500 человек, взял намерение идти в Хиву, уповая быть там великому богатству, и получить себе знатную добычу. ... Когда в кругу учинен был о том доклад, тогда дьяк его, или писарь, выступая, стал представлять, сколь отважно и несходно оное их предприятие, изъясняя, что путь будет степной, незнакомый, провианта с ними недовольно да и самих их на такое великое дело малолюдно. Помянутый Нечай от сего дьякова представления так рассердился и в такую запальчивость пришел, что, не выходя из того круга, приказал его повесить, почему он тогда же и повешен, а оные горы прозваны и поныне именуются Дьяковыми [4, с.109].	Демократичность в казачьем войске, высокая степень пассионарности у русских.
отношения внутриэтнических групп между собой	П.И. Рычков провел классификацию народов губернии: "Все оные народы для удобнейшего их описания могут разделены быть надвое: - в границах губернии издавна жили и ныне живут: российскийские, татары, башкиры, мещеряки, калмыки, киргиз-кайсаки, каракалпаки, мордва, черемисы, вотяки, чувашаи; - вновь приходящие и по силе пожалованной городу Оренбургу привилегии в разных местах поселяемые: бухарцы, хивинцы, ташкентцы, трухменцы, араптяне, персияне и прочие" [3, с.52]. П.И. Рычков описал особенности этногенеза народов, проживавших на территории губернии. В формировании населения он выделял 3 периода: 1. Древний - "... хотя к славянам принадлежавшие народы находились, и российским государям были подвластны, но покрылись глубокой тьмой идолослужения; от соседних народов вытеснены". 2. От времени Чингисхана "(славного в татарских историях) - народы от нападения и усиления варварских и татарских народов, в порабощение их были приведены. Смешиваясь с пришедшими, чужие законы и языки восприняли, что все "через несколько сот лет продолжалось". 3. От князя Юрия Дмитриевича войска Казань, татарами построенную, взяв, сей и прочий по Волге быстро разорили, христианское православие возобновлять стали. После третьего взятия Казани укоренились [5, с.141].	Таким образом, П.И. Рычков описывает субцивилизационное цементирование суперэтнической общности в XVIII веке на основе тюркоязычного, славянского и финоугорского субстратов. Период, примыкавший к XVIII веку, характеризовался состоянием близким к гомеостазу этнической мозаики пространства в границах будущего Оренбургского региона. Видимо у башкирского и татарского этноса отрицательная комплиментарность.
отношения между этносом и внутриэтническими группами	Уральские казаки женились на калмычках, сначала "... убивали детей женского полу, а мужского оставляли". После того как Тит Федоров по просьбе жены оставил ребенка, которого тайно два года прятал, на сходе приняли решение больше не убивать [5, с.50].	Субэтнос казаков был положительно комплиментарен со всеми народами Оренбургского региона.
отношения между этносами разных суперэтносов	Киргиз-кайсаки Меньшей орды зимуют по Эмбе; иногда - у Волги, где калмыки кочуют, к Яику ближе: "того ради для недопущения обоим сих народов ко взаимному воровству, потребна тогда наибольшая осторожность" [5, с.51].	Бухарцы, хивинцы, ташкентцы, трухменцы, араптяне, персияне не вошли в единый цивилизационный массив, а воспринимались как народы-соседи с нейтральной комплиментарностью. Видна отрицательная комплиментарность калмыков и казахов, занимающих одну ландшафтную нишу.
отношения между этносом и вмещающим ландшафтом	П.И. Рычков сообщает о киргиз-кайсаках, что в последнее время те, что к воровству не склонны, стали заниматься торговлей у себя в орде, покупая для этого товар в Оренбурге. Хлеба они раньше не употребляли, довольствовались мясом и молоком, отмечает он, а теперь выменивать стали, употреблять в пищу зимой, "... из чего надеяться можно, что они со временем также могут быть, как и башкирцы, которые сначала не только хлебопашества и другой домашней экономии не имели, да и поныне такие из них еще есть, и паче на сей стороне Урала, что для одной зимы, да и самые худыя хижины содержат, а летом, по старому обыкновению, со всем своим скотом с места на место переходить кочуют" [5, с.49].	Выявлены кочевые, полукочевые и оседлые культуры, зафиксирована динамика обращения кочевых культур (казахов, башкир) к оседлости.
специфическое ощущение времени	Отсутствует описание	Не выявлено
бытовые приметы	Отмечает этнические особенности занятий населения	

тия "Топография Оренбургская" отличается объективностью включающих в себя материалов. В ней широка, основательна источниковая база. Центральное место П.И. Рычков отводит документальным материалам "из под-

линных дел" губернской канцелярии и других местных учреждений за 1734–1754 годы. Он привлекает также статистические данные, материалы ревизий (переписи населения), географические описания, записки и воспо-

минания очевидцев, рассказы восточных купцов, описание Аральского моря, составленное в 1741 году геодезистом Муравиным, материалы экспедиции Ригельмана в Киргиз-кайсацкую степь и многие другие источники. П.И. Рычков относился к фольклорным материалам с большой осторожностью, критически и вместе с тем считал, что их вполне возможно использовать в качестве исторических источников в тех случаях, когда отсутствуют другие материалы. В целом П.И. Рычков в составление "Топографии Оренбургской" руководствовался важнейшим принципом исторического исследования – принципом критического отношения к источнику [2, с.57–58].

В предисловии ко второй части книги П.И. Рычков пишет: "Старался я по крайней моей возможности собирать к тому нужные справки как по губернской канцелярии, так и из других мест... По долговременной моей бытности в здешних местах, сам ведая и от других осведомляясь, описывал и постлал к главным командирам тех мест, требуя от них поправления и дополнений".

Автором рассмотрено историко-географическое свидетельство динамики цивилизационных процессов в Оренбургском регионе в "Топографии Оренбургской" П.И. Рычкова. Анализ приводится в табличной форме (таблица 1). Цитаты из "Топографии Оренбургской" не являются единственными свидетельствами цивилизационного отбражения по выбранным показателям, однако, дают представления о наиболее характерном проявлении, иллюстрирующим тот или иной показатель цивилизационного развития. Анализ выводился автором на основе широкого спектра цитат, которые не могут из-за ограниченности объема статьи быть введены в текст.

Таким образом, этническая мозаичность пространства Оренбургской губернии в XVIII веке характеризовалась цементированием вокруг славянского, тюркского и финно-угорского субстратов единой суперэтнической целостности, отсутствием строгой вертикальной иерархичности в обществе у большинства народов территории Оренбургской губернии (особенно у казахов), высокой степенью пассионарности у русских и башкир. Период, примыкавший к XVIII веку, отмечался состоянием близким к гомеостазу этнической мозаики пространства в границах будущего Оренбургского региона. Видимо у башкирского и татарского этноса, а также у казахского и

калмыцкого этносов наблюдалась отрицательная комплиментарность. Субэтнос казаков был положительно комплиментарен со всеми народами Оренбургского региона. Бухарцы, хивинцы, ташкентцы, тухменцы, араптяне, персияне не вошли в единый цивилизационный массив, а воспринимались как народы-соседи с нейтральной комплиментарностью. Регион был ареной взаимодействия кочевых, полукочевых и оседлых культур, при чем наблюдалась динамика обращения кочевых культур (казахов, башкир) к оседлости. Необходимая для цивилизационного развития этническое многообразие при положительной комплиментарности привела к началу складывания Оренбургского субцивилизационного пространства с вектором развития на юг и юго-восток от Оренбурга.

Приведенные характеристики относятся к субцивилизационному пространству, которое представляет собой Оренбургский регион. Опираясь на концепцию этногенеза Л.Н. Гумилева, можно сформулировать критерий фрагментирования на субцивилизации единого цивилизационного пространства (в терминологии Л.Н. Гумилева – суперэтнической целостности). Этот критерий – разновременное вхождение пространства в цивилизационный массив. Иными словами разновременность вхождения территорий в культуру цивилизации определяет специфичность ее субцивилизационного пространства. На языке пассионарной концепции можно сказать, что в зависимости от географии пассионарного толчка идет развития пассионарности на разных участках территории с различной скоростью. Земли, непосредственно затронутые пассионарным толчком, опережают в прохождении фаз этногенеза территории, где освоение происходит за счет вытеснения под действием пассионарной энергии вектора колонизации.

Таким образом, мы видим, как объективное комплексное историко-географическое описание пространства может быть научно востребовано, используя современную теоретическую схему цивилизационного подхода. Точность описания позволяет отнести труды П.И. Рычкова и в частности, его "Топографию Оренбургскую" к надежным свидетельствам, позволяющим реконструировать пространство Оренбургского региона XVIII века в контексте динамики цивилизационных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Эксмо, 2008. 736с.
2. Зобов Ю.С. Летописцы Оренбургского края. К 200-летию со дня рождения А.С. Пушкина. Оренбург: Изд-во ОГПУ, 1999. 85 с.
3. Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. СПб., 1762. 434 с.
4. Топография Оренбургская, то есть обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и Императорской академии наук корреспондентом Петром Рычковым / Научно-популярное издание под ред. С.В. Богданова. Серия "Труды П.И. Рычкова". Оренбург: Печатный дом "Димур", 2012. 432 с.
5. Филимонова И.Ю., Герасименко Т.И. Оренбургско-Казахстанское порубежье историко-этнографический и этногеографический аспекты: монография. Тольятти: Сфера, 2009. 211 с.

БАШКИРСКИЕ ЗЕМЛИ В СОСТАВЕ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ (XVIII ВЕК)

THE BASHKIR LANDS IN THE ORENBURG REGION (THE XVIIIth CENTURY)

I. Bulyakov

Annotation

In the article the author restored stages of the incorporation of the Bashkir lands in the Orenburg province in the XVIIIth century. He estimated forms of submission of Bashkirs to the regional government. Also he describes major reasons for the failure of the traditional methods to establish the most optimal methods of the management of the Bashkir realm, which could eliminate the main causes of Bashkir revolts.

Keywords: The Orenburg region, Bashkir lands, state traditions, integration, incorporation.

Буляков Ильнур Ильдусович

*Институт истории,
языка и литературы*

Уфимского научного центра РАН

Аннотация

В статье восстанавливаются этапы инкорпорации башкирских земель в состав Оренбургской губернии в XVIII веке. Автором дана оценка формам подчинения башкир региональной власти. Также раскрываются основные причины отказа от традиционных и установления наиболее оптимальных методов управления башкирским краем, устранявших главные причины башкирских восстаний.

Ключевые слова:

Оренбургский край, башкирские земли, государственные традиции, интеграция, инкорпорация.

В середине XVI в. значительно расширяется территория Московского государства за счет включения в его состав Поволжья и Урала. При этом в его состав вошли народы, которые разительно отличались от коренного населения Московии типом хозяйствования, религиозным воззрением, формой общественных отношений. Так, в башкирском крае правительство столкнулось здесь с социальными отношениями, которые не позволяли использовать традиционные методы управления путем включения наиболее лояльной части местной элиты в состав служилого сословия России. В этих условиях присоединение башкир шло по пути адаптации существующих традиционных институтов башкирского общества к государственной структуре Русского государства.

Принятие башкирскими родами русского подданства осуществлялось на определенных условиях. Последние предусматривали традиционные для башкир отношения с центральными властями, сложившиеся у них в период существования власти золотоордынских ханов. Одним из условий было предоставление башкирам широкой внутренней автономии со своими органами управления. Структура управления была рассчитана на тесное взаимодействие с главами башкирских родоплеменных образований. В то же время уфимские власти не обладали какими-либо правовыми или административными средствами вмешательства в деятельность общинного самоуправления. Были сохранены прежняя аристократичес-

кая верхушка в лице биев (новое наименование должностей – староста и сотник), старейшин (аксакалы), тарханов (в т. ч. от зо-лотоордынских ханов перешло к русскому царю и право жалования тарханства) и другие институты власти (йыйын, совет аксакалов) с сохранением прежних прав и функций. Также был сохранен и шариатский суд. Другим условием присоединения башкир к Русскому государству стало сохранение вотчинного права на их земли, существовавшее со времен Чингисхана. Последнее, в свою очередь, предопределило уникальный правовой статус башкирского общинного землевладения, повлияло на все важнейшие социально-экономические процессы в крае.

Таким образом, при принятии башкир под свое подданство царская власть использовала золотоордынские методы и приемы государственного управления, принципы отношения центра с регионами, что предопределило уникальный статус башкир в составе Русского государства с сохранением вотчинного права на родовые земли и с широким внутренним самоуправлением. Подобная система управления башкирским краем без каких-либо серьезных изменений имела место во второй половине XVI – до начала 30-х гг. XVIII в.

В проекте И.К. Кирилова по организации Оренбургской экспедиции башкирам была отведена существенная роль в дипломатических и военных акциях прави-

тельства на юго-восточной границе. Однако при-влечение на службу башкирских тарханов и старшин предполагалось в рамках уже существующей системы управления. Никаких административных изменений, за исключением некоторых кадровых перестановок, И.К. Кирилов не предусматривал.

В условиях начавшегося в 1735 г. очередного башкирского восстания Кирилов разработал долгосрочную программу ликвидации власти родоплеменной знати. Были сформулированы как административные, так и экономические методы ее ослабления. Составленный Кириловым проект подавления башкирского восстания и дальнейших мероприятий по Оренбургской экспедиции "Покорнейшее рассуждение к рассмотрению..." лег в основу именного указа Анны Иоанновны от 11 февраля 1736 г. [4, с. 741–745] Главное назначение указа заключалось в недопущении восстаний в башкирском крае в будущем, ликвидации условий, позволявших башкирам сопротивляться политике центра. Для достижения этой задачи предусматривалась целая серия мероприятий военного, политического и экономического характера, означавших официальный отказ от условий, на которых башкиры вошли в состав Русского государства. Указ открыл дорогу для "законного" перехода башкирских земель в руки дворянства и провозгласил линию на ослабление башкирского народа путем уменьшения его численности и широкой колонизации края. Соответствующим образом была подорвана традиционная привилегия родовой знати распоряжаться родовыми вотчинными владениями, создана правовая база для массовой крестьянской, помещичьей и заводской колонизации территории расселения башкир. Помимо этого прежнюю наследственную знать (фактически не зависящую от администрации), заменили избираемые и утверждаемые в должности российскими властями старшины.

Серьезным ограничениям подверглись все институты общинного самоуправления, в частности – народные собрания. Однако следует учесть то, что на йыйынах, как правило, решались вопросы организации безопасности башкирских волостей. С началом строительства оренбургской пограничной линии главную роль по обеспечению пограничной стражи взяли на себя российские власти. В новой системе обороны края не было места прежним организаторам пограничной службы, но требовались надежные исполнители указов военных властей, способные по-велевать своими сородичами. Указом от 11 февраля 1736 г. было запрещено "без позволения городовых командиров сборищев делать". Им было разрешено тогда проведение только "обыкновенного старинного мирского сбора о семике", который собирался на один день у речки Чесноковки около Уфы, где башкирским старшинам было дозволено "о нуждах мирских советовать и письменно доносить и бить челом" [4, с. 743]. Таким образом, важный атрибут башкирского самоуправления – йыйын – был упразднен указом сверху еще в

1730-х гг. и сохранился в памяти людей, трансформировавшись в народное празднество.

Правительственные мероприятия 30-х гг. XVIII в. затронули и му-сульманское духовенство. Они проходили в рамках общих мер по освоению края, осуществляемых Оренбургской экспедицией. В инструкции, данной руководителю экспедиции И.К. Кирилову императрицей Анной Иоанновной в 1734 г., указывалось, что правосудие должно основываться на обычаях народов, населяющих край [3, с. 11]. Это положение было подтверждено в сенатском указе, принятом в том же году в связи с многочисленными обращениями башкир, мишарей и тептярей в центральные органы власти с жалобами на Уфимскую воеводскую канцелярию, игнорирующую решения шариатских судов на местах.

В условиях башкирского восстания 1735–1740 гг. начальник Оренбургской экспедиции И.К. Кирилов и начальник Комиссии башкирских дел А.И. Румянцев в рапорте императрице Анне Иоанновне от 16 декабря 1735 г., касаясь религиозных проблем, отмечали, что все 10 ахунов в крае выходцы из казанских татар, их верность российской короне сомнительна, а деятельность фактически неподконтрольна местным органам власти. Они считали необходимым сократить число ахунов и объявить их "о всяких худых поступках объявлять и не таить, и никого из других вер в свой закон не приводить и не обрывать" [4, с. 743].

Реакцией Анны Иоанновны на предложения администраторов явился указ от 11 февраля 1736 г. По указу число ахунов в крае сократилось до четырех, то есть приходилось по одному на административную единицу – дорогу. Хотя выборное начало в отношении их сохранялось, окончательное утверждение в должности теперь происходило в Уфе. Ахуны обязывались принести присягу на верность царю. В 40-х гг. XVIII в. правительство полностью реализовало религиозную программу. Высшее мусульманское духовенство теперь находилось под влиянием местной администрации, которая постепенно сузила прерогативы шариатского суда. Так, из его ведения Уфимская провинциальная канцелярия изъяла утверждение всякого рода имущественных сделок и договоров, земельные вопросы, дела о кражах [8, с. 36]. Ахуны и имамы в ходе судебных разбирательств испытывали сильное давление должностных лиц, к тому же принятые постановления часто отклонялись по прихоти чиновников. В компетенции третейско-шариатских судов оставалось лишь решение мелких вопросов в присутствии старшины. При этом с каждого челобитья взималась 50-копеечная пошлина.

По упомянутому указу 1734 г. разрешалась деятельность третейских судов не в каждом населенном пункте как прежде, а только "в одних знатных селениях, куда челобитчики и ответчики съезжаться и судиться долж-

ны" [1, с. 164]. В этих больших деревнях на сходах выбирались по два человека почетных стариков – тубекарты, и мулла.

Реформированию подверглась и организация военной службы башкир. В течение XVIII в. среднее командное звено в лице тарханов и батыров – еще один пережиток золотоордынских традиций военного дела башкир – постепенно исчезает из официального делопроизводства [5, с. 172]. Первыми исчезли батыры. Так, в 1742 г. императрица Елизавета Петровна в ответном слове, сказанном при ее коронации башкирам, перечисляет все группы башкирского общества: "Башкирцам всех дорог и родов тарханам, батырям, старшинам и всему Башкирскому народу на-ша императорская милость" [5, с. 172]. Уже при Екатерине II тарханы сохраняются в системе военной организации башкир, о батырах же упоминаний нет. Окончательно использование термина "тархан" в официальном делопроизводстве отмирает лишь в первой трети XIX в. в связи с введением кантонной системы [2, с. 97–99].

Таким образом, коренные преобразования в области управления Оренбургским краем в 30–40-е гг. XVIII в. привели к серьезному переосмотру традиционных форм подчинения башкир региональным властям. Серьезным ограничениям подверглись все институты общинного самоуправления. Прежние старосты, являвшиеся предводителями рода, чья власть передавалась по наследству,

уступили место выборным старшинам. Под запретом оказались самовольные всенародные собрания – йыйыны. Отныне башкиры имели право съезжаться на съезды лишь в определенное время и только после согласования с центральными властями. Были сужены prerogatives шариатского (третейского) суда. В этот же промежуток времени было положено начало смене военных традиций башкир времен Золотой Орды военными традициями российской императорской армии. Именно в этот период было положено начало интеграции башкирского общества в общеимперскую структуру.

Назначаемость местной верхушки, однако, сохранила тесную связь последней с традиционным башкирским обществом. К концу XVIII в. центральная власть ясно понимала необходимость создания надежной социальной опоры в крае, которая беспрекословно исполняла бы волю Российского правительства, не допуская на подвластных территориях каких-либо выступлений и волнений народных масс. Осуществить это на практике было возможно только путем уравнивания сословно-привилегированного и имущественного статуса башкирской элиты и рядового российского чиновничества по примеру казахских войск [7, с. 143].

В 1789–1790 гг., во время русско-шведской войны, четыре пятисотенных башкирских полка, полк мишарей под командой капитана Б. Мертвого участвовали в русско-шведской войне в Финляндии [6, с. 135–139]. При-

мечательно, что в этой войне башкиры впервые получили полковую организацию вместо сотенной. Полковая организация была заимствована у донских казаков, которые из иррегулярных войск первыми интегрировались в военную структуру Российской империи. Еще одной особенностью этой войны было то, что башкиры участвовали в боевых действиях наравне с регулярными войсками, в спешном строю, а в конце войны получили положенные всем участникам наградные медали [5, с. 173].

Удачное использование кочевников в войне со шведами натолкнуло Оренбургского военного губернатора О.А. Игельстрома к предложениям по лучшему устройству Оренбургского корпуса. Он считал, что иррегулярные войска должны иметь "некоторое подобие регулярным войскам, как по виду, так и в значениях <...> снабжая их из казны по примеру казачьих полков жалованием, провиантом и прочим содержанием" [5, с. 173]. Реализация его плана привела к созданию кантонной системы управления в башкирском крае, которая способствовала уничтожению родовой структуры башкирского общества, окончательно завершила процесс интеграции, и в целом инкорпорации башкир в состав империи. Вместе с ней у башкир военные традиции времен Золотой Орды сменились военными традициями российской императорской армии.

Введение кантонной системы управления в крае оправдало надежду правительства в плане предупреждения башкирских бунтов, окончательного умиротворения края и создания плацдарма для дальнейшего наступления на Среднюю Азию.

Серьезные изменения произошли в религиозной политике Российской империи в башкирском крае. Отдельные попытки использования силовых методов, окончившиеся неудачей, заставили центральную власть с середины XVIII в. перейти к политике сотрудничества с религиозной верхушкой народов, исповедующих ислам. Одним из самых важных событий в этом ряду стало учреждение в 1789 г. Оренбургского магометанского духовного собрания как государственного религиозного учреждения. Одновременно правительству при создании мусульманской управленческой структуры удалось решить важную задачу: были взяты под контроль все служители исламского культа, которых можно было использовать при проведении своей политики среди мусульманского населения как внутри России, так и за ее пределами.

Таким образом, на протяжении XVIII в. мы наблюдаем постепенный процесс интеграции башкирских земель в состав Оренбургского края и инкорпорации башкирской национальной элиты в состав служилого сословия страны, который можно разделить на ряд этапов: XVI в. – 30-е гг. XVIII в. – существование широкой автономии башкирского общества наряду со слабым контролем центра над жизнью местной региональной элиты; 1730-е гг. – конец XVIII в. – переходный этап, ограничение внутреннего самоуправления башкир с началом вмешательства государства в дела региональной элиты и переходом к назначаемости местной верхушки; с конца XVIII в. – переход к полному подчинению национальной элиты и полному контролю внутренней жизни башкирской общины.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров А.З. Башкирия после вхождения в состав России (вторая половина XVI – первая половина XIX в.). Уфа: Китап, 2006. 504 с.
2. Асфандияров А.З. Башкирские тарханы. Уфа: Китап, 2006. 160 с.
3. Материалы по истории России. Сборник указов и других документов, касающихся управления и устройства Оренбургского края / Сост. А.И. Добросмыслов. Т. I. 1734. Оренбург, 1900. 305 с.
4. Полное собрание законов Российской империи, с 1649 года. Т. IX. 1733–1736. СПб.: Типография II Отделения Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. 1026 с.
5. Рахимов Р.Н. Традиции Золотой Орды в военном деле башкир XVII–XVIII вв. // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции "Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)". 17 марта 2009 г. Сб. статей. Вып. 1. Казань: Издательство "ФЭН" АН РТ, 2009. С. 170–174.
6. Рахимов Р.Н. Участие военно-служилых сословий Южного Урала в походах Российской армии в 90-е годы XVIII века: по материалам РГАДА и РГВИА // Археография Южного Урала. Уфа, 2001. С. 135–139.
7. Тагирова Л.Ф. Кантонные начальники Башкирии: национальная региональная элита первой половины XIX века. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 164 с.
8. Чулошников А.П. Восстание 1755 г. в Башкирии. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1940. 112 с.

ОРЕНБУРГСКОЕ КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В XIX ВЕКЕ

ORENBURG COSSACK ARMY IN THE XIX CENTURY

E. Godovova

Annotation

In the middle of XVIII century the Orenburg Cossack army has been formed in the southeast of Russian empire. The army was reformed for several times during its existence, therefore it has got the strict military organization. The phenomenon of the Orenburg Cossacks is regarded in the article, its peculiar features are characterized and the adaptation of the Orenburg Cossack army to processes of modernization of a society in XIX century is depicted.

Keywords: The Orenburg region, frontier, the Orenburg Cossacks

Годова Елена Викторовна

*Оренбургский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации*

Аннотация

В середине XVIII в. на юго-востоке Российской империи было образовано Оренбургское казачье войско. За период своего существования войско неоднократно реформировалось, в результате чего приобрело строгую военную организацию. В статье освещается феномен оренбургского казачества, характеризуются его специфические черты и показывается приспособление Оренбургского казачьего войска к процессам модернизации общества в XIX веке.

Ключевые слова:

Оренбургский край, фронтир, оренбургское казачество.

Казачи занимали особое положение в Российской империи. Среди различных частей населения, входивших в состав России, существовали казачьи области, внутренний быт которых отличался от бытовых условий населения других частей страны. В условиях строго централизованной системы государственного управления казачьи области составляли исключение, пользовались известной автономией и управлялись на основе особых Положений [13, с.7], пользовались особыми правами и преимуществами на условиях обязательной и всеобщей воинской повинности. Историк А. Антонович писал: "Казачи есть не что иное, как остатки сохранившихся древнеславянских общин, которые являются с характером воинственным, вызванным местными обстоятельствами, с новым именем, возникшим из этой же военной обстановки" [3].

В XVIII – начале XX вв. государственной властью было образовано особое военное казачье сословие (сословие). В разное время по строгому отбору в сословие принимали наиболее способных к ратному делу представителей служилых людей, крестьян, иногородних, лиц различных национальностей. К ним относили также лиц казачьего происхождения иных сословий – войсковых дворян, духовенство, разночинцев, торговых казаков[2]. "Вся история России сделана казаками. Недаром нас зовут европейцы казаками. Народ казаками желает быть", – писал Л.Н. Толстой [3].

В составе Российской империи было двенадцать казачьих областей, восемь из которых были искусственно правительством в целях государственной обороны. Так, начиная со второй четверти XVIII века образуется Оренбургское казачье войско.

К середине 18 века на берегах Яика возникает система укреплений – Оренбургская пограничная военная линия (2500 км). Поначалу новопостроенные укрепления стали заселять гарнизонными полками. Но ожидание правительства, что эти поселенные полки заведут свое хлебопашество и будут сами себя обеспечивать не оправдались. Этому мешала весьма тяжелая служба, и правительство решило использовать другой источник пополнения населения, в частности создание нового нерегулярного казачьего войска – Оренбургского. Начало ему положили переведенные на Оренбургскую линию самарские, алексеевские, исетские и уфимские казаки [3].

Изыскивая различные меры к заселению Оренбургского края, правительство привлекало к казачьей службе всевозможных выходцев, татар, калмыков, мещеряков, тептярей и башкир. Кроме того, в виде особой льготы всякому бежавшему в Оренбургский край и примкнувшему к казакам крестьянину или иного сословия человеку прощалось его прошлое, и он оставался в казачьем звании навсегда. Уже с 1745 года примкнувших к казакам людей всякого звания было не менее 2 500 человек,

причем большинство составляли выходцы из Малороссии [27].

В 1748 году правительство обратило внимание на крайнюю разбросанность и неорганизованность казаков Оренбургского края и с целью создать из них стройное целое, а также упорядочить самый способ отбывания казачьими службами решило свести их в особый корпус, который был назван Оренбургским нерегулярным корпусом. Тогда же для управления всеми казаками была учреждена должность войскового атамана, и устроена Войсковая изба, в которой сосредоточилось внутреннее управление корпусом, подчинявшимся непосредственно Оренбургскому военному губернатору [27, с.68].

Основу организации формирующегося оренбургского казачества составил устав службы городских казаков 1571 года [1, с.39].

Главной обязанностью оренбургских казаков стала сторожевая служба на линии. Основные преимущества казачьих отрядов заключались в их мобильности и приспособленности к местным условиям, казаки с детства учились владеть оружием и хорошо знали повадки и обычаи кочевников. При этом подготовка казаков к службе не требовала от властей никаких усилий и материальных затрат. Боевая выучка казаков вырабатывалась самими условиями жизни и вековыми традициями, формирующими психологию природного воина. Кроме того, казаки, размещавшиеся в крепостях пограничной линии, были более заинтересованы по сравнению с солдатами регулярной армии защищая границу, они защищали себя и свои семьи от набегов кочевников.

Оренбургское войско помимо охраны Оренбургской линии, командирования полков на западную границу высылало ещё и отдельные отряды на ярмарки для поддержания порядка, в различные уезды для преследования беглых и разбойников, а также в некоторые города для несения полицейской службы; в Пермской губернии оренбургские казаки "занимали этапы" для препровождения преступников, ссылаемых в Сибирь [27, с.97].

В 1840 г. было принято Положение об Оренбургском казачьем войске, которое закрепило и определило права несения оренбургскими казаками государственной службы.

Оренбургское казачье войско по Положению 1840 года обязано было охранять от набегов "хищных народов" Оренбургскую военную линию на границе с киргизской степью, высылать команды и полки с экспедициями в степи, во внутренние губернии для полицейской службы, во время войны в действующую армию, в чрезвычайных случаях выставлять в полной исправности все полки, батальоны, батареи, формировать резервы в полковых округах [4, л.4–4об.].

По Положению ОКВ обязано было содержать: 1) десять конных казачьих полков, с упразднением непрямого полка; 2) одну конно-артиллерийскую бригаду из трёх действующих батарей; 3) войсковую сотню мастеровых из 250 человек [27, с.109].

В середине века значительно увеличилось количество обязательных нарядов для войска. Для обеспечения "тишины и спокойствия" казачьи команды стали высылаться для несения военно-полицейской службы в различные губернии империи. ОКВ ежегодно направляло один полк в Москву, сводный четырёхсотенный отряд на Нижегородскую торгово-промышленную ярмарку, а также команды для поддержания порядка в Пермскую, Казанскую, Вятскую и другие губернии. Одна пешая сотня охраняла объекты на Казанской железной дороге. Подразделения казаков использовались при подавлении революционных выступлений на окраинах империи, для усиления земской и городской полиции.

С мая 1858 г. по "Штату Военных Управлений ОКВ" все низшие чины войска должны были иметь собственное обмундирование, оружие, лошадей и конскую принадлежность [5, л.60 об.].

Впервые за все время существования ОКВ Положение 1840 года узаконило сроки нахождения чинов на службе, которая подразделялась на полевую, в свою очередь делившуюся на "службу линейную и службу внутри империи и на границах", и внутреннюю, состоявшую "в исправлении всех должностей по разным частям управления ОКВ" [22]. Полевая служба продолжалась 25 лет, а внутренняя – 5, и по истечении этого срока казаки уходили в отставку и могли по собственному усмотрению выбрать для себя род занятий на войсковой территории. Офицеры же и чиновники войскового сословия должны были служить в строевых полках или структурах военного гражданского управления в течение 25 лет. Права на выход из войскового сословия не имели ни офицеры, ни рядовые казаки и урядники, и, выйдя в отставку, они обязаны были вернуться на жительство в те станицы, где числились по спискам.

По Положению 1840 года изменился порядок выхода на службу молодых казаков, которые ранее начинали служить в 18 лет. С 1841 года каждый достигший 17 лет казак зачислялся в "сиденки" и в продолжение 2-х лет под руководством офицеров и урядников готовился к выходу в полк. Ежегодно 1 января все казаки, достигшие 20 лет, приезжали в станицу, где приводились священником к присяге, а затем зачислялись в общий список очередности выхода на полевую службу.

Молодые казаки, призванные на службу, наравне со старослужащими включались в формирующиеся команды и отправлялись на сборное место, а оттуда в часть. Отслужив от 1 до 3-х лет, они могли вернуться домой и за-

ниматься своим хозяйством, после чего их вновь направляли на полевую или кордонную службу. Так продолжалось в течение 25 лет, вплоть до перечисления этих казаков в разряд внутренней службы. Таким образом, личный состав полков находился в постоянном движении.

Ежегодно из казаков внутренней службы с условием сменяемости их каждые шесть месяцев отправлялись в Оренбург для караула и наблюдения за порядком 11 урядников и 118 казаков, для охраны войсковых лесов – 6 урядников и 73 казака, а также во все полковые округа 110 урядников и 2310 казаков [18, с.92].

В 1857 году было утверждено положение, по которому казакам, прослужившим на полевой службе более 25 лет, за каждый лишний год засчитывали два года прохождения внутренней службы. Лица, выслужившие с полками 26 лет, состояли на внутренней службе 3, а выслужившие 27 лет – 1 год [19, с.428].

Итак, Оренбургское казачье войско в отличие от Донского, Яицкого и некоторых других, возникших из беглой вольницы, было образовано решением верховных властей и с самого начала своего существования практически не имело традиционных институтов войскового самоуправления с выборными атаманами, старшиной и Войсковыми кругами. С первых лет оно попало под жесткий контроль местной администрации, которая регламентировала буквально все сферы деятельности казачьих общин от несения службы до ведения хозяйства включительно. Основным предназначением нерегулярного, как его в отличие от армейских полков официально именовали, казачьего войска, стала сторожевая служба в стенных крепостях и укреплениях Оренбургской пограничной линии [1, с.39].

Конец XVIII – начало XIX века в истории России были ознаменованы проведением реформ, затронувших как регулярные, так и казачьи войска. Это было вызвано тем, что контрреформы, проводимые Павлом I, привели русскую армию к такому состоянию, что необходимо было немедленно провести реорганизацию сверху донизу [2, с.10]. Первоначально реформированию была подвергнута структура центрального управления – вместо прежней Военной коллегии было создано Министерство сухопутных сил, разделённое на семь департаментов, сменивших прежние "экспедиции": инспекторский, артиллерийский, инженерный, провиантский, комиссариатский, медицинский и аудиторский. Позднее был сформирован Департамент военных поселений, в ведение которого перешло общее руководство иррегулярными, в том числе и казачьими войсками [16, с.10].

Укрепляя регулярную армию, являющуюся опорой государства, правительство продолжало усиливать казачьи войска, видя в них источник пополнения полевых войск. Казачьи войска в этом случае превращались из вспомо-

гательной конницы в регулярную и должны были выполнять все задачи, возложенные на последнюю. Таким образом, в целях повышения боеспособности русской армии правительство приступило к частичному государственному реформированию казачьих войск.

Одним из первых к реформированию казачьей системы управления ОКВ приступил генерал О.А.Игельстром, который с 1796 г. занял пост Оренбургского военного губернатора и одновременно возглавил все находившиеся в крае войска.

В 1802 году атаман Оренбургского казачьего войска полковник А.А.Углицкий подал императору прошение, где указал необходимость преобразований в войске. Прошение было принято и передано в Военную коллегию, которая, рассмотрев его, определила состав Положения по управлению войском и штат полка ОКВ [21].

Согласно этому Положению, Высочайше утверждённому 8 июня 1803 года, в Оренбургском войске учреждалась Войсковая канцелярия по образцу Черноморского и Уральского казачьих войск, зависевшая "по делам военным от инспектора Оренбургской инспекции, а по гражданским состояла в ведении губернского начальства и особенно управляющего губернией" [15].

С принятием Положения от 3 мая 1803 г. нерегулярный корпус был упразднён и вместо него создан Оренбургский непреходящий (т.е. постоянного состава) казачий полк с местом постоянной дислокации в г. Оренбурге, а также был определён его штатный состав и установлено жалование. "Всех офицеров повелено было зачислить в полк Высочайшим приказом, только на вакансии, по удостоверению войскового атамана. Офицеров, имеющих армейские чины, повелевалось увольнять в отставку распоряжениями царя по прошениям только из-за неспособности к службе; нижних чинов – исключительно по старости и дряхлости или же по болезням и увечьям" [23, с.69 – 71]. Причём, чины войсковых офицеров были приравнены к чинам регулярным, а именно: полковник к чину армейского майора, есаул – к ротмистру, сотник – к поручику, хорунжий – к корнету. В результате очередной реорганизации, проведённой в 1803 г., ОКВ получило новый штат, по которому оно совместно [17, с.76] с расквартированными в губернии регулярными частями должно было содержать кордоны и нести сторожевую службу на военно-пограничной линии, правила по устройству которой были утверждены 19 августа 1804 г.

Одним из первых начал работу по реформированию ОКВ военный губернатор П.К.Эссен. В январе 1818 г. им было подготовлено и представлено в Совет военного министерства "Положение о новом устройстве и образовании Оренбургского казачьего войска" [27, с.91]. Однако этот проект в 1819 г. был возвращён генералу П.К.Эссену с предложениями и замечаниями.

25 октября 1823 г. П.К.Эссен для разработки нового Положения приказал создать особый комитет, который вскоре представил "Положение об Оренбургском казачьем войске".

В подготовленных проектах (П.К.Эссеном был представлен проект и о преобразованиях Башкирского и Мещерякского войска – Е.Г.) ОКВ предлагалось разделить на полки, в разделении же этих войск на бригады губернатор видел лишь предварительные меры, почему и ходатайствовал о скорейшем утверждении своих проектов. Однако Военный совет указал на ряд имеющихся в представленных документах серьёзных недоработок, и в 1831 г. проекты П.К.Эссена были возвращены его премнику генерал-адъютанту П.П.Сухтелену [12, с.106].

В апреле 1830 г. генерал-адъютант П.П.Сухтелен был назначен Оренбургским военным губернатором и командиром отдельного Оренбургского корпуса [25, с.193]. Граф П.П.Сухтелен, рассмотрев положение об ОКВ, нашёл его далеко не полным. Но прежде чем приступить к разработке нового Положения об Оренбургском казачьем войске он ходатайствовал перед Военным министерством о необходимости выделения войску территории от границы Уральского казачьего войска до пределов Сибирского генерал-губернаторства сплошной полосой не менее пятнадцати вёрст от реки Урал в глубь Башкирии. Он предлагал зачислить в казаки белопахотных солдат, солдатских малолеток, шляхтичей, живущих в разных местах губернии, инородцев с поселением их на линии, и государственных крестьян, не меняя их местожительства, а также обратить в казачье сословие нижние чины 4, 6, 8 и 10-го батальонов 28-й пехотной дивизии.

Граф П.П.Сухтелен предлагал разделить ОКВ на бригады и полки по линии и на кантоны внутри губернии. Кордонную службу на линии и в экспедициях должны были нести казаки, составляющие двадцать один линейный казачий полк. Они разделялись на две очереди, или бригады, сменявшиеся ежегодно: пока одни находились на службе, другие оставались в резерве, занимаясь хозяйством. Таким образом, половина служащих казаков всегда могла охранять покой и поддерживать благосостояние "неочередной" половины. Полки и команды внутренних кантонов должны были служить преимущественно внутри и на границе империи. Чтобы поднять нравственный уровень офицеров войска, граф П.П.Сухтелен предлагал производить казаков в зауряд-офицеры только лишь в крайних случаях. При переименовании в казаки четырёх поселенных линейных батальонов он просил предоставить им право переходить в войско офицерами этих батальонов [27, с.102].

Ходатайство графа П.П.Сухтелена, представленное 18 ноября 1831 г. через начальника главного штаба графа А.И.Чернышёва в комитет министров, получило полную поддержку, что послужило руководством для пра-

вительственных распоряжений в отношении устройства Оренбургского казачьего войска. 31 мая 1832 г. комитет вынес решение о целесообразности принятия следующих мер:

1. По всему протяжению Оренбургской линии нарезать 15-ти вёрстную полосу земли со стороны внутренней дистанции;
2. Обратить в казачье сословие всех казённых крестьян, живущих на этой территории;
3. Причислить Илецкий район к линейной черте;
4. Допускать переселение из малоземельных губерний крестьян с обязательным обращением их в казачье сословие;
5. Всех белопахотных солдат и малолеток, живущих в Оренбургской губернии, причислить к Оренбургскому казачьему войску.

Представив эти правила, комитет отметил, что для приведения их в действие Высочайшего указа издаваться не будет до тех пор, пока не будет подан на рассмотрение ожидаемый от Оренбургского военного губернатора проект положения об ОКВ [9, л.734].

Дальнейшую работу над структурой управления войском прервала внезапная смерть П.П.Сухтелена, которая последовала 20 марта 1833 г. Оренбургским военным губернатором и командиром отдельного Оренбургского корпуса стал 36-летний генерал-майор В.А.Перовский (это был первый в истории Оренбурга столь молодой губернатор – Е.Г.). Понимая, что казачество представляет достаточно внушительную силу, требующую на своё содержание меньших, чем регулярная армия, затрат, но способную решать крупные задачи военного продвижения в Среднюю Азию, он предпринял меры, направленные на значительное увеличение численности казачьего населения края, укрепления войскового управления и хозяйственное развитие оренбургских казаков [14, с.9]. В течение 1835 – 1840 гг. местная администрация провела реорганизацию Оренбургской пограничной линии. На новую линию были переведены солдаты линейных батальонов, казаки внутренних кантонов, государственные крестьяне Оренбургской и других губерний России, что естественно увеличивало состав войска. Одновременно с переносом пограничной линии власти завершили 37-летнюю работу по выработке наиболее оптимального для Оренбургского казачьего войска Положения.

Положение 1840 года законодательно установило сроки прохождения службы офицерами и рядовыми казаками, регламентировало порядок её несения, определило принципы комплектования полков. Коренным образом изменились и традиционные властные структуры: управление ОКВ разделилось на военное и гражданское, благодаря чему дела решались более оперативно и точно; решением гражданских дел по новому Положению занимались полковые правления, сменившие кантональные

канцелярии, и станичные правления. Должностные лица всех уровней назначались теперь правительством из лиц невоинского сословия. Над управлением ОКВ был установлен жёсткий государственный контроль.

В результате этих преобразований войско было выведено из-под юрисдикции общегубернаторских органов и, хотя находилось под полным контролем военного губернатора, превратилось в замкнутый и изолированный организм, живший по собственным законам, препятствовавшим проникновению в войсковую среду влияний извне.

Однако меняющиеся в конце 50 – начале 60-х гг. XIX века социально-экономические условия поставили власти перед необходимостью реформирования казачьих войск с целью ликвидации сословной замкнутости казачества и обращения его в гражданское состояние. Для усовершенствования системы управления ОКВ достаточно усилий приложил Оренбургский генерал-губернатор А.П.Безак, предложения которого отражали сущность реформ, проводимых в России официальными властями. Ему удалось добиться некоторых послаблений отбывания воинской повинности, сокращения сроков нахождения на полевой службе и т.д. [11, с.31 – 34].

В 1867 г. было принято "Положение о военном составе Оренбургского казачьего войска, сроках службы строевых частей и о способе их комплектования", согласно которому "излишек войскового народонаселения против потребности комплектования строевых частей войска обращается в сословие войсковых граждан" [7, л.55]. Общий состав служащих казаков должен был составлять 27 тысяч человек. Таким образом, отбывание воинской повинности, длительное время тормозившее развитие экономики, было облегчено и казаки, которые были освобождены от службы, теперь могли заниматься земледелием, торговлей или предпринимательством.

Была проведена и реорганизация структуры военного управления ОКВ. Высочайшим повелением, объявленным в приказе Военного Министра от 24 мая 1868 г. за № 161, военные округа ОКВ были переименованы в отдели 1, 2 и 3 [6, л.115].

25 октября 1867 г. было высочайше утверждено Положение Военного совета, объявленное в приказе Военного министра 5 декабря за № 392 о предоставлении Наказному Атаману права, подобно начальникам Дивизии, "делать в главный штаб" помимо командующих войсковых округов представления к производству офицеров, а также юнкеров и вольноопределяющихся на вакансии за выслугу установленных сроков [10, л.2].

Частичную реорганизацию претерпело и высшее звено военного управления ОКВ. В соответствии с Высочайшим приказом от 14 декабря 1872 г. Войсковое дежур-

ство было переименовано в Войсковой штаб [23]. Должность штаб-офицера трансформировалась в помощника начальника штаба.

Проводившиеся преобразования сказались и на деятельности казачьих общин и их управлении. Казаки в пореформенное время получили право выхода из войскового сословия, заметно ослабились тяготы военной службы. Произошедшие изменения были законодательно оформлены в утвержденном в мае 1870 г. "Положении об общественном управлении в казачьих войсках" [8, л.6]. По этому документу в состав станичного общества вошли все жители станицы с принадлежащим ей поселком. Станичное управление в каждом станичном обществе составили: станичный сход; станичный атаман со станичным правлением; станичный суд.

В станичный сход входили все домохозяйства, принадлежащие к составу станичного общества. Первое место на станичном сходе занимал станичный атаман, который отвечал за соблюдение порядка и благополучие в пределах станицы. Станичное правление состояло из станичного атамана, его помощников и станичного казначея.

В ведение станичного правления входило: разрешение дел, возложенных на станичный ход, ежемесячная проверка станичных сумм и станичных хлебных запасных магазинов. Для составления станичного суда ежегодно станичным сходом избирались от четырех до двенадцати очередных судей. Станичный суд собирался через каждые две недели по воскресеньям, если необходимо, то чаще.

Введение в действие "Положения об общественном управлении в казачьих войсках" ослабило административную систему управления, войсковое население получило ряд прав и стало самостоятельно решать некоторые вопросы местной жизни, связанные с хозяйственной деятельностью, открытием учебных заведений в станицах и поселках, определением очередности выхода на полевую службу.

"Положение об общественном управлении в казачьих войсках" действовало на территории ОКВ чуть более 13 лет, и с первых лет выявились недостатки. В станицах резко упала нравственность, стали возможны многочисленные махинации со сдачей в аренду земельных паев. С 1870 по 1891 гг. в несколько раз увеличилась сменяемость станичных судей, т.к. казаки стали избирать в состав станичной администрации людей беспринципных, нетребовательных или просто тех, с кем можно было легко договориться. Все просчеты "Положения об общественном управлении в казачьих войсках" требовали своевременного устранения, а управление – приведения в соответствие со стоявшими перед казачьими войсками задачами.

"С целью устранения недостатков, допускаясь прежде, – отмечал Военный министр генерал-адъютант П.С.Ванновский, – было утверждено в 1891 г. "Положение об общественном управлении станиц казачьих войск" и доработаны "Учреждения гражданского управления Оренбургского казачьего войска" [1, с. 160 – 161]. Новое Положение включало ряд мер, способствовавших, во-первых, более правильному устройству станичных и хуторских Сборов и разрешению в них общественных дел; во-вторых, более правильной и отвечающей потребности населения деятельности станичного суда; в-третьих, замещению общественных должностей достойными лицами и, в-четвертых, обеспечению исправного отправления ими земских и станичных повинностей и пополнения не-

доимок.

XIX век для Оренбургского казачьего войска стал временем напряжённых и целенаправленных поисков совершенствования системы его организации и управления. Насущная необходимость реформирования вызывалась ростом численности войскового сословия, качественными изменениями в его положении, ужесточением требований, предъявляемых центральной властью к казачьим войскам. Правительство стремилось сохранить самообеспеченность казаков и добивалось наивысшей боеспособности иррегулярной конницы путём поиска наиболее оптимальной системы её организации и управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамовский А.П., Кобзов В.С. Оренбургское казачье войско в трех веках. Челябинск: Челяб. гос.ун-т, 1999. 450 с.
2. Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. (Военно-экономический потенциал России). Москва: Наука, 1973. 616 с.
3. Вараксин В.В., Митин А.Н. Российское казачество на государственной службе// Чиновник. Выпуск. № 503 (27) // <http://chinovnik.uapa.ru>.
4. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 6. Оп. 8. Д.169.
5. ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д.126.
6. ГАОО. Ф. 6. Оп.13. Д.3452.
7. ГАОО. Ф.6. Оп.13. Д.3502/1.
8. ГАОО. Ф.6. Оп.13. Д.3574.
9. ГАОО. Ф.167. Оп. 1. Д. 36.
10. ГАОО. Ф.185. Оп.1. Д.9.
11. Годовова Е.В. Реформаторская политика Оренбургского и Самарского генерал-губернатора А.П. Безака в отношении оренбургского казачества// Российская государственность: становление и развитие государственной службы в России: материалы круглого стола. Оренбург: ООО "Агентство "ПРЕССА", 2010. С.5–9.
12. Годовова Е.В. Роль оренбургского военного губернатора графа П.К.Эссена в реформировании Оренбургского казачьего войска // Оренбург вчера, сегодня, завтра: исторический и социокультурный опыт. Материалы и тезисы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 260-летию г. Оренбурга. Оренбург: Печатный дом "Димур", 2003. С.106 – 108.
13. Гордеев А.А. История казачества. М.: Вече, 2006. 640 с.: ил.
14. Зобов Ю.С. Преобразования в Оренбургском казачьем войске в 30 – 40-х годах XIX в.// Крестьянство и казачество Южного Урала в трёх веках. Программа и материалы региональной научной конференции. Оренбург: Оренбургская губерния, 1996. С.8 – 10.
15. Историческая записка об Оренбургском казачьем войске, составленная советником Войскового хозяйственного правления полковником П.И.Авдеевым. Оренбург: Изд-во Оренбургского казачьего войска, 1904. 182 с.
16. Кобзов В.С. Военно-административная структура Оренбургского казачьего войска в XVIII – первой половине XIX в. Челябинск: Челяб.гос.ун-т,1996. 155 с.
17. Материалы по историко-статистическому Оренбургского казачьего войска. Вып. 5. Оренбург, 1904.
18. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 11. Оренбург, 1910.
19. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 12. Оренбург, 1912.
20. Оренбургское казачье войско. Союз казаков России. // <http://www.okvrussia.ru>.
21. Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗ). ПСЗ-1. Т. XXVII. № 20786.
22. ПСЗ-2. Т. XV. № 14041.
23. ПСЗ-2. Т. XIV. № 48354.
24. Савельев Е. Племенной и общественный состав казачества (исторические наброски)/ Е.Савельев // Донские областные ведомости. № 160/ 24.07.1913 г.
25. Семёнов В.Г., Семёнова В.П. Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 400 с.
26. Стариков Ф.М. Краткий исторический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о современном быте оренбургских казаков и карты. Оренбург: Типография Б.Бреслина, 1890. 180 с.
27. Стариков Ф.М. Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков; со знамёнами и карты. Оренбург: Типография Б.Бреслина,1891. 249 с.

ОРЕНБУРГСКАЯ ЕПАРХИЯ КАК УНИКАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ИСТОРИИ

ORENBURG DIOCESE AS UNIQUE PHENOMENON ORTHODOX HISTORY

M. Efimenko

Annotation

The uniqueness of the Orenburg diocese is revealed in the article. The main milestones of its history are shown. Her life events are analyzed. The characteristic is given to its symbols. Lines which turned a diocese into the special phenomenon of orthodox history of the Russian state are defined. Biographies of bishops and simple believers are given. Their lives made Orthodoxy history on the Orenburg earth.

Keywords: Orenburg region, Orenburg diocese, Orthodoxy, bishop, icon, prayer.

Ефименко Марина Николаевна

*Оренбургский
государственный педагогический
университет*

Аннотация

В статье раскрывается уникальность Оренбургской епархии. Показаны основные вехи ее истории. Анализируются события ее жизни. Дана характеристика ее символам. Определены черты, которые превратили епархию в особое явление православной истории Российского государства. Даны биографии архиереев и простых верующих. Их жизни составили историю православия на Оренбургской земле.

Ключевые слова:

Оренбургский край, Оренбургская епархия, православие, архиерей, икона, молитва.

"Проблема истинного национализма разрешима только в связи с духовным пониманием Родины: ибо национализм есть любовь к духу своего народа, и притом к его духовному своеобразию", – писал И.А.Ильин в своей книге "Путь к духовному обновлению" [5, с.33].

"Духовное своеобразие" русского народа, краеугольный камень русской ментальности – это православно-христианская традиция, в которой сочетаются собранность и сердечная созерцательность, жертвенность и терпимость, напряжение духа в нравственных исканиях и совесть.

Так случилось в нашей истории, что привнесенная извне религия стала стержнем духа целой нации, сутью целого народа, нашедшего в ней успокоение и веру. Еще со времен принятия христианства на Руси (988 г.) и по сегодняшний день не потерял своей актуальности, а в отдельные моменты нашей истории обострялся до предела, вопрос об осмыслении пути развития русского государства. Одну из главных ролей в поисках ответа на этот вопрос играла и играет Русская Православная Церковь (РПЦ), те традиционные духовные ценности, которые она стремилась воспитать в своей пастве.

В 2009 году исполнилось 210 лет с момента учреждения в пределах обширной Оренбургской губернии Оренбургской епархии.

16 октября 1799 года Павел I подписал законодательный акт о создании Оренбургской, Харьковской, Тульской, Калужской, Пензенской и Пермской епархий.

Сам город Оренбург был заложен 31 августа 1735

года в устье реки Орь. Но позже по ряду причин дважды переносился. И только 19 апреля 1743 года был основан на современном месте. 15 марта 1744 года была образована Оренбургская губерния с центром в Оренбурге. В ее состав вошли Исетская и Уфимская провинции, крепости, построенные по рекам Урал, Сакмара, Самара, а также зауральские башкиры. Оренбургскому губернатору предписывалось "ведать киргизский народ и тамошние пограничные дела" [3, с.339]. Позже в состав Оренбургской губернии вошла и Ставропольская крепость, населенная крещеными калмыками. В 1773 г. из Казанской губернии в Оренбургскую перешла Самара. В 1781 г. Оренбургская губерния была упразднена и образовалось Уфимское наместничество с центром в г.Уфа. Но в декабре 1796 г. оно было ликвидировано и воссоздана Оренбургская губерния с центром в Оренбурге. Еще почти столетие губерния меняла свои границы, охватывая новые территории и народности, населявшие их, или утрачивая свою власть над ними. Одно из последних делений произошло в 1865 г., когда на основе Оренбургской губернии было создано две: Оренбургская и Уфимская. В состав первой вошло пять уездов: Верхнеуральский, Оренбургский, Орский, Троицкий и Челябинский. Эта административная структура губернии оставалась неизменной до марта 1919 г. С 1868 г. оренбургскому губернатору подчинялись Тургайская и Уральская области, населенные местными племенами: башкирами, киргизами, калмыками. Эти народы исповедовали свои родовые культы, буддизм в форме ламаизма, а также ислам, который проник на Южный Урал в X в. Поэтому, когда в данных районах была учреждена новая российская гу-

берния, то встал вопрос и об образовании православных органов, несущих и укрепляющих истинно православную веру, в форме епархии.

В церковно-административном отношении Оренбургский край до учреждения самостоятельной епархии, как утверждает один из первых исследователей истории Оренбургской епархии Н. Чернавский, отдельными частями подчинялся разным епархиальным центрам [8, с.3].

Оренбург и ближайшие линейные крепости были в ведении казанских архиепископов. Земли Уфимской провинции контролировала Вятская епархия. Территория Верхнеуральска и его селений принадлежали Тобольской митрополии, учрежденной еще в 1620 г.

В 1744 г. начинает работать Оренбургское духовное правление, созданное еще в 1739 г. и находившееся в Самаре. Оно ведало церковно-административным управлением духовенства, а также контролировало церкви и приходы вновь построенных крепостей и селений Оренбургской губернии.

Однако к концу XVIII в. оформляется ряд причин, которые определили необходимость создания собственной епархии в Оренбургской губернии: во-первых, при общем военно-гражданском единстве Оренбургский край отличался разрозненностью в церковно-административном плане, что затрудняло отношения между гражданской и епархиальной властями; во-вторых, обширные территории Казанской и Тобольской епархий были препятствием для последовательного управления церковными общинами Оренбургского края из епархиальных центров, нередко удаленных на сотни верст от приходов.

Епархии Оренбургской губернии было определено именоваться по названию губернии, а ее руководителю – епископом Оренбургским и Уфимским. Вновь созданная епархия заняла лишь 20 место среди всех Российских епархий, так как насчитывала к моменту своего образования лишь 205 приходов. Архиерей и духовная консистория находились не в Оренбурге, а в Уфе, так как пустовавшие здания казенных присутственных мест Уфимского наместничества были пригодны для их размещения, между тем как в Оренбурге их пришлось бы строить заново.

Первым епархиальным архиереем стал Амвросий Келембет, который управлял епархией с 1800 по 1806 гг. Современники указывали на простой и добродушный характер Преосвященного. За годы епископства он способствовал возобновлению в Уфе деятельности мужского Успенского Богородицкого монастыря и открытию Оренбургской духовной консистории, ведавшей административным управлением и духовным судом (которому принадлежали и миряне) по брачным делам, а также по поступкам против церковных обрядов и установлений. Как свидетельствуют документы, духовная консистория занималась делами священнослужителей, церковными общинами, духовным и светским образованием, осуществляла сбор сведений о сектантских движениях, контролировала миссионерскую деятельность [1].

2009 год был годом двойного юбилея Оренбургской епархии: 210 лет с момента создания епархии Оренбург-

ской и Уфимской и 150 лет создания собственно Оренбургской епархии в результате разделения с Уфимской.

Инициатором этого разделения был оренбургский генерал-губернатор А.А. Катенин, который лично ходатайствовал по этому вопросу перед Священным Синодом. Решением от 3 апреля 1859 г. Было образовано две самостоятельных епархии: Оренбургская и Уфимская [2].

Причинами этого раздела стали: 1) действительная обширность территории епархии, объезд которой в силу присоединения все новых земель как епископу, так и другим представителям епархиальной власти стал затруднителен; 2) необходимость усиления борьбы со старообрядчеством, занимавшим первое место среди оппозиционных по отношению к официальному православию течений, и язычеством посредством усиления миссионерской деятельности. Осуществление этих задач, контроль и централизованное управление могло гарантировать только сокращение границ епархии и установление епархиального центра в Оренбурге. В состав новой Оренбургской епархии вошли: оренбургский уезд, включавший в себя тогда и Орский, казачьи церкви Челябинского, Троицкого и Верхнеуральского уездов, хотя сами уезды вошли в состав епархии только в 1862 г. [8, с.7]. В состав епархии в результате раздела 1859 г. вошли также Уральская область и церкви Зауральской степи, которые позже составили район Тургайской области. Границы епархии постоянно менялись. Свои новые очертания они приобрели, когда в 1872 г., когда образовывалась Туркестанская епархия, и в 1908 г., когда Уральская область отошла к Самарской губернии. С 1859 по 1908 гг. оренбургский епископ именовался Оренбургским и Уральским, с 1908 г. – Оренбургским и Тургайским. В настоящее время епархию возглавляет митрополит Оренбургский и Бузулукский Валентин.

История Оренбургской епархии включает в себя события, связанные с укреплением ее административной структуры, созданием образовательных центров, ведением миссионерской деятельности. Но в этой череде событий хочется выделить то, что превращает епархию в уникальное явление православной истории российского государства, является ее ликом.

Истинным ликом Оренбургской епархии является ее самая большая святыня – Чудотворная Табынская икона Божьей Матери. В 1856 г. Преосвященный Антоний (1853–1858) установил ее ежегодный внос в Оренбург.

Свое название икона получила от села Табынского Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. Она является одним из наиболее ранних списков Казанской иконы Божьей Матери, появившейся в Казани в 1579 г. Табынская икона Божьей Матери – одна из наиболее почитаемых икон на всем Южном Урале.

Икона, несомненно, имеет очень древнее происхождение. По типу отделки доски, красок и рисунку греческого письма ее создание можно отнести к XII веку, то есть к тем временам, когда живущие здесь народы – венгры, болгары и команы – были вытеснены нашествием татаро-монгольских полчищ.

Летопись гласит, что около места первого явления

Табынской иконы Богоматери существовала некогда Вознесенская пустынь, основанная, вероятнее всего, в 80-х годах XVI века игуменом Евфимием. Но точно известно, что уже в 1597 г. пустынь называлась Пречистой Богородицы явления иконы Казанской и московских чудотворцев Петра, Алексея, Ионы I – сокращенно Пречистенский монастырь [7, с.65]. Это говорит о том, что икона Пресвятой Богородицы, называемая ныне "Табынская", была впервые обретаена в 80–90-х гг. XVI века в царствование Феодора Иоанновича. В 1663 г. пустынь была разрушена и икона утеряна. Но в 1736 г. была заложена Табынская крепость на месте старого поселения и храм, названный в честь погибшей пустыни Вознесенской, с приделом в честь пропавшей чудотворной иконы, называемой тогда Казанской. В этом же храме и явилась Табынская икона Божией Матери в середине XVIII в., в 1765–1768 гг.

Икона имеет крупные размеры (74 x 106 см) и характерную особенность – очень темный лик. Настолько темный, что не различить его черты. Существует множество точных списков Табынской иконы Богородицы, почитаемых местным населением за чудеса, изливаемые по молитвам Божьей Матери в городах Оренбурге, Самаре и других.

Однако настоящая Табынская икона отличается от всех копий своими ранами, нанесенными ей при втором её явлении:

а) на верхнем крае имеется довольно значительный разруб;

б) в нижней половине иконы в середине имеется вставка.

И последняя характерная особенность в том, что она всегда была укрыта серебряным окладом, от чего имеются следы по краям иконы [7, с.64].

От святой иконы изливались чудеса, что и определило необходимость крестного хода, который являлся самым продолжительным в истории России. Ежегодно после IX пятницы по Пасхе (в то же число Пасхи, но через два месяца) икона начинала свой ход по оренбургской губернии. Если пасха была поздняя, то икона следовала через Верхнеуральск, Троицк, Орск, если пасха была ранняя, крестный ход шел через Челябинск и Кустанай. Начиная с 1856 г., икона вносилась в Оренбург: сначала в кафедральный собор, затем шел крестный ход на Урал, для водоосвящения. Икону обносили вокруг города и по расписанию вносили во все городские церкви. 22 октября каждого года она покидала Оренбург и весной следующего года возвращалась в Табынск, но лишь на короткое время, чтобы к празднику Рождества Богородицы (7 сентября) быть в Оренбурге, пройдя крестным ходом всю губернию. Последний раз икона вносилась в Оренбург осенью 1918 г. В марте 1920 года атаман Оренбургского казачьего войска А.И.Дутов вывез ее с собой в Китай. В дневнике знаменитого атамана сохранилась запись: "...Вынесли только оружие, патроны и икону..." [7, с.69]. Первый её храм за рубежом был в монастыре города Харбина. В Китае чудотворная Табынская икона пребывала до 1948 г. Затем Табынская икона попала в Ав-

стралию. Далее архимандрит Филарет, будущий предстоятель Русской Церкви за границей, перевез икону в город Сан-Франциско. Все попытки митрополита Мануила вернуть святую икону не увенчались успехом. Сейчас в Оренбургском Никольском кафедральном соборе находится поздняя копия, воссозданная по репродукциям и фотографиям.

Православную традицию невозможно представить себе без храма. Оренбургская епархия имела выдающееся архитектурное сооружение церковного зодчества, очень короткий срок существовавшее в реальности, но на многие десятилетия даже после разрушения ставшее символом православия и его трагической истории.

В 1873 г. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор Н.А. Крыжановский предложил в память основателя города Оренбурга И.И. Неплюева, к 100-летней годовщине его кончины заложить новый собор [4, с.9]. Две соборные церкви на берегу Урала, построенные еще в XVIII в.: Спасо-Преображенский однопрестольный и Венденский храмы уже не вмещали в себя всех желающих присутствовать на богослужениях, особенно в праздничные дни. Вопрос о строительстве нового храма был решен достаточно быстро. На его сооружение требовалось около 400 тыс. руб. С разрешения государя пожертвования собирали по всей России. 19 октября 1895 г. Собор был освящен в честь иконы Казанской (Табынской) Богоматери. Он был построен в ложно-византийском стиле, столь модном для церковных построек того времени, по проекту архитектора академика Яценко. "Собор устроен... наподобие храма Св.Софии в Константинополе с выдающимся посередине обширным куполом, который с трех сторон облекают три полукупола, а между ними красиво возвышаются четыре колокольни. Высоко поднимаясь над городом, собор как бы царит над ним, а его массивность и грандиозность оставляет в зрителе вместе с красотой вида и гармонией частей впечатление силы и величия ..., обращают на себя внимание иконы изящной работы художника В.Маковского в главном иконостасе и большая картина "Явление Богоматери преподобному Сергию", помещенная на одном из пилястров собора", – писал в своем путеводителе П.Д.Райский [6, с.105]. В настоящее время делаются попытки если не восстановить храм в его прежнем виде, то возродить его элементы в новых храмах епархии.

Жизнь епархии и ее история определяется делами и служением людей, поэтому истинными ликами православной жизни Оренбуржья являются те, кто служил делу веры. С одной стороны, говоря об исторических личностях епархии следует, прежде всего, выделить ее архиереев, Преосвященных руководителей. Их имена стали поистине историей епархии, каждый из них внес свой вклад в дело становления и развития православия. После Преосвященного Амвросия Келембета епархию возглавляли Августин Сахаров (1806–1819), Феофил Татарский (1819–1823), Амвросий Морев (1823–1828), Аркадий Федоров (1828–1831), Михаил Добров (1831–1835), Ионникий Образцов (1835–1849), Иосиф Богословский (1849–1853), Антоний 1 Шокотов (1853–1858).

Первым главой вновь образованной епархии стал последний из оренбургско-уфимских епископов Антоний II Радонежский (1859–1862), при котором в 1860 г. было открыто Оренбургское духовное училище. Преосвященный Варлаам Денисов (1862–1866) освятил в 1867 г. первый в Оренбурге православный мужской Богодуховский монастырь.

Наиболее яркой фигурой среди духовных глав Оренбургской епархии во второй половине XIX в. был Преосвященный Митрофан Вицинский (1866–1879). С его благославления в епархии в 1875 г. был открыт Оренбургский епархиальный Комитет Православного Миссионерского общества для борьбы с сектантством и старообрядчеством. При нем началось строительство семинарии с целью подготовки кадров священников-миссионеров среди мусульманского населения. В 1873 г. стараниями секретаря Оренбургской Духовной Консистории И.И.Евфимовского-Мировицкого вышел первый номер "Оренбургских епархиальных ведомостей".

В укреплении и расширении миссионерской деятельности РПЦ на территории Южного Урала видел главную задачу и Преосвященный Вениамин II Смирнов (1882–1886). В 1884 г. в Оренбурге была открыта Духовная семинария. В 1890 г. – Духовное училище. Значительным событием в истории Оренбургской епархии стало открытие в 1886 г. Михаило-Архангельского братства для ведения активной миссионерской работы среди неправославного и старообрядческого населения епархии. Братство создавало миссии против раскола и ислама, содержало миссионерские школы, издавало и распространяло противосектантские книги. Миссионерские цели достигались, главным образом, через устройство школ в православно-инородческих приходах с преподаванием предметов и совершения богослужения на родном языке. Навечно в историю Оренбургской Епархии вписано имя митрополита Леонтия (Леонида Фадеевича Бондаря), возглавившего её в 1963 г. За время своего 36-ти летнего руководства (скончался в 1999 г.) он внес значительный вклад в развитие епархии, которая за эти годы выросла и количественно и качественно. (В 1963 г. в епархии было всего 7 приходов, в 1989 г. – 24, в 1998 г. – 111). Такой рост был определен и достоинствами

Владыки Леонтия и резкими изменениями государственного курса. Деятельность архипастыря по управлению епархией была отмечена Московским патриархатом и в 1971 г. Владыка Леонтий был рукоположен в сан архиепископа, а в 1992 – митрополита.

Но в историю Оренбургской епархии постепенно вписываются новые страницы, связанные с именами людей, чья жизнь проходила среди простых верующих и которые своими делами и глубокой верой заслужили высокую память о себе, став месточтимыми святыми епархии. Одним из таких людей был схимонах Максим, чье имя долгие годы было в официальном забвении, но не в людской памяти и благодарности. Матвей Георгиевич Палипцов (Пелепцов) родился в 1863 г. в Оренбургской области в Сорочинском районе в простой крестьянской семье села Ивановки. В семь лет после перенесенной болезни он ослеп и в десять лет был отдан в мужской Спасо-Преображенский монастырь г.Бузулука, где был в 1905 г. пострижен в монахи с именем Макарий. Он был широко известен в кругу простых людей, к нему стекались нуждающиеся в помощи, шли за советом, за исцелением, со своими скорбями и радостями. В 40 лет он принимает схиму под именем Максим и продолжает служить в Бузулуке в Спасо-Преображенском монастыре. После его закрытия в 1929 г. схимонах Максим был арестован первый раз и ему было определено 4 года ссылки в Казахстан. После возвращения в 1933 г. он стал проживать в Самаре, но в 1936 г. вернулся в Бузулук, где в 1937 г. был арестован вторично. В сентябре 1937 г. в одиночной камере бузулукской тюрьмы схимонах Максим скончался. Его прах тайно перехоронили на старом городском кладбище в Бузулуке. Сейчас его могила – место паломничества как жителей города и близлежащих поселений, так и православных со всей епархии. Он продолжает помогать, его душа молится за тех, кто нуждается в утешении...

В настоящее время специально созданная епархией комиссия по канонизации новомучеников Оренбургской епархии, в которую входят как представители духовенства, так и научные работники, деятели культуры, проводит большую работу по сбору материалов о жизни и деятельности православных священников, которые пострадали за веру, но остались преданными ей и своей пастве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф.173. Оп.1. Д.16.
2. ГАОО. Ф.173. Оп.3. Д.4005. Л.2.
3. Государственный архив Оренбургской области. Путеводитель. М.: Б.и., 1966. 379 с.
4. Десятков Г.М. Казанский кафедральный собор. Оренбург, ИПК "Южный Урал", 2000. 64 с.
5. "...Из русской думы". В 2-х тт. М., "Роман-газета", 1995. Т.1. 255 с.
6. Райский П.Д. Путеводитель по городу Оренбургу. Оренбург, Оренбургское книжное издательство, 2000. 176с.
7. Уфимская епархия РПЦ: справочник-путеводитель. М.: Уфимская епархия РПЦ: Общество сохранения лит.наследия, 2005. 672с.
8. Чернавский Н. Общий взгляд на историю Оренбургской епархии. Оренбург, 1899. 20 с.

ОРГАНИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ МУСУЛЬМАНАМИ ПОВОЛЖЬЯ И ПРИУРАЛЬЯ в конце XVIII - начале XX в.

ORGANIZATION OF MUSLIM'S POPULATION IN VOLGA AND URALS REGIONS IN THE RUSSIAN EMPIRE

A. Tikhonov

Annotation

This article is about the organization of Muslim's population in Volga and Urals regions in Russian empire. First of all in this article show the process the law regulation between the local government and Muslims. The author analyzed the proses of including Muslims of this region in confessional policy of Russian government. In this article show all difficulties in this way. Specially the author wrote about the role of local administration and their connection with Muslims.

Keywords: Orenburg Muslim's clergy administration, Muslims, mosque, general-governor, clergy, Tartars.

Тихонов Андрей Константинович

Д.и.н., профессор,

*Российская академия народного хозяйства
и Государственной службы,
Владимирский филиал*

Аннотация

В статье анализируется организация управления мусульманами Поволжья и Приуралья в Российской империи в конце XVIII – начале XX в. Первоначально дается разбор становления законодательной базы, которая регулировала взаимоотношения властей с мусульманами. Показан процесс встраивания мусульман в структуру российского общества, а также его сложности. Особо выделяется роль местных органов власти, а также работа с мусульманским духовенством.

Ключевые слова:

Оренбургское магометанское духовное правление, духовенство, генерал-губернатор, мусульмане, мечеть, татары.

Исследователь национального вопроса во внутренней политике Российской империи В.С. Дякин отмечал в отношении власти к российским мусульманам: "Первоначальная тенденция к большей или меньшей степени насильственной ассимиляции в форме обращения в православие и грубого ограничения в правах мусульман, составлявших до второй половины XVIII в. основное национально-конфессиональное меньшинство населения России, была при Екатерине II сменена политикой веротерпимости. Речь шла о буквальном понимании этого термина – власть соглашалась терпеть в государстве неправославное население, регламентируя его права, но сохраняя за православной церковью значение первенствующей"[1, с. 16].

Ситуация изменилась во второй половине XVIII в., когда в состав Российской империи вошли обширные мусульманские анклавы в Северном Причерноморье, на Кавказе и в Крыму. На Урале подданными России стали башкиры, и границы империи вошли в соприкосновение с кочевыми народами, исповедующими ислам. Мусульманское население России стало слишком значительным. Поэтому на повестку дня встал вопрос о выработке целостной политики в отношении мусульман России и организации для них специального управления. Подтолкнули к этому и ряд восстаний башкир, включая их участие в пугачевском восстании. Так, 22 февраля 1784 г. вы-

шел именным указ Сенату "О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства"[3, т. 22, ст.15936], по которому крымско-татарская и волжско-мусульманская знать была уравнена в правах с российским дворянством. Это было сделано с целью привлечения на свою сторону верушки мусульманского общества России. Основными для определения устройства поволжских мусульман России в 80–90-е годы XVIII в. стал указ от 2 сентября 1788 г. "Об определении мулл и прочих духовных чинов магометанского закона и об учреждении в Уфе духовного собрания для заведования всеми духовными чинами того закона, в России пребывающими".

В нем говорилось об учреждении в Уфе духовного собрания магометанского закона, которое "имея в ведомстве своем всех духовных чинов того закона, в разных губерниях пребывающих, исключая Таврической области, где особое есть духовное управление, в случае надобности определять их куда-либо вновь, сии люди были испытываемы, и не иначе определяемы, как когда признаны будут достойными; со стороны же наших генерал-губернаторов, правящих ту должность, в отсутствие же их губернаторов, наблюдать, дабы к исправлению духовных должностей магометанского закона употребляемы были люди в верности надежные и доброго поведения. В духовном Собрании упомянутом председательствовать перво-му Ахуну Мухамет Джан Гусейну[11], коего Мы Всемило-

стивейше жалует муфтием, с производением ему жалованья по 1500 рублей на год, и с ним заседать 2 или 3 муллам из казанских татар, в верности к Нам и в добропорядочном поведении их испытанном, с жалованием по 1200 рублей на год"[2, с. 50].

В итоге "в округе Оренбургского магометанского духовного собрания высшее магометанское духовенство составляют оренбургский муфтий и ахуны, а приходское при соборных мечетях хатыпы (муллы), имамы, маязины, при простых мечетях имамы и маязины...

Высшие духовные чины (муфтий и ахуны) лично свободны от рекрутской повинности и телесных наказаний за преступление...

Оренбургское магометанское духовное собрание составляют председательствующий муфтий и три члена, а канцелярию – секретарь, столоначальник, переводчик, журналист и канцелярские служители по штатам.

Кандидаты на место муфтия избираются магометанским обществом и один из них по представлению министра МВД утверждается Высочайшей Властью"[7, с. 210, 211, 213, 217, 218, 219, 223, 224].

Таковой система управления мусульманами сохранялась до апреля 1905 г. Как видим, с одной стороны, она была устроена таким образом, что на самый верх мусульманской иерархии могли попасть только абсолютно лояльные российским властям люди. С другой, власти изначально не стремились вмешиваться во внутриконфессиональную жизнь российских мусульман.

Следующим важным вопросом во взаимоотношениях властей и мусульманского населения поволжского региона стал вопрос о порядке возведения культовых зданий мусульман. По строительному уставу 1836 г. (впоследствии он был фактически продублирован уставом 1900 г.) построение мечетей "допускается не иначе как по представлениям от приходов и приходских чинов магометанскому духовному начальству и с утверждения начальства губернского, после надлежащего удостоверения в необходимости сего построения, а равно и в достаточности средств для приличного их содержания. При построении мечетей в селениях наблюдать, чтобы они сооружаемы были не на площадях, а где оных нет, там на расстоянии не менее 10 сажень от строений (по Уставу строительному 1900 г. – 20 сажень от строений" [8, с. 140]. Оговаривалась также необходимость для мусульманского общества заявить в общественном приговоре свое согласие на выделение необходимых средств на строительство и содержание мечети и духовенства[9, с.36].

Прежде всего, предусматривалось строгое соблюдение положения о строительстве мусульманских мечетей при числе душ мужского пола не менее чем 200 человек. Также запрещали строительство мечетей и возобновление старых в местностях, где живут крещеные татары, особенно если там нет православных храмов. Запрещалось строительство мечетей в центрах городов и на торговых площадях. Разрешение на строительство мечетей мусульманскому обществу стало выдавать гражданское

начальство по согласованию с епархиальным. Мечети, поставленные с нарушением правил, признавались не самостоятельными. Такие мечети либо присоединялись к большим приходам, либо на их поддержание не позволялось выделять средства, вследствие чего они приходили в ветхость[4, д.743, л. 27–28].

Особо оговаривались требования к муллам и их числу при мечетях. Требовалось, чтобы они были только при самостоятельных мечетях из расчета один мулла на 200 – 1,5 тысячи душ мужского пола. Муллы должны быть не моложе 22 лет (желательно 28–30), с уровнем образования не ниже гимназического [4, д.743, л. 28 об.]. Для крещеных татар предусматривалась организация богослужения на татарском языке, воспрещалось брать с крещеных татар плату за требы и, одновременно, включалось требование в приговоры мусульманских обществ назначать жалованье учителям русского языка в мектебах при мечетях. В районах, удаленных от православных приходов, где проживали крещеные татары, направляли священников с походной церковью для совершения христианских треб бесплатно[4, д.743, л. 45, 58, 63].

Особое внимание уделялось подбору высшего мусульманского духовенства и, прежде всего, муфтия. Оренбургскому духовному магометанскому правлению с центром в городе Уфе подчинялись мусульмане Поволжья и Башкирии, которые доставляли наибольшее беспокойство. Поэтому главным требованием к оренбургскому муфтию являлась преданность центральным властям и проводимой ими политике. К претендентам на пост муфтия выдвигались также следующие требования: быть российским подданным, знать русский и арабский языки, на высоком уровне разбираться в догматах веры, быть не моложе 30 лет и иметь образовательный ценз не ниже гимназии. Из всех кандидатов отбирались два человека, кандидатуры которых направлялись в МВД. Там отбирали одного, назначение которого должен был утвердить император. В середине XIX в. муфтием Оренбургского духовного магометанского правления был избран Тевкелев Салим Гирей Шангереевич. Он руководил Оренбургским магометанским духовным правлением практически весь период II половины XIX в. и многое сделал для лояльности российских мусульман властям.. В состав Оренбургского магометанского собрания назначался человек от правительства из русских чиновников, которые обязаны были участвовать во всех собраниях, как в духовных, так и в гражданских делах, наблюдать за соблюдением отчетности делопроизводства. В отношении мулл предусматривалось их умение читать и писать на русском языке, прежде всего, для ведения метрических книг [4, д. 611, л. 10 – 10 об.].

Однако, всю первую половину XIX в. организация управления поволжскими мусульманами в Российской империи оставалась сложной. Поэтому МВД разослало циркуляры в губернии со значительным процентом мусульманского населения с задачей прислать свои предложения по улучшению управления мусульманами. Прежде всего, это требование относилось к руководите-

лям поволжских и уральских губерний. Все они составили "Дело по вопросу об изменении порядка управления делами магометан России в целях борьбы с исламом", датируемое первой половиной 70-х гг. XIX в. Если обобщить отчеты генерал-губернаторов, то основное внимание они уделили следующим вопросам и проблемам: "1) не следует правительству вмешиваться в вопросы назначения и экзаменования мулл и заботиться об удовлетворительности их религиозных знаний. Следует указать лишь способ удостоверения в духовной компетенции мулл собственными его средствами; 2) следует указать различный порядок подсудности мулл за нарушение духовных и служебных обязанностей. Это нужно для избежания вмешательства гражданской власти в дела религии. У духовного собрания мало возможностей для действительного надзора за деятельностью приходского духовенства; 3) муллы могут осуждаться правительственными учреждениями за нарушение их обязанности по отношению к правительству (т.е. за преступления по должности); 4) законы должны определять степень власти магометанского духовенства в делах гражданских; 5) ведение метрических книг следует изъять из сферы деятельности магометанского духовенства; 6) главная идея преобразований Магометанского духовного управления – сохранение во всей полноте начал веротерпимости и отделение дел религии от дел управления; 7) целесообразно учесть замечания новороссийского и бессарабского генерал-губернатора об образовании вместо Таврического магометанского духовного правления особого отделения при губернском правлении. Также упразднить Оренбургское духовное собрание как особое учреждение Министерства внутренних дел" [4, д. 611, л. 228 об. – 229 об.].

Свои планы преобразований выдвигали как губернаторы, так и мусульманское духовенство. Интерес представляют проекты двух наиболее заинтересованных сторон: Оренбургского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Н. А. Крыжановского как управляющего территорией с самым большим процентом мусульман в стране и имеющего на своей территории в г. Уфе Магометанское духовное правление, и верховного муфтия этого правления С. Г. Тевкелева. Первый из них предлагал: "1) в состав Оренбургского магометанского собрания назначить члена от правительства из русских чиновников, на обязанности которого возложить: участие во всех постановлениях собрания, относящихся как к духовным, так и к гражданским делам; наблюдение за канцелярией собрания, за правильным делопроизводством и за ведением отчетности; 2) назначаемые муллы должны сдавать экзамены на знание русского языка и вести метрические книги по-русски; 3) уменьшить количество мечетей и духовных лиц, приведя их в соответствие к законам установленной норме.

По духовному управлению башкир: 1) муллою назначить лишь знающего русский язык, а через 7 лет – окончившего русскую гимназию. Освободить учеников-башкир от поступления в духовные сословия и занятия други-

ми иностранными языками. Число мулл определить по числу мечетей, а их по числу душ в них. Всех мулл не выдирать, а назначать; 2) назначить муллам содержание из казны, одновременно запретив поборы с населения, а также поставить их в зависимость от правительства. Для этого обложить башкир прямым налогом на содержание духовенства, определив его по количеству прихожан в мечети" [4, д. 611, л. 219 об., 221, 222 об.].

При этом главная задача такого закона состояла в необходимости избежать противодействия магометанского духовенства в отношении правительства. Проект муфтия Оренбургского духовного правления включал два основных положения: "1) учреждение новых должностей ахунов, на которые возлагается надзор за мечетями и школами; 2) преобразования духовного собрания: на число семей менее 20 – один молитвенный дом, более 20 – пятивременная мечеть. Более 100 семей – соборная мечеть. При каждой мечети дозволить иметь медресе. Избранные на духовные должности проходят испытания в духовном собрании. Оно должно состоять из муфтия, его помощника и трех заседателей, избираемых на три года не одной Казанской губернии, как ниже, а по одному из каждой губернии" [4, д. 611, л. 224 об. – 225. Как увидим, в результате в Устав духовных дел иностранных исповеданий 1896 г. вошли несколько другие, измененные положения.]. Эти проекты рассматривались при составлении Устава духовных дел иностранных исповеданий, и ряд положений из них вошли в него.

В середине 70-х гг. XIX в., перед началом русско-турецкой войны, возросла активность турецкой пропаганды на российских мусульман. Для противодействия подобным явлениям по заданию МИДа Российской империи российский посланник в Константинополе изложил свои личные наблюдения. Упор он сделал на решение двух проблем: совершенствование управления территориями с мусульманским населением в России и улучшение благосостояния проживающего там населения, а также пропаганда через русско-татарские и русско-арабские газеты правдивой информации о жизни в Османской империи [4, д. 754, л. 23, 24].

Перед началом войны с Османской империей 1877–1878 гг. в МВД из Константинополя поступило секретное донесение, датируемое 5 июля 1876 г., об активных контактах местного мусульманского населения с российскими мусульманами с пропагандой среди них идей религиозного фанатизма. С этой целью делались попытки провезти оружие в Крым и на Кавказ, рассылались агенты из российских же мусульман-фанатиков и предпринимались безуспешные попытки склонить одного из проживающих в Константинополе сыновей покойного к тому времени Шамиля к возбуждению горского населения на Кавказе и с указанием способных на это людей. Сторонники "Юной Турции" строили планы к достижению независимости Кавказа и Крыма и возбуждали в мусульманах всего света религиозный фанатизм [4, д. 1174, л. 76].

Другой стороной подобной пропаганды и слухов явились массовые случаи перехода крещеных татар в мусульманскую веру. По законам того времени для этого необходимо было подать прошение в МВД. Во второй половине XIX в. таких прошений набралось большое количество. Особенно много их было из Казанской, Самарской и Саратовской губерний. Так, в 1866 году только в Казанской губернии из православия в мусульманство перешли около 4 тысяч человек [4, д. 743, л. 22]. Все эти действия заставляли правительство России искать выход из создавшегося положения и, прежде всего, выяснить причины такой ситуации. МВД и Синод разослали письма губернским властям, архиепископам и митрополитам Поволжского региона с целью разобраться с происходящими событиями и выработать эффективные меры противодействия.

В качестве основных причин роста беспокойства российских мусульман в ответах с мест назывались следующие:

1. Нарушение правил строительства мусульманских мечетей. По существующему закону одна мечеть должна приходиться на 200 душ мужского пола. Необходимо было также решение общества, которое намеревалось составить новый приход, на их согласие, наличие необходимых средств на строительство и содержание мечети и духовенства, а также согласие руководства соответствующих губерний и мусульманского духовного начальства [10, ст. 683, 685].

В Поволжье же (особенно в Казанской губернии) на 1866 год в списках населенных пунктов числилось 244 незаконно существующие мечети [4, д. 743, л. 19]. В татарской слободе города Казани построили 12 мечетей (практически через улицу) [4, д. 743, л. 27]. Это было связано с тем, что мечети строились при наличии десяти, пятнадцати, двадцати лиц мужского пола и самовольно. Поэтому на одно селение приходилось несколько мечетей. Это относилось только к соборным мечетям с минаретами. Количество же простых пятивременных (без минаретов, фактически молитвенных домов) было намного больше, к тому же они оставались незаметными. В то время как православных церквей в Казанской губернии насчитывалось одна на несколько сел, что в среднем составляло 1 церковь на 1,5 тысячи душ мужского пола, а в ряде мест и на 1800 душ [5, д.408, л.63 об.].

В середине 60-х годов XIX в. в Казанской губернии православное население насчитывало 1180538 душ, из них мужчин – 585170 человек. Мусульманское население составляло в те же годы 447476 душ, из них мужчин – 220196 человек. Церквей в губернии числилось 485, а мечетей – 710 [4, д. 743, л. 19]. Большое количество мечетей давало возможность муллам открывать больше медресе. В итоге грамотность татарского, мусульманского населения была выше, чем православного. Для татарских школ при типографии Казанского университета печатались, часто даже на казенные средства, учебные книги и Коран на арабском языке. Для русского населе-

ния издания христианских богослужебных текстов за счет государства не предусматривалось [4, д. 743, л. 21 об.]. В результате мусульманское духовенство имело больше возможностей не только для оборонительной, но и для наступательной пропаганды, и русское население региона тянулось к мусульманам как более грамотным по многим вопросам.

2. Активная пропаганда со стороны мулл [4, д. 743, л. 45]. Они обходили деревни и уверяли, что крещеным татарам разрешен переход в магометанство и в верхних эшелонах власти готовится указ о свободе вероисповедания [4, д. 743, л. 71 об.].

3. Принятие татарами крещения по принуждению, либо для пользования льготами, которые давало правительство. Кроме того, нередко крещеные татары жили в одних селениях с татарами-мусульманами. Часто в таких селах отсутствовали церкви, но были мечети. Крещеные татары нередко не знали русского языка, а немногочисленное православное духовенство в регионе не знало татарского языка, относилось к вновь крещеным татарам сугубо официально, а нередко и пренебрежительно. За выполнение православных треб священники требовали значительного материального вознаграждения, а крещеные татары выполняли их больше из страха наказания. Детей крещеных татар за отсутствием православных школ обучало мусульманское духовенство, естественно, в духе исламского учения [4, д. 743, л. 70 – 71 об.].

4. Крещеные татары не знали догматов христианского учения, русского языка, многие не имели православных приходов ближе, чем за 40–50 верст. Поэтому церкви они не посещали, а нередко, будучи крещеными, шли в мечеть, которая располагалась ближе церкви, где догматы ислама разъяснялись муллами [4, д. 743, л. 81, 89, 91].

5. Русские, православные простолюдины пренебрежительно смотрели на крещеных татар, называли их "крещеник" или "крещенка", а иногда и "крещенка лопатка". Наоборот, мусульмане обращались с крещеными татарами на равных. Это обстоятельство подталкивало их к исламской вере [4, д. 743, л. 96].

6. Быт крещенного татарского населения был более сходен с мусульманским укладом жизни.

Все эти обстоятельства указывают на формальное отношение местных властей и православного духовенства к вопросам крещения иноверцев. Основное внимание уделялось лишь количественным показателям, а мусульманские проблемы воспринимались упрощенно. После достижения в своих уездах определенного числа перекрещенных интерес к ним снижался. Мусульманское же духовенство продолжало активно вести работу с крещеными в православии татарами, а нередко и усиливало ее. Не случайно МВД на рубеже XIX–XX вв. приняло жесткие меры к крещеным татарам за переход назад в мусульманство. Департамент общих дел МВД рассмотрел по данному вопросу документ "О сепаратных стремлениях среди проживающих в России инородцев". Меры

заклучали в себе 4 положения: 1) изъятие земельного надела в пользу православных татар; 2) переселение в мусульманские деревни; 3) обособление участников татар-христиан и мусульман; 4) при переходе семьи в магометанство каждого члена спрашивали, хочет ли он этого добровольно, а несовершеннолетних членов семьи оставляли в христианстве [6, д. 86, л. 355]. Этим незамедлительно воспользовались мусульманские пропагандисты, направляемые из Османской империи.

В таких условиях возрастала опасность роста популярности идей панисламизма, которой чрезвычайно опасались в Российской империи ввиду непростых, а нередко и враждебных отношений с мусульманскими государствами и, прежде всего, с Османской империей. МВД, с привлечением высшего мусульманского духовенства (оно было лояльно властям, так как получило массу привилегий, широкую власть над единоверцами и высокое денежное содержание) и властей регионов, населенных по преимуществу мусульманами, выработало целый ряд мер по усилению контроля над населением, исповедующим ислам и, прежде всего, над низшим мусульманским духовенством.

Обобщенно эти меры изложены в отчете генерал-губернатора Оренбургского края, генерал-лейтенанта Н. А. Крыжановского "Отчет по управлению Оренбургским краем с февраля 1865 г. по март 1866 г.", один из разделов которого он так и назвал "Меры по ограничению исламизма": 1) Убеждение и просвещение. 2) Веротерпимость, но без разрешения мусульманской пропаганды. 3) Свести число мечетей в крае до числа народа и установленных законом норм. В Оренбурге нет хорошего собора, а есть изящно построенная мечеть, которая стоит посреди двора губернского присутствия. 4) Убрать изпод ведомства мусульманского духовенства татарские школы, коих 600 с 20 тыс. учеников, а также ввести в них обучение русскому языку. 5) Муллы должны знать русский язык и русскую грамоту. 6) Ограничить общение мусульман вновь приобретенного Туркестанского края от татар и башкир. 7) Отклонить магометанское духовенство от противодействия правительству. 8) Усилить православие в крае: увеличить число священников, православных церквей, улучшить быт духовенства. 9) В Оренбургское магометанское собрание назначить члена от Правительства. 10) Избираемые в муллы должны подвергаться испытанию в русском языке, метрические книги вести на русском. 11) Ограничивать под благовидными предлогами паломничество в Мекку" [4, д. 594, л. 29 об. – 34]. Главной причиной распространения исламизма Н. А. Крыжановский видит в отсутствии контроля за мусульманами со стороны власти. В результате исламское духовенство взяло в свои руки народное образование и пропагандирует мулла как высших представителей религии и борцов за чистоту веры [4, д. 594, л. 36 об.].

Последней причиной, вызвавшей массовые волнения российских и, прежде всего, поволжских мусульман, стало введение всеобщей воинской повинности в 1874 году. После ее введения мусульманскому населению не бы-

ли даны никакие разъяснения. В итоге поползли слухи, что после прохождения воинской повинности татары и башкиры окажутся на положении крестьян, у них отберут землю в казну, которой они владеют на правах вотчинников [4, д. 754, л. 40 об.].

Известие об отбывании воинской повинности еще больше вызвало брожение умов мусульман, прежде всего в Поволжье и Башкирии, так как до этого они платили денежный взнос вместо прохождения рекрутчины и считали, что такой порядок сохранится и после введения всеобщей воинской повинности. Как следствие – отказ выдавать метрические книги под любым предлогом для определения возраста юношей-мусульман. Обычный ответ мулл: "метрические книги отобрали прихожане, заперли в мечети, а ключи держат у себя. Сами их не отдадут, а насильственное изъятие может привести к столкновениям" [4, д. 754, л. 47 об.]. В связи с введением всеобщей воинской повинности распространился слух и о насильственном переводе из мусульман в христиан. Основные опасения такого рода можно проиллюстрировать в прошении-жалобе мусульманских крестьян Самарской губернии Бугульминского уезда Мензлибашевской волости от 4 декабря 1878 г.:

1. По распоряжению местного священника Скворцова 24 мусульманские семьи приписаны к церкви.

2. В мусульманских селениях устанавливают колокола, чтобы на случай пожара бить в них, а это противоречит шариату – в мусульманских селениях не должно быть колоколов и крестов.

3. Собранные средства с неграмотных отдают в волостные правления, где они могут быть присоединены к таким договорам, которые противоречат шариату и в итоге объявить, что они хотят перейти в христианство раз дают на это деньги.

4. Введение русского языка в процесс преподавания в медресе, а это путь к переkreщиванию и забвению мусульманской веры" [4, д. 754, л. 86 – 87].

Только вмешательство высшего мусульманского духовенства во главе с муфтием и их разъяснения разрядили ситуацию [4, д. 754, л. 56 об. – 57].

Одновременно азиатский департамент МИД составил особую форму военной присяги для мусульман с учетом требований Корана и мусульманского права, так как содержание мусульманских законов дает возможность произвольно истолковывать смысл всех постановлений, особенно если они налагают на них обязательства по отношению к христианам. Слово "должен" стало предшествовать клятве, как и положено по мусульманским законам, а словосочетание "законный Государь" заменено на "истинный" (у мусульман законным является только то, что исходит по праву халифата) [4, д. 1152, л. 20 об. 30]. Все эти особенности были учтены специалистами по исламу и перекрыли возможность использовать расхождения в гражданском и мусульманском праве для уклонения от воинской службы.

В конце 70-х годов XIX в. представители татарской знати выдвинули свои требования к властям Российской империи. Они обобщили предложения мусульманского населения, прежде всего крестьянских общин Поволжья и Башкирии, и направили их в МВД. Многие из них оформились под влиянием пропагандистов, прибывших из Османской империи. Основными требованиями мусульман были следующие:

1. Раздел наследственного имущества мусульман должен осуществлять имам по законам шариата без участия светских властей;
2. Освободить медресе и все мусульманские школы из ведения министерства народного просвещения и не считать русский язык обязательным для них;
3. Предоставить освобождение от воинской повинности учащимся мусульманских школ;
4. Предоставить право мусульманам – русско-подданным самим выбирать себе муфтия;
5. Выборы заседателей магометанского духовного собрания проводить одинаково по всем губерниям;
6. Прибавить жалованье заседателям магометанского духовного собрания; сделать пятницу выходным для мусульман [4, д. 754, л. 123 об. – 124 об. Российские власти испытывали трудности и в получении трупов магометан (прежде всего – арестантов) для проведения антропологических исследований. На запрос министерства просвещения в департамент духовных дел иностранных исповеданий весной 1870 г. последовал ответ тайного советника Казым-бека: "мусульманской религией запрещено вскрывать трупы мусульман, кроме случаев, когда умирает беременная с целью спасения ребенка".

МВД подтвердил это заключение и предложил использовать для антропологических целей трупы крещеных татар. [4, д. 1186, л. 3–4].

Все эти требования остались без удовлетворения и ответа. Главная причина отказа состояла в том, что, по мнению правительства, любая уступка породит в мусульманах желание не подчиняться властям, так как они почувствуют их слабость. Впоследствии мусульманские наказы повторяли в той или иной степени вышеизложенные, которые превратились в плохо управляемый поток после издания указа о веротерпимости 17 апреля 1905 года.

Таким образом, период второй половины XIX в. во многом определил последующие действия российских властей в отношении поволжских мусульман. Главная задача состояла в сохранении спокойствия в регионах с компактным проживанием последователей ислама. Достичь такого положения стремились путем воздействия через зависимое от российского правительства руководство Оренбургского магометанского духовного правления и вовлечение мусульман в систему выстраивания, путем реформ, основ гражданского общества. При этом власти не вмешивались во внутриконтрессиональную жизнь российских мусульман. Однако центральная и местная власть строго пресекала любые попытки распространения мусульманского влияния на православное население и, наоборот, поощряла переход из ислама в православие, создавая для такой категории населения всевозможные экономические льготы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX – начало XX вв.). СПб., 1998. – 1042 с.
2. Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика). М., 2001. – 363 с.
3. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ)–I. Т. 22. Ст. 15936.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 821. Оп. 8. Д. 743. Л. 27–28.
5. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 408. Л. 63 об.
6. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 86. Л. 355.
7. Свод законов Российской империи. Т. 11. Ч. 1. Уставы духовных дел иностранных исповеданий. Кн. 5. Об управлении духовных дел магометан. СПб., 1857. С. 210, 211, 213, 217, 218, 219, 223, 224. 2 июля 1865 г. по утвержденному императором мнению Государственного Совета управление башкирами передавалось из военного в гражданское ведомство. (РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 1076. Л. 32.)
8. Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. 4. Кн. 2. Свод Уставов Строительных. СПб., 1836. Ст. 683, 685.
9. Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. 1. Устав Строительный. 1900. СПб., 1900. Ст. 155. С. 36.
10. Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. 4. Кн. 2. Свод Уставов строительных. Гл. II. О постройке церквей иноверческих и мечетей. Ст. 683, 685. СПб., 1836. Фактически дублирует его: Свод законов Российской империи. Т. 12. Ч. 1. Устав строительный. Глава V. О постройке магометанских мечетей. Ст. 155. СПб., 1900.
11. Хусейнов (Гусейнов, Гусейн) Мухамеджан (ум. в 1824 г.) – русский дипломат и разведчик на Кавказе и в Центральной Азии, член Вольного Экономического общества, первый оренбургский муфтий (1788–1824).

ОРЕНБУРГСКОЕ ВОЕННОЕ ГУБЕРНАТОРСТВО в 1796-1851 гг.

ORENBURG MILITARY GOVERNORSHIP IN 1796-1851

N. Semyonova

Annotation

The article deals with the basis features of the system of Orenburg Region. The author makes an attempt to show that the Russian Empire carried out quite a flexible policy in the national outlying districts. It didn't have an intention to introduce a common state system of government and justice there at once specific typical of each district models of government were established in those districts. One of them was a system of government of a complex policultural, multinational and borderline Orenburg region.

Keywords: Orenburg region, policultural region, Empire, governing model, military governorship, civilian governor.

Семенова Наталия Леонидовна
Стерлитамакский филиал
Башкирского государственного
университета

Аннотация

В статье рассмотрены основные черты системы военного управления Оренбургским краем, сложившейся в конце XVIII–XIX вв., структура и функции высшей администрации. Автор постарался показать, что Российская империя проводила достаточно гибкую политику в национальных окраинах. Она не стремилась сразу же после присоединения новых территорий вводить там общегосударственную систему управления и суда. На окраинах учреждались специфические, характерные для каждого района модели управления. Одной из них стала система управления сложным поликультурным, многонациональным и пограничным Оренбургским краем.

Ключевые слова:

Оренбургский край, поликультурный регион, империя, модель управления. военное губернаторство, гражданский губернатор.

В конце XVIII – первой половине XIX вв. Оренбургская губерния представляла собой одну из обширных юго-восточных национальных окраин Российской империи. Согласно именному указу Павла I от 12 декабря 1796 г. "О новом разделении государства на губернии", Уфимское наместничество было преобразовано в Оренбургскую губернию [9, с. 229]. Она состояла из 10 уездов: Оренбургского, Верхнеуральского, Троицкого, Челябинского, Уфимского, Стерлитамакского, Бирского, Мензелинского, Бугульминского, Бузулукского. Белебеевский и Бугурусланский уезды были упразднены. В 1804 г. они были восстановлены, и Оренбургская губерния стала включать 12 уездов. В таком составе она просуществовала до 1851 г., когда Бузулукский, Бугурусланский и Бугульминский уезды были включены во вновь созданную Самарскую губернию.

По данным пятой ревизии (1795 г.) в Оренбургской губернии проживало 853228 душ обоюбого пола [14, с. 187]. Самой многочисленной категорией неподатного населения были служилые люди, входившие в состав регулярных и иррегулярных войск губернии (башкиры, оренбургские и уральские казаки, ставропольские калмыки, мишари). Данная особенность социальной структуры Оренбургского края была связана с его важным стратегическим положением на границе России с кочевыми народами. Беспокойная обстановка на этих границах из-за частых набегов кочевников, медленное, но неуклонное распространение русских владений на юг привели к созданию нескольких линий пограничных укреплений и явились факторами, заставившими правительство

сосредоточить в крае значительные военные силы. Здесь были расположены Уральское, Оренбургское казачьи войска и Башкиро-мещерякское войско. Войска несли военную службу по охране Оренбургской пограничной линии, которая рассматривалась как главное военное достижение в крае. Правительство сознательно шло на сосредоточение в крае иррегулярных войск, стремилось поддерживать определённый уровень материального благосостояния военно-служилого сословия, так как на его содержание требовалось гораздо меньше затрат из казны, чем на обеспечение регулярной армии.

Оренбургская губерния была многонациональным и поликонфессиональным регионом. Коренным населением Оренбургской губернии были башкиры. Вопрос о численности башкирского населения в последней четверти XVIII в. не решен окончательно. По подсчетам Р.Г. Кузеева в Оренбургской губернии в этот период башкир было более 250 тыс. душ об. пола [7, с. 260]. А.З. Асфандияров и И.М. Гвоздиков считают, что несколько меньше – 195–200 тыс. душ об. пола [1].

Россия проводила достаточно гибкую политику в национальных окраинах. Она не стремилась сразу же после присоединения новых территорий вводить там общегосударственную систему управления и суда. На окраинах учреждались специфические, характерные для каждого района органы власти, привлекалась к управлению местная феодальная верхушка. Так, в густонаселенных Прибалтике и Украине с развитой экономикой, высокой культурой, при генерал-губернаторе находились два советника из местных дворян. Огромную роль в местном управ-

лении играли сословные учреждения немецкого дворянства – дворянские собрания, гильдейское купечество и цеховые ремесленники. На обширной территории Сибири существовали нередко общие для России учреждения, только их организационное устройство было упрощенным. В Сибири отсутствовало дворянство, городское население было малочисленным, поэтому все государственные служащие назначались правительством. Специфика управления Кавказом определялась частыми войнами с Турцией, Персией и почти постоянным состоянием войны с борющимися за свою независимость горскими народами [6, с. 133–185].

Пограничное положение, наличие линии укрепленных форпостов и крепостей, пересекающие его территорию пути транзитной торговли, значительное количество нерусского населения привели к формированию в Оренбургском крае в XVIII–XIX вв. особой модели военного управления. Её признаками являлись: неразрывность военной и гражданской власти, полное подчинение гражданского губернатора военному, предоставление местного управления по всем делам, не имеющим политического характера, выборным представителям коренного населения, сохранение обычного права в рамках местного законодательства в той сфере отношений, которая не могла быть урегулирована [8, с. 148]. Система военного управления Оренбургским краем начала формироваться в 30–40-е гг. XVIII в. и просуществовала до 1881 г.

Согласно штату Оренбургской губернии, утвержденному 31 декабря 1796 г., высшая губернская администрация состояла из военного и гражданского губернаторов [10]. Военный губернатор находился во главе всего Оренбургского края (в него входили собственно Оренбургская губерния, земли уральских казаков, башкирские земли в Пермской, Саратовской губернии, калмыцкие земли Симбирской губернии, приуральские кочевья казахов), а гражданский – ведал делами гражданского управления в пределах собственно Оренбургской губернии. Он выполнял свои функции через канцелярию. Канцелярия военного губернатора была образована в 1796 г. Она пришла на смену канцелярии генерал-губернатора. Во главе ее находился правитель, а в состав входили 2 столоначальника, штат писцов и секретарей [10, с. 269]. По закону при военном губернаторе состоял чиновник особых поручений. Однако круг обязанностей военного губернатора был настолько широк, что приходилось иметь не одного, а несколько чиновников особых поручений. Они назначались самим губернатором и выполняли работу по военному и гражданскому управлению [15, л. 212–216].

Военного губернатора в официальных документах называли "главным военным начальником края". Он являлся главным проводником правительственной политики в крае. Назначения на должность военных губернаторов производил только император. Военные губернаторы были ответственны только перед императором. После проведения министерской реформы в начале XIX в. главный военный начальник Оренбургского края стал подотчетен министрам внутренних дел и военно-сухопутных сил. На

должность военного губернатора могли быть определены представители генералитета, облеченные особым доверием государя.

В первой половине XIX в. должность военного губернатора занимали: генерал-майор Н.Н.Бахметев (1798–1803), генерал от кавалерии Г.С.Волконский (1803–1817), генерал от инфантерии П.К.Эссен (1817–1830), генерал-лейтенант, генерал-адъютант П.П.Сухтелен (1830–1833), генерал-майор, генерал-лейтенант, генерал-адъютант В.А.Перовский (1833–1842), генерал-лейтенант В.А.Обручев (1842–1851).

Военные губернаторы наделялись чрезвычайными полномочиями, осуществляли политическую связь между высшими, центральными и местными органами управления. Главные начальники губернии осуществляли функции верховного надзора за всей системой местных управленческих структур и одновременно командовали всеми регулярными и иррегулярными воинскими частями, расположенными в губернии. Они обладали огромной властью в крае.

Важной обязанностью военных губернаторов в пограничном Оренбургском крае являлось проведение в жизнь азиатской политики правительства, направленной на утверждение российской государственности в казахских жузах (они находились в номинальном подданстве России), укрепление политического и экономического влияния в среднеазиатских ханствах. Особое геополитическое положение Средней Азии как региона, связывающего юго-восток России с Афганистаном и Персией, всегда привлекало российские власти. Экономические и политические отношения России строились с наиболее значительными государствами региона – Бухарским эмиратом, Хивинским ханством, Кокандским ханством. Эти государства постоянно конфликтовали между собой, вмешивались в казахские дела с целью установить свою власть над казахами.

Внешнеполитическая деятельность военных губернаторов имела особое значение для правительства в первые десятилетия XIX в., когда территория Оренбургской губернии занимала пограничное положение. Это нашло отражение в высочайше утвержденной инструкции от 16 сентября 1803 г., данной военному губернатору Г.С.Волконскому [11, с. 893]. Инструкция определяла "главные предметы" управления военного губернатора. Г.С.Волконскому следовало "изыскать меры" к пресечению нападений отрядов казахов на приграничные районы, грабежей ими торговых караванов, отправлявшихся из Оренбурга в Бухару, разобраться в "подлинных причинах" беспорядков на Оренбургской пограничной линии, отказаться от "баранты" как основной репрессивной меры (ибо она способствует только усилению злобы и вражды). Император допускал только "репрессалию скорую", т.е. нападать на похищающих или те роды казахов, к которым принадлежат похитители. Вместе с тем, военному губернатору следовало укреплять поселения на пограничной линии, чтобы обеспечить лучшую охрану границы, на прибега к помощи регулярных войск. Военный губернатор должен был усилить контроль за кантонной службой баш-

кир, мишарей и казаков. В отношении гражданского управления инструкция предлагала "обратить внимание на внутреннее положение вверенной Вам губернии", всеми мерами добавиться того, чтобы в действиях военного и гражданского губернаторов присутствовал "дух единомыслия". Военный губернатор должен был следить, чтобы "частыми и обстоятельными донесениями" императору доставлялись полные сведения об управлении Оренбургским краем, а министров своевременно информировали "по предметам их ведения". Таким образом, данная инструкция полностью отразила основные направления деятельности оренбургских военных губернаторов.

Внешнеполитическую деятельность военный губернатор осуществлял через систему учреждений. После образования Оренбургского военного губернаторства в 1796 г., непосредственное управление пограничными районами осуществляли пограничный суд и пограничная экспедиция [2, л. 1]. По указу от 11 апреля 1799 г. пограничный суд и пограничная экспедиция были упразднены, а вместо них учреждалась комиссия пограничных дел [3, л. 4]. 14 июня 1844 г. император Николай I утвердил новое "Положение об управлении Оренбургскими киргизами" [13, с. 624]. Оно определило, что общее управление казаками по-прежнему будут осуществлять оренбургский военный губернатор и комиссия пограничных дел. Комиссия ежемесячно составляет донесения военному губернатору обо всех решенных и нерешенных делах, наблюдает за законностью действий чиновников, за состоянием торговли, за законностью решения гражданских и уголовных дел между казаками. Военный губернатор контролирует деятельность комиссии пограничных дел, рассматривает ее донесения, представления. В таком виде система управления казаками просуществовала до 1851 г., до образования Оренбургского и Самарского генерал-губернаторства.

В конце XVIII–первой половине XIX в. командование всеми военными силами Оренбургского края было сосредоточено в руках военного губернатора и подчинено главной цели – обеспечить охрану пограничной линии. Чтобы усилить ее безопасность правительство делает ставку на более широкое привлечение иррегулярных войск к охране линии. Служба военно-служилого населения обходилась казне гораздо дешевле, чем служба регулярных войск. Поэтому башкиры и мишари указом Павла I от 10 апреля 1798 г., установившим кантонную систему управления, были переведены в военно-служилое сословие [12, с. 189]. В 1834 г. военный губернатор В.А.Перовский завершил процесс образования Башкиро-мещерякского войска. Николай I подписал указ об учреждении должности командующего войском [4, л. 16]. В 1836 г. были утверждены штаты по управлению войском [5, л. 6]. Образование Башкиро-мещерякского войска было обусловлено стремлением правительства усилить среди башкир и мишарей военные порядки, установить военно-полицейскую опеку. Кроме того, оно было продиктовано задачами унификации системы управления нерегулярными войсками как в целом по России, так и в крае. Одновременно с этим, правительство проводит

целый ряд реформ, направленных на совершенствование системы управления казачьими войсками. В 1840 г. является "Положение об Оренбургском казачьем войске", а в 1843 г. – "Положение об Уральском казачьем войске". В казачьих войсках устанавливаются единообразные формы организационного, хозяйственного и правового устройства. В 1816 г. войска, размещавшиеся в крае, были объединены в Отдельный Оренбургский корпус во главе с военным губернатором и штабом.

По отношению к военно-служилому населению края главный военный начальник выполнял широкий круг обязанностей – от составления расписания нарядов на службу по укреплениям пограничной линии до обеспечения военных сил края провиантом и продовольствием. Он являлся главным "попечителем" войск в крае, контролировал военно-политическую обстановку, стремился сохранить и увеличить численность иррегулярных войск и, тем самым, обеспечить охрану Оренбургской пограничной линии. Политика военных губернаторов в отношении коренного башкирского населения определялась конкретными задачами интеграции нерусских народов в состав империи, отличалась веротерпимостью, стремлением не посягать на их традиционный образ жизни. Это нашло выражение в создании Оренбургского духовного магметанского собрания, ставшего составной частью системы органов управления краем.

Задачи по управлению краем военный губернатор решал вместе с гражданским губернатором и местными государственными учреждениями. Гражданские губернаторы назначались императором по рекомендации министра внутренних дел. Увольнение также совершалось от имени императора. За законностью действий губернатора надзирал Сенат как орган административной юстиции.

Оренбургскими гражданскими губернаторами в первой половине XIX в. являлись: тайный советник, генерал-майор К.И.Глазенап (1800–1802), действительный статский советник, полковник А.А.Врасский (1802–1806), тайный советник И.Г.Фризель (1806–1809), действительный тайный советник, генерал-майор М.Ф.Веригин (1809–1811), М.А.Наврозов (1811–1822), Г.В.Нелидов (1822–1826), генерал-майор И.Л.Дебу (1827–1832), Н.В.Жуковский (1832–1835), А.П.Гевлич (1835–1840), полковник Т.Д. Талызин (1841–1844), полковник Н.В.Балкашин (1846–1851), Я.В.Ханыков (1851–1856).

Анализ социальных характеристик корпуса гражданских губернаторов Оренбургской губернии первой половины XIX в. по формулярным спискам позволяет составить объективное представление о губернской высшей администрации данного периода. Главные тенденции развития общероссийской бюрократии прослеживаются на региональном уровне. Гражданские губернаторы являлись чиновниками III–IV классов гражданских чинов, были потомственными дворянами, помещиками. Основная масса губернаторов находилась в самом дееспособном возрасте – от 36 до 46 лет, были отставными военными, либо бывшими представителями губернской администрации, не имели профессионального образования.

Губернаторы управляли губернией через губернское правление и многочисленные комитеты и комиссии, состоявшие под их председательством, и другие учреждения губернского и уездного уровней. В работе гражданского губернатора можно выделить несколько направлений: финансовая деятельность (сбор податей, налогов), полицейские функции (общественный порядок и спокойствие, личная безопасность людей), судебная деятельность (контроль над судопроизводством).

Законодательно предметы ведения военного и гражданского губернатора не были разграничены, но гражданский губернатор подчинялся военному. Пределы компетенции гражданского губернатора определялись указами, инструкциями, исходившими от верховной власти. Власть военного губернатора носила контрольный характер. Он не занимался решением всех вопросов, касающихся гражданских властей, а лишь осуществлял надзор за тем как эту работу выполняет гражданский губернатор и губернские органы. На рассмотрение военного губернатора передавались только самые серьезные и значимые дела: приговоры суда, жалобы на злоупотребления чиновников, оказание помощи при неурожаях и стихийных бедствиях, предотвращение выступлений местного населения. Решения военного губернатора были обязательны для исполнения гражданским губернатором и всеми учреждениями края.

С одной стороны, подчинение гражданского губернатора военному способствовало дальнейшей централизации государства, но, с другой, отсутствие четкого разграничения функций между гражданским и военным губернаторами рождало многочисленные споры и конфликты и мешало эффективной работе органов местного управле-

ния в Оренбургском крае. Только 3 июня 1837 г. вышел "Наказ гражданским губернаторам", который "свел" во-едино все обязанности гражданских губернаторов. Он гласил, что в компетенции гражданского губернатора находится общее руководство губернскими учреждениями и контроль над их деятельностью.

Система военного управления Оренбургским краем просуществовала до 1881 г., когда произошла отмена Оренбургского генерал-губернаторства, созданного в 1851 г. Отмена системы военного управления краем была связана с рядом причин. После образования Туркестанского генерал-губернаторства все вопросы внешней политики по отношению к среднеазиатским ханствам были сосредоточены в нем. Оренбургское генерал-губернаторство перестало быть пограничным районом. Кроме того, изменились роль и значение Оренбургского военного округа. С него были сняты все задачи по комплектованию и обеспечению Туркестана. Эти задачи были перенесены на Западно-Сибирский военный округ, где образовали материальные склады.

Немаловажную роль в упразднении Оренбургского генерал-губернаторства сыграло и сложное финансовое положение Российской империи в 70–80-е годы XIX в., которое заставило правительство более экономно расходовать государственные средства. Упразднение Оренбургского генерал-губернаторства позволяло казне сократить расходы более чем на 300 000 рублей [16].

Таким образом, Оренбургское военное губернаторство и в целом вся система военного управления Оренбургским краем стали важным этапом в процессе перехода системы управления Оренбургским краем к общероссийской модели государственного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асфандияров А.З. Семья и брак у башкир в XVIII– первой половине XIX в. – Уфа: БГУ, 1989. – 88 с. – С. 5; Гвоздикова И.М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е.И.Пугачева. – Уфа: Китап, 1999. – 512 с. – С.29–30.
2. Государственный архив Оренбургской области (далее – ГАОО). Ф. 222. Оп. 1. Д.31. Л.1.
3. ГАОО. Ф.6. Оп. 4. Д. 9842/14. Л.4.
4. ГАОО. Ф.6. Оп. 4. Д. № 9242/а. Л. 16.
5. ГАОО. Ф.6. Оп.11. Д.597. Л.6.
6. Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России.– М.: Высшая школа, 1983.– 352 с.
7. Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. – Уфа: Баш. книж. изд-во, 1978. – 263 с.
8. Лысенко Л.М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (18–нач. 20 вв.). – М.: Изд-во МПГУ, 2001. – 354 с.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. (далее – ПСЗ I) – Спб.: Печатано в Типографии II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – Т. 24. – № 17634. – 869 с.
10. ПСЗ I. – Т.44. – № 17702. – 236 с.
11. ПСЗ I. – Т. 27. – № 20938. – 1120 с.
12. ПСЗ I. – Т. 25. – № 18477. – 931 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. – Спб.: В Типографии II Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1845. – Т.19. – Отд. I. – № 17998. – 921 с.
14. Рахматуллин У.Х. Население Башкирии в XVII–XVIII вв. – М.: Наука, 1988. – 314 с.
15. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф.1282. Оп. 1. Д. 66. Л. 212–216.
16. РГИА. Ф. 1282. Оп. 1. Д.66. Л. 213–214.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОРЕНБУРЖЬЕ

ETHNIC RELATIONS IN THE MODERN ORENBURG REGION

V. Amelin

Annotation

On the basis of statistical data this article provides an analysis of the ethnoconfessional situation and ethnic relations in the modern Orenburg region. Presented the results of the opinion polls, which show the dynamics of the local population's attitudes towards migrants. The author made recommendations to authorities to maintain a system of ethnological monitoring and to establish cooperation of municipalities with national-cultural associations through the creation of the public councils.

Keywords: Orenburg region, ethnic relations, migrants, statistics.

Аннотация

В статье на основе статистических данных дается анализ этноконфессиональной ситуации и межнациональных отношений в современном Оренбуржье. По данным социологических опросов представлена динамика отношения местного населения к мигрантам. Выработаны рекомендации органам власти по поддержанию системы этнологического мониторинга и налаживанию взаимодействия муниципальных образований с национально-культурными объединениями посредством создания общественных советов.

Ключевые слова:

Оренбургская область, национальные отношения, мигранты, статистика.

Оренбуржье – уникальный регион для этнографической науки. История распорядилась так, что Оренбургский край, расположенный на стыке Европы и Азии, оказался непосредственной зоной контактов двух культур – азиатской и европейской, двух мировых религий – христианской и мусульманской; тюркских, славянских и других языков.

Оренбургская губерния была образована в 1744 г. с центром в г. Оренбурге. Согласно привилегии, пожалованной г. Оренбургу императрицей Анной Иоанновной в 1734 г., было разрешено селиться здесь не только представителям "всякого народа российским" купцам, мастерам и другим, но и иноземцам из других государств: "...тутошним башкирскому народу, и живущим с ними новоподданными киргизским и каракалпакским народам, из азиатских стран приезжим грекам, ташкенцам и иным всякого звания и веры, в г. Оренбург приходить, селиться, жить, торговать и всяким ремеслам промышленять..." [8, с. 101–102].

По переписи населения, в 1897 г. в Оренбургской губернии проживало 1 600 тыс. человек. Наибольшую численность составляли русские – 1 126 тыс. человек, которые в крае принадлежали к сравнительно позднейшим переселенцам. Численность коренных обитателей – башкир – составила 254 тыс. (15,9%) от общего числа. За ними следуют татары – 92 тыс. (5,8%), мордва – 38 тыс. (2,40%), тептяри – 16 тыс. (1,05%), немцы – 5,4 тыс., чу-

ваши – 5,6 тыс., "киргизы" (казахи) – 4,9 тыс., мещеряки – 4,8 тыс., евреи – 1,8 тыс., поляки – 1,6 тыс., калмыки – 1,2 тыс., цыгане – 514 чел. и т. д. [6, с. X].

События XX века – три революции, две мировые и одна гражданская война в России, а затем и распад СССР – серьезно повлияли на демографическую ситуацию как стране в целом, так и в ее регионах, в частности, в Оренбуржье.

Сегодня по истечении почти 300 лет, можно констатировать, что состав населения Оренбургского края по-прежнему многонациональный, а межнациональные отношения являются актуальными в жизни современного оренбургского социума.

Итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. свидетельствуют о некотором изменении этнической структуры населения Оренбуржья. Это связано с миграционными процессами. По данным Федеральной миграционной службы, самая большая доля граждан Таджикистана по отношению к местному населению приходится не на Москву, а такие регионы как Оренбургская область [9]. За период между переписями (с 2002 по 2010 гг.) в области увеличилась численность узбеков (с 3 тыс. до 5 тыс.), таджиков (с 2,5 тыс. до 4 тыс.), киргизов, корейцев и представителей других национальностей. Растет и количество этнических общностей [3, с. 4]. Если, по результатам всесоюзной переписи населения в 1989 году в ре-

Таблица 1

Динамика численности наиболее крупных этнических общностей Оренбургской области [3, с. 5].

	Человек		В % к указавшим национальную принадлежность	
	2002 г.	2010 г.	2002 г.	2010 г.
Все население	2 179 551	2 033 072		
в том числе указавшие национальную принадлежность	2 176 697	2 002 623	100,0	100,0
Русские	1 611 509	1 519 525	74,0	75,9
Татары	165 967	151 492	7,6	7,6
Казахи	125 568	120 262	5,8	6,0
Украинцы	76 921	49 610	3,5	2,5
Башкиры	52 685	46 696	2,4	2,3
Мордва	52 458	38 682	2,4	1,9
Чуваши	17 211	12 492	0,8	0,6
Немцы	18 055	12 165	0,8	0,6
Армяне	10 574	10 547	0,5	0,5
Азербайджанцы	7 802	7 421	0,4	0,4
Белорусы	9 182	5 590	0,4	0,3
Другие национальности	28 765	28 141	1,4	1,4

гионе проживали представители 80 национальностей, то по результатам всероссийской переписи в 2002 г. – 119, в 2010 году перепись зафиксировала уже 126 национальностей. Однако при всех этих увеличениях совокупный удельный вес всех этих групп остается незначительным.

Несмотря на то, что доля русского населения в общей численности населения области за межпереписной период увеличилась с 74,0 % до 75,9 %, в абсолютных показателях численность русского населения сократилась на 146,5 тыс. человек. Стабильна доля татарского (7,6 %) и башкирского (2,3 %) населения. Соответственно по этим этническим общностям также наблюдается сокращение численности: татар – на 14,5 тыс. человек, башкир – на 6 тыс. человек. Несколько увеличилось процентное соотношение казахского населения (с 5,8 до 6,0 %), при этом общая численность казахского населения сократилась на 5,3 тыс. человек. (см. табл. 1)

В последние годы в регионе наблюдается рост трудовой миграции. Если в 2010 году пункты пропуска оренбургского участка российско-казахстанской границы зафиксировали 1 млн. 597 тыс. выезжавших и въезжав-

ших, то в 2011 году их насчитывалось уже 1 млн. 938 тыс. человек. В 2010 году в Оренбуржье в режиме временного пребывания зарегистрировались 95775 чел., а в 2011 г. – уже 96329 человек. (см. табл. 2)

Анализ потоков миграции свидетельствует о том, что с 2000 г. по 2012 г. наблюдается минусовое сальдо миграции в регионе. К примеру, в 2011 году оно достигло наибольшего уровня (– 7047 человек). Миграционные потоки уже не компенсируют убыль населения из региона. (см. табл. 3)

За первое полугодие 2012 г. приток мигрантов наблюдался из Узбекистана – 43 %, Казахстана – 23,4 %, Таджикистана – 14,6 %, Азербайджана – 4,9%, Киргизии – 2,5% и Армении – 3,8% [8]. Поэтому за последние десятилетия в составе мигрантов преобладают представители узбеков, таджиков, киргизов, а также армяне, азербайджанцы. Они же и составляют основную массу т. н. гастарбайтеров. Вместе с тем, трудовая миграция по-прежнему не оказывает заметного влияния на региональный рынок труда, а безработица в Оренбуржье остается низкой (за 7 месяцев 2012 г. составила всего 1 %) и не меняется под влиянием миграционного притока.

Таблица 2

Динамика миграционных процессов в Оренбургской области (2003 - 8 месяцев 2012 г.) [1].

	2003 год	2004 год	2005 год	2006 год	2007 год	2008 год	2009 год	2010 год	2011 год	2012 год (8 мес.)
Количество иностранных граждан, проследовавших через пункты пропуска с миграционными картами на оренбургско-казахстанской границы, всего		562095	854493	1352976	1368516	1501460	1381577	1597127	1938113	1574126
в том числе: - на въезд в Российскую Федерацию		451330	596139	942853	938431	1017499	836071	937324	1111414	9413624
- на выезд из Российской Федерации		110765	258354	410123	430085	483961	545506	659803	826729	632764
Количество иностранных граждан, зарегистрированных в режиме временного пребывания (до 90 суток)	44220	76071	58033	63215	85772	114203	99506	95775	96329	74494

Таблица 3

Общие итоги миграции населения Оренбургской области за период с 1994 по 2011 годы [6].

Потоки миграции	2000	2002	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
Прибывшие - всего: (в пределах России: внутри области, из других регионов, из зарубежных стран)	43484	29228	33322	29712	31949	25570	28053	25933	46044
Выбывшие - всего (в пределах России, внутри области, в другие регионы, в зарубежные страны)	39703	33317	35194	33940	33225	29085	25603	29186	53091
Миграционный прирост, убыль (-) - всего в результате передвижений: в пределах России, внутри области, между регионами, миграционного обмена с зарубежными странами)	3781	-4089	-1872	-4228	-1276	-3515	2450	-3253	-7047

Однако общественное восприятие рисует совсем иные картины. Оренбуржцы убеждены, что мигрантов в области слишком много, и мифы о так называемом заси-

лье "азиатов" и "кавказцев" по-прежнему характерны для некоторой части населения. Лозунг "Россия для русских" – поддерживали в Оренбуржье в 2009 г. 18 %, в 2010 г.

– 24 %, в 2011 г. – 25 % опрошенных [5], в том числе среди студентов пяти вузов – 28 %. На общероссийском фоне все названные показатели почти в два раза ниже, но негативная тенденция сохраняется. И предубеждения проецируются на представителей новых этнических групп, т. е. нетрадиционных для региона меньшинств.

Отношение к приезду мигрантов у местного населения различное. По данным тех же опросов, 39 % опрошенных относятся к мигрантам нейтрально, 18 % – в целом положительно, 26 % – настороженно, 13 % – негативно. Антимиграционные настроения в наибольшей степени распространены среди славянского населения: 12 % украинцев, 26 % русских считают лучшим средством улучшения межнациональной стабильности ограничение количества мигрантов в регионе. Специалисты полагают, что это вызвано беспокойством представителей выше-названных этнических групп "резким изменением этнокультурного облика региона, поскольку большинство людей не имеют опыта прямого столкновения интересов с мигрантами". На вопрос: "Есть ли национальность, к представителям, которой респонденты испытывают недоброжелательное отношение?" – в 2005 г. утвердительно ответили 41 % участников опроса. В 2006 г. их было – 34 %, в 2009 – 34,4 %, в 2010 – 43 %, в 2011 – 36 %. Уровень недоброжелательного отношения к людям другой национальности, по своим абсолютным показателям за все годы измерений, колеблется в пределах от 33 % до 43 % [4].

Сравнивая вышеназванные результаты, полученные, по итогам проведенных ранее социологических опросов, с данными исследований, о которых далее пойдет речь, можно утверждать, что в целом этническая неприязнь, нетерпимость к представителям различных социальных групп, этнических общностей присутствует на том же уровне в Оренбуржье и сегодня.

В последние годы в России заметно стали чувствоваться негативные проявления всплесков этнической мобилизации, экстремизма. В результате агрессивной ксенофобии, за период с января по август 2012 г. было зафиксировано 100 нападений на почве агрессивной ксенофобии, в результате которых 29 человек погибли, по меньшей мере, 139 человек пострадали.

Вот почему одним из первых указов Президента РФ Путина В. В. был Указ "О межнациональном согласии". Согласно Указа разработан проект Стратегии государственной национальной политики в Российской Федерации.

Представленный документ (Стратегия) имеет ряд инноваций, которые, прежде всего, вызваны новыми историческими вызовами и рисками для национальной безопасности Российской Федерации, её демократического развития.

Вот некоторые из этих инновационных проблем:

Сегодня на первый план выходит проблема межэтнических отношений, о которых ранее в Концепции государственной национальной политики не упоминалось. А ведь в постсоветские годы обострение межнациональных отношений связано с миграционными процессами. Несомненно, мигранты – конфликтогенный фактор.

Поэтому раздел Стратегии "Задачи государственной национальной политики в области миграции" очень актуален для нашего приграничного Оренбуржья.

Проблема "мы – они", "свои – чужие", "новожители – старожители" существует. Миграция оказалась своеобразным "трянским конем" для российского общества, вызвавшим рост национальной нетерпимости и ксенофобии. Растет негативизм среди молодежи. И сегодня стоит вопрос адаптации, интеграции мигрантов и исключения сегрегации (выделения их в анклав).

В Стратегии может быть, впервые делается попытка договориться о глоссарии – что мы понимаем под "национальностью", "мигрантами", "межнациональным конфликтом" и так далее. Ведь в нашем общественно-политическом дискурсе до сих пор есть проблема неоднозначного использования терминов.

Как нам представляется, при муниципальных образованиях Оренбуржья нужны общественные советы из числа руководителей национальных организаций (диаспор). Они могли бы взаимодействовать с органами власти и местного самоуправления по вопросам трудовой миграции и использования иностранной рабочей силы, а также в связи с необходимостью разрешения конфликтных ситуаций и решения проблем взаимной социально-культурной адаптации мигрантов и местного населения.

В Стратегии раздел, касающийся прогнозирования, предупреждения и урегулирования межнациональных конфликтов и предконфликтных ситуаций, предполагает ряд конкретных действий на федеральном, региональном, муниципальном уровнях.

Один из пунктов этого блока гласит – "Включение результатов мониторинга и индикаторов состояния межнациональных отношений по результатам социологических и этнологических исследований в материалы, направляемые органами власти субъекта РФ в Федеральный орган, курирующий проблемы этнической политики". Для нашего Оренбуржья это работа не новая. С 1993 года в регионе осуществляется этнологический мониторинг, область входит в Международный проект раннего предупреждения конфликтов на постсоветском пространстве, разработан инструментарий, матрица, включающая в себя индикаторы (не только измерение уровня терпимости, неприязни, но и даже влияние на ситуацию таких факто-

ров как техногенные катастрофы, стихийные бедствия, состояние качества воды, проблемы границ миграции и т. д., что является конфликтогенным фактором). Есть кадры, профессионалы, необходимы средства для финансирования исследований. Социологи дают качественный научный продукт руководству, а аналитические записки направляются не только в центр, но и в муниципальные образования, для использования в практической деятельности руководителей, и если надо, для принятия политических решений.

В Стратегии поставлены задачи госполитики в информационной сфере. Выступая в Саранске на Совете по межнациональным отношениям при Президенте РФ, экс-министр по национальной политике, академик В. А. Тишков говорил об Останкинской телебашне, излучающей только "русскоязычные волны", и предложил, чтобы на федеральном уровне были 30-минутные радио-, телепрограммы и на татарском, башкирском, чувашском и чеченском языках, на которых говорят миллионы граждан России. В свое время в регионе на областном радио и ТВ звучали передачи: "Кобзарь" украинская, "Живые родники" башкирская, "Немцы в Оренбургском крае", "Добрый вечер" татарская, "18" еврейская, "Степные зори" казахская, мордовская, армянская, программы "Евразия", "Земляки".

Межнациональный мир, борьба с экстремизмом невозможны без поддержки гражданского общества, его институтов в лице национально-культурных автономий и

других национально-общественных организаций, которых в Оренбуржье насчитывается более 130.

Следует отметить, что время требует серьезного повышения их активности в решении задач улучшения работы с молодежью, адаптации мигрантов, преодоления языка "вражды и ненависти" в СМИ. Важно также договориться о правилах финансирования государственной национальной политики, привлекать к решению этой задачи не только государственные источники, но и социально ответственный бизнес.

Руководители национальных организаций в полной мере осознают это. 11 октября 2012 г. эта проблема обсуждена на заседании Совета Ассамблеи народов Оренбургской области с участием одного из разработчиков этой Стратегии, экс-министра по делам национальностей России, члена совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации Зорина Владимира Юрьевича, который выступил с основным докладом. Были высказаны предложения, дополнения по проблемам повышения роли государствообразующего русского народа, расширения информационного пространства на родных языках, финансированию региональной программы по национальной политике, расширению научных исследований в этой сфере и т. д. Реализация этих предложений и в целом Стратегии будет способствовать сохранению межнационального мира в полиэтничных регионах России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Динамика миграционных процессов в Оренбургской области (2003 – 8 месяцев 2012 г.) // Текущий архив Управления внешних связей и приграничного взаимодействия Аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. 2012 г.
2. Общие итоги миграции населения Оренбургской области за период с 1994 по 2011 годы // Текущий архив Управления внешних связей и приграничного взаимодействия Аппарата Губернатора и Правительства Оренбургской области. 2012 г.
3. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Оренбургской области (национальный состав и владение языками, гражданство): Экспресс-информация / Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Оренбургской области. Оренбург, 2012. 11 с.
4. Отчёт "Профилактика интолерантности в молодежной среде" (Оренбургская область). Выборка квотная, соответствующая генеральной совокупности на территории опроса по признакам: пол, возраст, национальность. Опрошено 250 студентов в 4 ВУЗ(ах) г Оренбурга. Рук. исслед. Амелин В. В., Шешукова Г. В. 2011 г.
5. Отчёт "Состояние межэтнических отношений и этноконфессиональных отношений в Оренбуржье" (Оренбургская область). Выборка квотная, соответствующая генеральной совокупности на территории опроса по признакам: пол, возраст, национальность. Опрошено 500 человек в 2 городах и 4 районах. Рук. исслед. Амелин В. В., Виноградова Э. М. 2011 г.
6. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XXVIII. Оренбургская губерния / Издание Центр. стат. комитета МВД; под ред. Н. А. Тростницкого. СПб.: Типография "Товарищества Художественной Печати", 1904. 174 с.
7. Рычков П. И. Топография Оренбургская. СПб.: При императорской Академии наук, 1762. 420 с.
8. Справка о состоянии миграционных процессов в Оренбургской области за 6 месяцев 2012 года // Текущий архив Управления Федеральной миграционной службы по Оренбургской области. 2012 г.
9. Терентьев Д. Из России с зарплатой // Аргументы недели. 2012. 19 июля. № 27 (319).

ПРОЕКТ СОЗДАНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО СБОРНИКА ДОКУМЕНТОВ ПО ИСТОРИИ ОРЕНБУРГСКОГО КРАЯ В ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД

THE PROJECT OF CREATION OF THE ACADEMIC COLLECTION OF DOCUMENTS ON THE HISTORY OF THE ORENBURG REGION DURING THE PRE-REVOLUTIONARY PERIOD

S. Lyubichankovskiy

Annotation

Need of creation of the academic collection of documents on history of the Orenburg region during the pre-revolutionary period is shown in the article. The concept of this project established. The project is supported by RGNF grant.

Keywords: Orenburg region, historical sources, collection of documents.

Любичанковский Сергей Валентинович
Д.ист.н., профессор
Оренбургского государственного педагогического университета

Аннотация

В статье обосновывается необходимость создания академического сборника документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период. Обосновывается концепция этого проекта. Проект поддержан грантом РГНФ.

Ключевые слова:

Оренбургский край, исторические источники, сборник документов.

В настоящее время в науке, международной и внутрироссийской практике сложился консенсус по поводу признания архивных документов составной частью культурного наследия, а последнего – фундаментальной основой, во-первых, сохранения идентичности и, во-вторых, успешного развития общества.

Оренбургский край (или, иначе, Урало-Каспийский макрорегион), обладавший сложившейся еще в XVIII веке определенной самодостаточностью и социокультурными особенностями, частично не утраченными и до сегодняшнего дня, давно находится в сфере внимания краеведов, ученых различной специализации. За три с половиной столетия существования края в составе России и Советского Союза (в виде сначала одной, а затем нескольких административно-территориальных единиц) в научный оборот введено большое количество архивных источников по истории региона. Вместе с тем, в отличие от многих других регионов, до сих пор не создан комплексный сборник документов по истории Оренбургского края в дореволюционный период.

Введение в научный оборот первоисточников в полнотекстовом формате является магистральным путем развития исторической науки, краеведения и в России, и в остальном мире. Создание и публикация сборников документов обеспечивает расширение круга исследователей, имеющих возможность изучения тех или иных проблем науки, увеличивает возможности перепроверки авторских интерпретаций содержания тех или иных документов и корректности их использования, а также обеспечивает режим реальной доступности к архивной части культурного наследия. Сборники документов по региональной истории, помимо прочего, являются объективной документальной основой для большего сплочения местных жителей на почве любви к малой Родине, то есть вы-

полняют не только важную академическую, но и значимую общественно-политическую функцию.

Необходимость создания сборников документов по истории Оренбургского края была осознана историками уже в конце 1950-х – 1960-х гг. Именно тогда появились публикации по истории гражданской войны [1] и Великой Отечественной войны [2]. Затем, после некоторого перерыва, в регионе вышли работы, посвященные дореволюционным протестным движениям [3; 4] и советскому культурному строительству [5; 6]. Таким образом, документальные публикации касались главным образом истории края в XX веке, а единственная в своем роде публикация (летопись), посвященная и более раннему периоду, была жестко тематически ориентирована на отражение исключительно классово-борьбы. В результате на сегодняшний день сложилась ситуация фактического отсутствия каких бы то ни было, а тем более построенных с учетом современных методологических подходов сборников документов по дореволюционной истории Оренбургского края.

Сегодня ставится задача системного введения в научный оборот первоисточников, в своей совокупности отражающих процесс развития Оренбургского края с древнейших времен до февраля 1917 года во всем его многообразии (административно-территориальном, политическом, социально-экономическом, культурном развитии, изменениях в повседневной жизни, раскрывающих место региона и его жителей в общероссийских процессах и событиях). Проблема системного ввода первоисточников в научный оборот носит фундаментальный характер.

Актуальность проблемы для науки определяется пятью основными факторами, отражающими высокую востребованность данного проекта как непосредственно в

регионе, так и в российской науке в целом.

Во-первых, подготовленный к публикации в результате реализации проекта сборник документов станет активной основой и необходимым шагом для создания востребованной, но пока отсутствующей академической истории Оренбургского края дореволюционного периода. Поскольку Оренбургский край до революции 1917 года представлял собой огромный и самобытный регион, включающий (на разных этапах) территории от Симбирска, Самары и Ставрополя до Уральска, Арала, Кургана, горного Урала, создание комплексного сборника документов по его истории и создание на его основе в последующем академической истории Оренбургского края представляется значимым, актуальным для изучения истории России в целом.

Во-вторых, создание такого сборника позволит значительно продвинуть вперед развитие региональной исторической науки и краеведения за счет обеспечения их общедоступным базовым комплексом первоисточников, отражающим характерные черты развития Оренбургского края в дореволюционный период. Появится большая ясность в вопросе о том, какие именно проблемы региональной истории представляют собой "белые пятна" и нуждаются в дополнительном исследовании.

В-третьих, сам процесс создания указанного сборника, а также и результат этого процесса, будут способствовать активизации обсуждения наиболее актуальных и дискуссионных проблем оренбургской истории, среди которых такие общероссийски значимые и требующие серьезного уточнения с позиций современных методологических подходов темы, как, например: характер пугачевского движения, этноконфессиональная политика Российской империи в регионах, имперские технологии власти на периферии империи, социокультурный феномен казачества, политика России по продвижению своего влияния в Центральной Азии, формирование гражданского общества в российской провинции, особенности процесса модернизации в российских регионах в до- и пореформенный период, становление партийно-парламентской системы в провинции и многое другое.

В-четвертых, научная обработка отобранных для помещения в сборнике источников (археографические справки; подготовка научного комментария к упоминаемым в документах событиям, именам и т.д.; сверка опубликованных еще до революции некоторых документов с архивными первоисточниками) позволит решить весьма актуальную для исторической отрасли знания проблему

критического анализа целого ряда накопившихся мифологем, основанных на переходящих из публикации в публикации цитатах из документов, подлинников которых никто не видел.

В-пятых, создание указанного сборника позволит решить актуальную проблему преодоления ангажированной подачи информации, которая практиковалась ранее и выражалась в публикации ряда документов только в отрывках, что нередко искажало их общий смысл.

Важно отметить, что на протяжении большей части своей дореволюционной истории, с 1781 по 1881 гг., Оренбургская губерния входила в состав какого-либо крупного регионального административно-территориального образования. Сначала это было Симбирское и Уфимское генерал-губернаторство (1781–1796), затем – Оренбургское военное губернаторство (1796–1851), позже – Оренбургское и Самарское генерал-губернаторство (1851–1865), и, наконец, Оренбургское генерал-губернаторство (1865–1881). Этим обусловлена необходимость выявления документов для сборника в целом ряде региональных архивов (в указанных выше городах и странах). Но как бы ни менялись границы этого "суперрегиона", именно Оренбург всегда был его "столицей", в которой располагались основные органы управления краем. Собственно, именно поэтому ту территорию, в которую, кроме Оренбурга, входили в разное время и Самара, и Ставрополь, и Симбирск, и Уфа, и Уральск, ту территорию, для обозначения которой японский исследователь К. Мацузато в 2010 году предложил специальное обозначение "Великий Оренбург" (Great Orenburg), в науке принято называть Оренбургским краем. И поэтому основу сборника составят документы Государственного архива Оренбургской области – одного из крупнейших и богатейших региональных архивохранилищ на всем постсоветском пространстве.

На наш взгляд, при заинтересованном участии коллег есть все возможности реализовать этот важный как в собственно научном, так и в общественно-политическом плане проект, с тем, чтобы к 270-летию образования Оренбургской губернии региональное краеведческое сообщество могло предложить сборник документов по дореволюционной истории Оренбургского края во все основные библиотеки страны. Эта работа уже начата, причем при поддержке Российского гуманитарного научного фонда. Уверен, что все специалисты и энтузиасты своего дела, изучающие историческое развитие Оренбургского края, примут в ней самое активное участие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданская война в Оренбуржье: документы и материалы. Оренбург: Южный Урал, 1958. 220с.
2. Подвиг оренбуржцев: документы и материалы. 1941–1945 гг. Челябинск: Южноуральское книжное изд-во, 1969. 180с.
3. Революционная и трудовая летопись Южноуральского края. 1682–1918 гг. Челябинск: Южноуральское книжное изд-во, 1980. 205с.
4. Революционное движение в Оренбуржье. 1905–1907. Сборник документов и материалов. Оренбург: Южный Урал, 1982. 167с.
5. Строительство культурной сферы в Оренбуржье: документы и материалы. 1918–1941. Челябинск: Южноуральское книжное изд-во, 1985. 150с.
6. Строительство культурной сферы в Оренбуржье: 1942–1987. Челябинск: Южноуральское книжное изд-во, 1988. 192с.

ЧЕЛОВЕК ПОЮЩИЙ

MAN SINGING

A. Pokrovskiy

Annotation

The article examines the nature of singing, the impact of singing on the physics and the human psyche, the attitude to the singing of modern science.

Keywords: The voice, singing, vokal art, musical therapy.

Покровский Андрей Викторович
Санкт-Петербургский
государственный университет
культуры и искусств

Аннотация

В статье исследуется природа пения, воздействие пения на физику и психику человека, отношение к пению современной науки.

Ключевые слова:

Голос, пение, вокальное искусство, музыкотерапия.

*Вы когда-нибудь пробовали петь?
Петь необходимо, потому что песня
благодарна и помогает нам в жизни...*

М.-Р. Гофман

Люди поют от рождения до смерти, часто совершенно не задумываясь о том, почему это делают. Существует популярное мнение, что человек поет от счастья, но почему тогда поют на похоронах? Многие сегодня поют, чтобы заработать деньги, но дети поют не ради денег. Случается, что мы поем, абсолютно этого не желая, бесконечное количество раз повторяя один надоедливый мотив. Мамы убаюкивают детей колыбельными, а взрослые повторяют мелодии песен, написанных на языке, которого совсем не понимают, но это занятие ни кому не кажется бессмысленным. Получая удовольствие, люди, не имеющие музыкального слуха, поют в караоке, а те, у кого не хватает духу, голосят у себя в машине. И уж, конечно, многие поют в ванной под душем.

В течение жизни ребенка нужно долго обучать чтению, письму и рисованию. Но первое, что самостоятельно делает младенец, появившийся на свет – пробует свой голос, а уже потом учится видеть и координировать свои движения. Рассказывают про старушку в Архангельской области, которая в свои сто с лишним лет уже перестала ходить, почти совсем разучилась говорить и не помнила ничего, кроме песен, которые пела в молодости.

Большинство склонностей человека легко объясняются инстинктами. Например, процесс ухаживания можно связать с продолжением рода, а стремление к состязаниям оправдан охотничьим инстинктом. Пение же с точки зрения практической пользы абсолютно бесполезно. В качестве оправдания пению иногда приводится рекреационная функция и наслаждение искусством. Мно-

жество людей наслаждаются великими творениями живописцев, в то время как их собственные опыты в качестве рисовальщиков завершились вместе со школьными уроками. Однако мы не перестаем петь, даже если последний урок мы получили пятьдесят лет назад. Что же это за удивительное свойство, что за непонятная потребность человеческой природы, которая, казалось бы, вовсе не обусловлена жизненной необходимостью и социальной надобностью, но настойчиво требует своей реализации.

Обычно человек мало знает об этом умении и не задумывается о его природе. И все же, почему нам нравится петь, и всегда ли пение является песней? Что человек пытается выразить при помощи пения? Почему пение является частью почти каждого религиозного культа? Зачем владеть своим голосом? Как пение влияет на поющего и на окружающих? Почему любят петь люди, не имеющие музыкального слуха? Однозначного ответа на поставленные вопросы нет ни в одном учебнике. И все же, попробуем в них разобраться. Прежде всего, давайте разберемся в том, почему человек поет, ведь очевидно, что способность к пению и причина пения – это не одно и то же.

Почему люди поют

Музыкальное понимание гармонии космоса с древнейших времен является основой картины мира. Корифеи античного мира, Пифагор (570–490 гг. до н.э.), Платон (428–348 гг. до н.э.), Аристотель (384–322 гг. до н.э.),

утверждали, что музыка устанавливает порядок и равновесие во вселенной и воссоздает гармонию в физическом теле. Античная традиция возводит способность пения ко времени происхождения человека на земле и связывает её с предыдущей цивилизацией, от которой мы и получили это наследство.

В 1952 году, немецкий физик, профессор Мюнхенского технического университета, Винфрид Отто Шуман (1888–1974гг), занимавшийся исследованием физического явления под названием "резонанс", высказал предположение о наличии собственных электромагнитных колебаний планеты Земля, впоследствии названных его именем – "Частота Шумана". Частоты этого резонанса совпадают с ритмами мозга, что свидетельствует о первичной связи живых существ с Землей и дает возможность человеку, используя пение и медитативные техники самоисцеляться и получать доступ к необычным способностям. Работая в том же направлении, выдающийся индийский философ и музыкант XX века, Хазрат Инайат Хан (1882–1927гг.) раскрывал "механизмы взаимодействия человека и Вселенной с помощью ритма" [5].

На основании исследований этих ученых можно сделать вывод, что пение – это физический способ передачи и получения информации, а так же возможность с помощью интонации, тембра, ритма и частоты контактировать не только с себе подобными, но и с Вселенной.

Воздействие пения на тело человека

"Человечеству издревле известно, что пение способно излечивать от болезней, воздействовать на нашу психику и сознание. Оно может стать настоящим оружием в руках воина, может мотивировать или угнетать большие массы людей"[8]. Восточная медицина, например, усматривает причину болезней в блокировке энергии, протекающей в организме. И освобождая, с помощью пения, заблокированные каналы, по которым протекает жизненная энергия, человек чувствует себя более здоро-

вым и счастливым. Эскулап лечил музыкой. Пифагор начинал и заканчивал свой день пением, он открыл, что музыка имеет влияние на возбуждение в человеке различных эмоций.

Для объяснения действия пения на тело человека начнем со стихии воды. Наше тело состоит на 70–80 % из воды. Из школьных уроков известно, что вода является идеальным проводником. Если мы будем воздействовать на тело звуком, то и организм будет проявлять определенные реакции на этот звук. Японский исследователь, доктор Масару Эмото (1943г. –) в своих научных работах наглядно продемонстрировал, как именно это происходит. Он воздействовал на кристаллы замерзающей воды музыкой и словами, при этом делались фотоснимки всего процесса воздействия. Результаты были ошеломительными. Под воздействием звуков и вибраций кристаллы воды меняли свою форму. В своей книге "Message from water", Масару Эмото пишет: "Теперь я знаю, почему без воды не может быть жизни, почему существуют альтернативные способы лечения и почему они эффективны" [7]. Современное оборудование позволяет делать фотоснимки ауры человека. Исследования, проведенные в этой области, зафиксировали изменение цвета ауры конкретных людей после голосовых занятий. В относительно недавнем прошлом в Германии маститые врачи измеряли иммуноглобулины, циркулирующие в крови. Оказалось, что после пения, количество иммуноглобулинов повышается, то есть улучшается иммунная защита организма. Все это объясняет причины использования пения, как сольного, так и хорового, для лечения недугов.

До наших дней дошло множество исторических свидетельств использования пения в лечебных целях. Древние египтяне лечили голосом бессонницу и все без исключения народы понимали, что пение помогает заснуть, отсюда – колыбельные. Пифагор настойчиво рекомендовал пение, как лекарство от помешательства. Кельтские народы применяли "песенные заклинания" в терапии. В Китае пение применялось для лечения нервных расстройств. В Новой Зеландии пели специальные песни, чтобы облегчить боль роженице. На Руси больного человека располагали внутри круга поющих людей и водили вокруг него хороводы.

Пение – это работа с ритмом, звуком и вибрациями. Известно, что только около 20% воспроизводимого человеком звука направляется на слушателя, во внешнее пространство. 80% направляется вовнутрь. Что же при этом происходит? В тембре голоса содержатся определенные частоты и колебания, и когда мы поем, внутренние органы вибрируют, то есть происходит своеобразный внутренний массаж, улучшающий кровообращение. Вибрации, которые возникают при правильном обращении с голосом, снимают внутреннее напряжение, поэтому пение – прекрасное успокоительное средство, и с его помощью лечат неврозы, психические расстройства и деп-

рессии. Подобный "звуковой внутренний массаж" очень полезен будущим мамам во время беременности. Звуковые частоты, возникающие при пении, активизируют рост и развитие ребенка, его головной мозг. К примеру, во Франции известный врач-акушер, Мишель Оден (1930г.–) по этой причине создает целые хоры беременных женщин. Определенным образом подобранный музыкальный ритм способен нормализовать биологические ритмы организма. Если ритм музыки реже ритма пульса, он оказывает успокаивающее воздействие на организм, а если ритм музыки чаще пульса, возникает возбуждающий эффект.

В конце XX века возможности науки в исследовании процесса музыкального восприятия, значительно возросли. Появилось узкое направление исследований – музыкотерапия. Ученые установили, что пение и музыка активно влияет на функции всех физиологических систем и процессов: дыхание сердечно-сосудистую систему, кровообращение. В начале 60-х годов, благодаря Лорел Элизабет Кейс появилась специальная методика лечения голосом, названная "Тонинг" [3].

Пение оказывает на человека сразу несколько видов воздействия: физиологическое (функции организма), психолого-эстетическое (ассоциативное, образное), вибрационное (биохимические процессы на клеточном уровне).

Ученые Китая даже разработали систему лечения, основанную на влиянии звуков при пении:

"И" – освобождает от заложенности носа, лечит глаза и уши.

"А" – снимает спазмы, действует на сердце и желчный пузырь

"У" – полезен при лечении матки и предстательной железы.

"Э" – помогает в работе головного мозга.

"Ш" – лечит печень.

"Х" – сбрасывает отрицательную энергию.

На востоке с древних времен знали, что вибрация звука может различным образом настраивать дух и разум. Техническим приемом такой настройки является Мантра – произнесение звуков в определенной последовательности. Каждая мантра оказывает воздействие на тело, влияет на психику, имеет священный духовный смысл.

Учитывая приведенные аргументы, уже меньше удивляет количество долгожителей среди великих певцов: Лемешев дожил до 76 лет, имея всего одно легкое, итальянский тенор Беньямино Джильи в 70 лет пел на сцене, как юноша, сильнейший бас Марк Рейзен отметил свой 90-летний юбилей на сцене, до почтенных лет дожили Козловский и Михайлов.

Связь пения с психикой человека

Помимо физического воздействия, пение оказывает сильное влияние на психо-эмоциональную сферу. Эмоционально-образное наполнение пения влияет как на того, кто поет, так и на того, кто слушает. Причем, если слово адресуется сознанию человека, то тембр, эмоциональная окраска, музыкальное сопровождение – напрямую к подсознанию.

Социопсихологии знают, что используя ритм можно изменять состояния и настроения как отдельно взятого человека, так и толпы. Используя ритм, возможно ускорять или замедлять сердцебиение, чем всегда успешно пользовались шаманы и знахари. Тембр, ритм и гармония, могут быть как лекарством, так и смертоносным оружием: этнографы описывают африканские племена, где преступников казнили при помощи барабанного боя. Существуют техники, в которых пением человек настраивает свой организм, подобно роялю. Входя в резонанс с самим собой, сообщая собственному телу определенные вибрации, человек может поднять свой жизненный тонус. Когда мы начинаем петь, не имея для этого настроения, пение постепенно меняет наше состояние, возникает обратная связь, приходит радость. Аналогично невропатологи лечат своих пациентов: заставляют их улыбаться. Улыбка – обычно следствие хорошего настроения – становится его причиной. Поэтому неслучайно человек поет. Этим поддерживается эмоционально-психическое здоровье.

В пении человек может выразить множество эмоциональных состояний и тем самым снять стресс, выплеснуть ненужный негатив и возбуждение. В результате, пение способно помочь в лечении депрессий, неврозов и нервных болезней и обеспечить гармоничное эмоциональное состояние тому, кто пользуется магией голоса. Известный французский отоларинголог, профессор психолингвистики, Альфред Томатис (1920–2001 гг.), в своей книге "Ухо и голос" описывает влияние на психику человека высокочастотных звуков. Он доказал, что человек не просто слышит звуки: воспринимаемые органами

чувств колебания воздействуют на нервные окончания и, преобразуясь в электрические импульсы, поступают в мозг. Одни воспринимаются как звуки, другие – попадая в мозжечок, передаются в лимбическую систему, ответственную за эмоции. Электрический импульс, создаваемый звуком, также поступает в кору головного мозга, и участвует в регулировании высших психических функций человека. По мнению Альфреда Томатиса, ухо является одним из важнейших органов, формирующих сознание человека.

Безусловно, пение предполагает наличие гармонии и ритма. Под этими понятиями обычно понимается структурная организация пространственно-временного континуума. Вся вселенная существует по одинаковым законам. Одинаковые пропорции лежат в основе движения планет, прочного здания и красивой мелодии. Неспроста древние греки причисляли музыку не к искусствам, а к наукам: она входила в триумвират: "Астрономия, Музыка, Геометрия". С древних времен люди понимали, что как нарушение законов вселенной может ввергнуть космос в хаос, пренебрежение законами геометрии превратит здание в руины, так и несоблюдение четких законов музыкальной гармонии разрушает душу человека, его внутренний строй и его отношения с другими людьми.

"Важнейшим понятием в этике Пифагора была "эвритмия" – способность человека находить верный ритм во всех проявлениях жизнедеятельности: пении, речи, танце, игре, жестах, мыслях, поступках, рождении и смерти. Через определение этого ритма человек мог подключиться к космическим ритмам мирового целого"[4]. Ритм – это структурирование времени, деление временного континуума на определенные промежутки. Сердечный ритм, ритм дыхания – основа жизни. Физиологи установили, что количество сердечных ударов в течение жизни мыши, слона или человека примерно одинаковое. Каждому явлению, народу, человеку свойственен его собственный ритм, искажая который можно как разрушать, так и управлять. Пифагор, Платон и Аристотель указывали на профилактическую и лечебную силу пения. Они считали, что пение восстанавливает порядок и нарушенную гармонию в теле человека, изменяет настроение, перестраивает эмоциональное состояние.

При помощи своего певческого аппарата, человек пытается выразить некие процессы, происходящие внутри него. Для объяснения этого, необходимо обратиться к современным исследованиям в области психологии. Пение – это сознательный процесс, а наше сознание состоит из трех активных взаимодействующих структур: психика – во главе с осознателем – умом, интеллект – являющийся выражением духовности, чувственная сфера – отражение нервной системы организма. Взаимосвязь этих элементов осуществляется "личностным Я", которое преобразует импульсные воздействия всех систем в причинно-следственный ряд и формирует наше знание о ре-

альности в определенную картину мира.

Наше физическое тело имеет отношение только к "сознательному" состоянию ума, в то время как существует огромная сфера "подсознания", в которой мы не можем использовать наши пять органов чувств. Однако, находясь в медитативном состоянии или во сне, мы можем "слышать" и "видеть" какие-то теневые процессы и образы, которые невозможно почувствовать в сознательном поле. Возвращаясь в сознательное состояние, наше "Я" пытается повторить и визуализировать полученный опыт, используя доступные инструменты. То есть, чтобы не забыть то, что сознание сумело вытащить из подсознания, человек фиксирует это с помощью специальных знаков. Например, проснувшись и смутно припоминая какие-то образы и ощущения, композитор напевает мелодию, поэт сочиняет стихотворение, художник пишет картину. Так рождаются композиция, живопись и поэзия.

Но пение – это еще не песня, рисование – не картина, а текст – не книга. Иногда эти образы складываются в единое целое и рождаются песни, то есть стихи, положенные на мелодию или сценарии, где картины сопровождаются текстами и музыкой. Это и есть настоящее творчество, в котором каждый творец уникален от начала и до конца. И в этом коренное отличие творца от ремесленника, искусно выполняющего свою работу по готовому, кем-то придуманному шаблону.

Пение и современность

Исследования феномена пения и его возможностей сегодня активно исследуются многими учеными различных направлений. Специалистами обнаруживаются и фиксируются новые свойства голоса. Создаются различные учреждения, изучающие влияния пения на человека. Музыкотерапия сегодня – это интегральная дисциплина на стыке нейрофизиологии, рефлексологии, психологии и музыковедения. Она всё более утверждается в качестве универсальной воспитательной системы, оптимизирующей процесс личностного развития человека в сложных условиях современной общественной жизни. В странах Западной Европы и США возникли и приобрели популярность музыкально-психотерапевтические центры. В России также существует центр музыкотерапии, возглавляемый доктором Сергеем Вагановичем Шушарджаняном, оперным певцом с консерваторским образованием.

Современные психологи утверждают, что лучший способ повысить качество своей жизни – просто начать ей радоваться. Пение именно тот инструмент, который позволяет "добыть" радость жизни. По мнению специалистов, оно входит в "антидепрессивный пакет" наравне с йогой, спортивными занятиями и сеансами психотерапевта. В последние годы учиться петь идет все больше взрослых, состоявшихся, серьезных людей. Не столько

ради мифической профессиональной певческой карьеры, а чтобы решить конкретные проблемы – психологические и физиологические. В этом есть неоспоримая логика, так как вокал раскрепощает, помогает лучше понять себя и свое тело. Человек становится спокойнее, радостнее и счастливее.

С точки зрения физиологии, вокал – самый настоящий фитнес, так как при пении работает все тело от макушки до пяток. С непривычки у начинающих певцов устают ноги, спина, пресс, даже челюсть. Активно задействуются мышцы живота. Работа над дыханием насыщает кровь кислородом, улучшается работа сердечно-сосудистой и дыхательной системы. Кроме того, вокал учит владеть и управлять своими эмоциями.

Различные отрасли науки всячески подтверждают благотворное воздействие пения на тело и душу человека, однако важно знать "дозировку", вредные и полезные виды пения, так как пением можно и навредить. Исследования, проведенные в Больничном центре Сент-Люкс-Рузвельт, показали, что некоторые техники пения, отличающиеся длительными задержками дыхания, разрушительно действуют на мозг, легкие, гортань, сердечно-сосудистую систему. Патологоанатомическое исследование известного тувинского хоомейджи Геннадия Тумана, умершего в возрасте тридцати трех лет, показало, что у певца "практически не осталось легких". В Монголии даже существует закон, по которому исполнители горлового пения приравнены по профвредности к шахтерам и могут досрочно выходить на пенсию.

Сегодня официальная наука признает существование трех основных техник пения: горловое, трансное и классическое. Есть и другие техники, например, скриминг (от англ. scream – "кричать") и гроулинг (от англ. growling – "рычание"). Гроулинг сделал популярным Луи Армстронг, сейчас его используют в блюзе, хард-роке и прочих тяжеловесных направлениях. Скриминг практикуют вокалисты "металлических групп". Выбирая в какой технике

петь, есть смысл прислушаться к мнению профессионалов, которые считают, что академические певцы могут исполнять и фолк и эстраду, за счет серьезной подготовки. А вот наоборот – вряд ли получится. В любом случае, техника – дело вкуса. Певец сам решает, что и как он должен своим творчеством сказать людям.

Как и во всякой форме художественной деятельности человека, в вокале нужно различать пение любительское "для себя", необходимое человеку, как воздух, но не являющееся искусством, и пение как исполнительское искусство, у которого есть свои законы.

Подводя итог выводам, сделанным ранее, можно заключить, что:

Пение – наиболее ранняя и важная область музыкальной жизни человека. Оно способно оказывать воздействие на физическое тело человека, обладает сильными психотерапевтическими свойствами и выражает явления, скрытые в подсознании.

Исследования феномена пения и его возможностей восходят к музыкально-философским системам древней Греции, которые, в свою очередь синтезировали их из музыкальной практики и музыкального воззрения восточных цивилизаций древнего мира.

В настоящее время способности человека к пению активно исследуются учеными различных направлений, которые выявляют все новые и новые возможности, заложенные в голосе человека. Образовываются различные учреждения, занимающиеся исследованием его свойств и оказываемого воздействия.

Занимаясь развитием голосового аппарата, крайне необходимо иметь верное представление о механизмах его работы, направлениях использования и возможных отрицательных последствиях при неверном функционировании и излишествах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранова С.В., Настроение здоровья. – М.: ЦПФС "Единение", 2007.
2. Брусиловский Л. С., Музыкалотерапия // Руководство по психотерапии. – М., 1985
3. Лорел Элизабет, Тонинг – творческая сила голоса. – Калифорния, 1973.
4. Петрушин В.И., Музыкальная психотерапия. – М., 1999.
5. Хазрат Инайат Хан, Мистицизм звука. – М.: Сфера, 1997.
6. Шушарджанян С.В., Музыкалотерапия и резервы человеческого организма. – М.: Антидор, 1998.
7. Эмото Масару, Послания воды: тайные коды кристаллов льда. – София, 2005.
8. Покровский А.В., Уникальность человеческого голоса. – М., Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук, № 9(44) 2012, с.243–245

КАЗАЧЕСТВО И ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ

COSSACKS AND STATEHOOD

I. Erohin

Annotation

In the article the author examines the formation of Cossacks in the Russian state system, the influence of the frontier on his nature, especially the relationship of the state to the estate, the evolution of the relationship with the priorities of the state against the cossacks.

Keywords: government, statehood, cossacks, bar, frontier, empire.

Аннотация

В статье автор рассматривает становление казачества в системе российского государства, влияние фронта на его природу, особенности отношения государства к данному сословию, эволюцию взаимоотношений с государством, расстановку приоритетов государства в отношении казаков.

Ключевые слова:

Государство, государственность, казачество, сословие, фронт, империя.

Государство всегда играло существенную роль в экономической и социокультурной жизни России и тем более в жизни отдельных сословий – как в форме административно-правового оформления и вмешательства, так и через непосредственное регулирование деятельности. Оно долгие годы было главным феодалом для казачества в ряде ключевых отраслей его жизнедеятельности. Именно самодержавие и его структуры использовали и контролировали казачество как проводника своих имперских замыслов. Данное обстоятельство предопределило эволюцию развития казачества, начиная с XV века.

В мировой и отечественной науке вопросы взаимоотношений казачества и государства получили отражение в трудах Н.И. Никитина, А.П. Скорик, М.А. Рыбловой, Э. Хобсбаума и др. [1, 2, 3, 4]. Зарубежная историография не всегда так восторженно оценивала природу казачьей государственности. Казаков XVI–XVII вв. называли и бандитами, которые были отвергнуты государством, но воспринимались как герои в самом крестьянском сообществе [4].

Сегодня отечественные исследователи сохранили стабильный интерес к теме государственности в проблематике казачества. В работах С.А. Кислицына, А.А. Волвенко и многих других проанализированы различные аспекты развития этих взаимоотношений в широких хронологических рамках [5, 6, 7].

Целью данной статьи является раскрыть противоречия и дуализм взаимоотношений казачества с россий-

ским государством, проследить, какие стадии прошла их эволюция.

До сих пор казачье движение до конца не вписывается в правовое поле Российского государства, представляя собой источник социально-политического напряжения. Риски, связанные с возможностью и неизбежностью конфликтных ситуаций, складывались как следствие противоречивости самой природы казачества, пытающегося, с одной стороны, сохранить свободу и автономию, а с другой, вписаться в имеющуюся государственную структуру. Это противоречие присутствовало уже с момента зарождения казачества в российском государстве: внешнеполитическая деятельность (охрана рубежей и участие в войнах) не увязывались с лидирующей ролью казачества в крестьянских бунтах и восстаниях.

Государство всегда принимало во внимание эти риски, учитывая, что казачество формировалось преимущественно представителями воинских служилых категорий населения разных государств, расположившихся по разные стороны Дикого поля. С.М. Соловьев и В.О. Ключевский, в свою очередь считали, что казаки – это потомки беглого русского населения, спасавшегося на окраинах государства от крепостного гнёта [3, с.67]. Советские историки единодушно полагали, что казаки изначально были связаны с российской государственной системой, а зарождение их культуры рассматривали как логическое продолжение русской крестьянской традиции [1]. Н.И. Никитин и А.Л. Станиславский считали, что ранние казачьи сообщества архаичнее общественного устройства Российского государства, а А.Ю. Дворниченко говорил о

них как о "параполисе" (параполитейном государстве) [1]. Государственный и социальный коды при становлении казачества систематически противопоставляются как взаимоисключающие. Многие авторы настаивают на демократичности и развитости политической системы, например, донских казаков [2, 3]. Как бы то ни было, это указывает на сложную (порой дипломатическую) систему отношений, которую государство пыталось выстроить с казаками.

Формируясь в специфических условиях фронта, в маргинальном пространстве и экстремальных условиях, казачество всё же постепенно переходило к управленческой структуре, весьма близкой к общегосударственной. Современные модификации в рамках теории фронта помогают осмыслить особенности менталитета казачества, его государственнической природы, обосновать вывод о постепенном изменении социальных ролей и связи с государством. Понятие "фронт", по мнению специалистов, означает "место встречи, пространство и даже сам момент, где и когда встречаются культуры разного типа и уровня, где происходит их взаимовлияние и взаимное проникновение в структуру друг друга" [8, с.5]. Популярная сегодня теория объясняет некоторые особенности формирования менталитета казаков, по разным причинам попавших в районы фронта. Многие авторы отмечают в связи с этим присутствие в их личностных характеристиках демократизма, толерантности, вызванные именно уникальностью территории, где люди были вынуждены жить вместе. При этом происходило смешение самых разных судеб, особенностей самобытных народных укладов. Казакам для того, чтобы выжить в экстремальных условиях фронта, нужно было выработать такой алгоритм действия, который бы "обеспечил превращение шайки изгоев-разбойников в боевые организации с налаженной системой жизнеобеспечения и системой ценностей" [3, с.27]. Примечательно, что формирование первых казачьих сообществ относится к периоду XV-XVI вв., т.е. времени становления централизованного государства.

Специфика становления отношений казаков с российской властью заключалась в характере освоения новых территорий (в рамках "государственного феодализма"), что приводило к тотальному вмешательству государства в повседневную жизнь людей. Это сказалось на снижении и градусе сопротивления и стремлении к автономии. Так, например, в 1835 г. было издано "Положение об управлении Донского войска", в котором завершилось превращение казачества в замкнутое военно-служилое сословие. Как указывает М. Рыблова, "сворачивание казачьей вольницы происходило долго и постепенно" [3, С.15]. Этот, а также ряд других документов официально закрепили новое положение дел. Вольница была полностью поглощена Российским государством.

Однако нельзя абсолютизировать значение теории

фронта в отношении казачества с государством, а следует учитывать, что пограничное состояние и его дух постепенно стираются применительно к событиям конца XIX – начала XX в. Хотя в исследовании властных институтов империи проблемы пространственной морфологии власти ("географии власти") в отношении казачества до сих пор звучат достаточно актуально.

Говоря о государстве и государственности, необходимо принимать во внимание тех людей, которые "оживляют" его структуры, принимая на себя те или иные роли и отправляя те или иные государственные функции. В исторической науке сложилось довольно устойчивое представление о том, что казаки "несли государственность" на окраины империи, по мере освоения и колонизации новых территорий [9, с.322-329]. Государство было представлено там своим аппаратом, в том числе и казаками. Эта категория "слуг государевых" была наиболее многочисленной. Они строили первые русские города-остроги на границах империи, участвовали в экспедициях. Эта деятельность государевых служилых людей была подкреплена целенаправленной политикой верховной власти, а сами они становились агентами, проводниками государственности.

Казаков, как уже указывалось, называли представителями маргинального образования, которое сложилось на окраинах Московского царства и Речи Посполитой, там где потенциально земледельческое население могло с большей вероятностью подвергаться набегам кочевников. Уже с конца XVI в. упоминание о казаках становится постоянным и в документах сибирских городов [1, с.30]. Там их деятельность была связана со ссылкой, важной частью "государственной" политики в Сибири. Доля конных казаков в 1626 г. в городах Западной Сибири достигала 10% от всего населения. К 1663 г. доля конных и пеших казаков, например, в Тобольске, составляла 40% гарнизона [1, с.32, 33]. В тех же районах, где не было набегов, и казаки не могли обнаружить подходящего себе противника, конных казаков вообще не было.

Интересно, что во многих районах наблюдалась унификация названий. Так, в одних, казаки стали называться стрельцами, а в других, наоборот, – стрельцы стали называться казаками. Хотя по Соборному уложению 1649 г. стрельцы имели более привилегированный юридический статус, тем не менее, и тех и других ждало жестокое наказание за оставление службы (гл. VII), также в документе государство встало на защиту чести казаков (гл. XXIV). Таким образом, эволюция казачества была бы невозможной без организующего государственного начала. Казаки получали от государства денежное, хлебное и соляное жалованье. Делились они, как и стрельцы, на десятки, сотни и приказы (по 500 человек), во главе которых стояли "десятские, сотские и атаманы, а не "головы" [10, с.42–43].

На протяжении последней четверти XVII – XVIII веков шёл неуклонный рост численности казачества по всем пограничным регионам России. Однако все эти показатели, как бы ни были они важны для понимания проблемы "казачество и государственность", не дают нам возможности понять, что за люди составляли это сословие "служивых", так рьяно защищавших опоры власти и государства. Для этого необходимо обращение к биографическому методу. Так, например, биография казака Юрия Соболевского позволяет проследить мотивацию его государственной службы [11]. Здесь нужно понимать и чётко разделять понятия "служение государству" и "служба государю", ведь примерно до середины XVIII в. главенствовала личная преданность государю.

Этот шляхтич, принял православие, дал присягу на верность царю и в 1667 г. был направлен на службу в Сибирь "в дети боярские" города Томска вместе с женой Марфой, окладом 8 руб., 3 пудами соли, 12 четей ржи и 12 чети овса. При рождении сыновей, его оклад и довольствие повышались. В 1678 г. Юрий был в Москве, возвращался в начале 1679 г., "зимним путем" и вез "русский товар" для продажи. На подходе к Тобольску, на него было совершено нападение, в результате чего была похищена "государева казна" и весь товар. Казна впоследствии нашлась, но "двор" был весь описан. Стоимость имущества равнялась пятилетней заработной плате казака. Тем не менее, через 4 года, он, имея уже 3-х сыновей, назначается приказчиком Уртамской слободы, где позже будет строить Уртамский острог. На основании документов выяснено, что казна по несколько лет не выплачивала казакам жалованье. Эти задержки были не только в Сибири, но касались казаков и других регионов. Н.И. Никитин отмечал, что нередко полагавшееся служилому человеку жалованье отличалось от получаемого им в действительности [1, с 115].

В 1688 г. Юрию Соболевскому на строительство Уртамского острога из Сибирского приказа было выдано 200 руб. Сто пятьдесят пошли пашенным крестьянам, а 50 – ссыльным крестьянам. По его челобитной, поддержанной жителями Уртамского острога, была отстроена

церковь, в которую царевна Софья прислала колокол и книги. В 1695 г. вместо него в "детях боярских" стали служить его сыновья. У них уже в начале XVIII в. имелись земельные владения. За всю его жизнь оклад повысился с 8 до 14 руб., однако он не всегда выплачивался сполна.

Эта раскрытая достоверными источниками судьба казака дает нам возможность понять то значение, которое представляли казаки для государства и власти. Это был надежный оплот государства на взрывоопасных окраинах: и изнутри (ссылные) и извне (постоянные набеги). Казаки, составившие многофункциональные внутренние войска, выполняли не только военно-охранительные функции, но и управленческие, экономические, геополитические, дипломатические, социокультурные. Все те функции и задачи, которые и ставило перед собой государство в период становления империи.

Бывали, однако, и случаи перехода казаков на сторону противника (полковник Михаил Криса в 1651 г. перешел на польскую сторону) [11]. Несмотря на влияние и контроль государства, всё же изнутри казачьи сообщества долгое время (примерно до середины XIX в.) оставались архаичными, придерживавшимися норм обычного права. Государства вначале использовало казачью волюницу в своих геополитических и внешнеполитических целях, а затем взяло её под контроль. Этот процесс завершился примерно в то же время – в первой трети XIX в.

Государство всегда в полной мере осознавало и оценивало предстоящие риски, связанные с казачьей волюницей. Именно поэтому Борис Годунов отправил первыми воеводами с отрядами казаков в Сибирь сторонников своего политического противника боярина Ивана Шуйского. Несмотря на многовековой имидж бунтовщиков, казачество сохранило преданность государству. По крайней мере, исследователи истории донских казаков доказывали их лояльность во время пугачевского бунта [3].

Советскому государству не нужен был такой союзник как казачество. В 1920–1930-е гг. оно почти исчезло с исторической арены. Хотя некоторые специалисты говорят о казачестве того времени как о специфической группе советского общества, изменившейся в условиях советской действительности, но не утратившей своих отличительных черт [2, с.64–66]. Действительно советские официальные торжества в прежних районах расселения казаков начинались казачьими парадами. Но это – скорее дань фольклорной традиции, декорация. Невнимание советского государства спродуцировало ряд проблем: детскую беспризорность, религиозность казаков, с которыми потом само и боролось.

Сущность советского государства не предполагала существования каких-либо сословно-этнических групп, подобных казачеству. Но, по крайней мере, донские ка-

заки–колхозники всегда подчеркивали неизменную преданность советской власти [2, с.71]. Со своей стороны, советская власть никогда не забывала с кем имеет дело, и в начале 1950–х гг. и позднее держала на учёте старые "социальные грехи" казачества, которые в период становления нового государства не очень приветливо его встретили и долго сопротивлялись закреплению новых общественных порядков на казачьих землях. Всё это также доказывает преданность казачества правителю лично, а не абстрактному государству.

Во время Великой Отечественной войны казаки сыграли эпизодическую роль, окончательно продемонстрировав разрыв давней традиции защитника Отечества. Стихийное возрождение казачества началось в конце 1980–начале 1990–х гг. Тогда и заговорили о неказачестве, о "новом феномене в политической системе российского государства" [2, с.65; 6; 7]. Современная реанимация казачества всё также идёт под государственным контролем. Как указывают специалисты, "государству необходимо искать пути взаимодействия с казачьими структурами, их атаманами, разрабатывать "казачью политику", которая, как показывает опыт, тесным образом может быть связана с национальной и даже внешней политикой" [6, с.186]. Создание в 1996 г. Главного управления казачьих войск при Президенте РФ, юридическая регистрация казачьих объединений, включение их в государственный реестр демонстрируют не только усиление контроля, но и внимание центральной власти к ка-

зачеству. Однако как и у царской, а потом советской власти, у неё отсутствует концептуальное видение места казачества в общем государственном механизме.

Итак, в сложном процессе государственного строительства в России особенно остро вставала проблема кадрового обеспечения при реализации властной воли, лояльности подданных. В ходе многовековых экспериментов выяснилось, что стабильность государства зависит, в том числе и от их взаимного доверия. Противоречивый характер взаимоотношений казачества и государства, неоднократные попытки конфронтации с верховной властью отразили общие кризисы государственности в нашей стране.

Итак, прослеженная противоречивость эволюции взаимоотношений "служилого" сословия с государством показывает государственно-историческое измерение истории казачества в России, ту роль, которые они сыграли в становлении, оформлении и защите суверенитета империи на протяжении XVII – XIX вв. Парагосударственная модель, которая создавалась казачьими сообществами на границах укрепляющегося Российского государства, по многим параметрам противопоставлялась (диссонировала) государственности статусной территории, но в то же время обе эти модели создавали единую систему – единое российское государство. Сложный механизм их взаимодействия и составляет суть изучаемого феномена – казачества и дуализм его связи с государством.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никитин Н.И. Служилые люди в Западной Сибири XVII в. – Новосибирск, 1988. – 277 с.
2. Скорик А.П. Донское казачество в начале 1950–х гг. // Вопросы истории. – 2013. – № 1. – С.64–72.
3. Рыблова М.А. Донское братство: казачьи сообщества на Дону в XVI – первой трети XIX в. / М. А. Рыблова – Волгоград, 2006. – 342 с.
4. Hobsbawm E.J. Social Banditry// Rusal protest: Peasant Movemenst and Social Change. 1974.
5. Кислицын С.А. Государство и расказачивание. 1917–1945. – Ростов–на–Дону, 1996.
6. Волвенко А.А. Российская власть и донское казачество во II пол. XIX – нач. XX вв. // Пространство власти: исторический опыт имперской России и вызовы современности / Под ред. Б.В.Ананьича, С.И.Барзилова. Серия "Университетская наука", вып.3. – М.: Московский общественный научный фонд, 2001. – С.186–203.
7. Волвенко А.А. Формирование и эволюция правительственного курса в отношении казачьих войск Юга России в конце 50–х – нач. 70–х гг. XIX в. // Казачество Юга России в процессах становления и развития российской государственности. – Волгоград, 2007. – С.26–29 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.cossackdom.com/articles/v/vovlenko_formirovanie.htm(дата обращения 09.03.2013).
8. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Предисловие // Сибирский плавильный котёл: социально–демографические процессы в Северной Азии XVI – XX века. Новосибирск, 2004.
9. Роль государства в освоении Сибири и Верхнего Прииртышья в XVII – XX вв. / Отв. ред. М.В. Шиловский. – Новосибирск: Параллель, 2009. – 403 с.
10. История казачества Азиатской России / Н.А. Миненко (отв.ред). – Екатеринбург, 1995. Т.1. XVI – первая половина XIX в.
11. Соколовский И.Р. Служилые "иностранцы" в Сибири XVII века. – Новосибирск, 2004.

К ВОПРОСУ О СОСТОЯНИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ СТАВРОПОЛЬЯ)

TO A QUESTION ON A CONDITION OF
THE DOMESTIC EDUCATION
IN THE BEGINNING OF XX CENTURY
(ON AN EXAMPLE OF THE STAVROPOL TERRITORY)

N. Tribunskih

Annotation

In the given article the system of Russian education on an example of the Stavropol province in the XX century is presented. The author considers the process of receiving education as well as the government's attitude to the formed system of education and its activity in resolving problems in the sphere of education. Also in the article the realization experience of different models of municipal and rural school arrangement and the process of forming national education is considered. The actual question of interrelation between officials, the church and people about the question of cooperation in mobilization's process of attraction of the means raise.

Keywords: education, the government, national education, financing of educational system, the Stavropol Territory.

Трибунских Наталья Ивановна

Аспирант, ГБОУ ВПО

"Ставропольский государственный педагогический институт"

Аннотация

В статье характеризуется система российского образования в начале XX в. на примере Ставропольской губернии. Анализируются процесс получения образования населением, а также отношение государственной власти к сложившейся системе образования и ее деятельность по разрешению проблемных вопросов в области образования. В статье также рассматривается опыт организации различных типов городской и сельской школы и процесс становления национального образования. Поднимается проблема взаимоотношений между властью, церковью и населением по вопросу сотрудничества в процессе мобилизации средств.

Ключевые слова:

Образование, государственная власть, национальное образование, финансирование системы образования, Ставрополье.

До 1917 г. в Ставропольской губернии сеть учебных заведений составляли учреждения начального и среднего уровня. Если в городах того времени функционировали разные типы таких учреждений, в том числе гимназии и профессиональные училища, то в сельской местности региона в основном образовательная сеть состояла из начальных и одноклассных училищ. При этом широко разветвленную структуру имели школы грамотности, созданные в период проведения либеральных реформ 1860–х гг.

Характерной чертой облика сельских начальных школ стала ориентированность на выполнение воспитательных задач, которые, в свою очередь, решались на основе православных догматов. Такие учреждения подразделялись на два вида: приходские и церковно-приходские. Различие между ними состояло в том, что приходские училища содержались за счет государственной казны, а церковно-приходские училища финансировались Святейшим Синодом. При этом оба типа начальных учебных заведений в материально-техническом плане поддерживались и сельскими общинами, заинтересованными в получении их детьми религиозного образования. Влияние духовенства распространялось не только на церковно-приходские училища, но и на народные школы грамотности. Епархиальное руководство получило право принимать решения об открытии новых учебных заведений в сельской местности, призванных распространять

элементарные навыки грамотности в самых широких слоях населения, независимо от статуса и происхождения. В сельских уездах Ставрополья приходское духовенство организовывало одноклассные и двухклассные церковно-приходские училища [6, 24].

В городе же, наряду с Министерством народного просвещения, инициативу по открытию и содержанию начальных и средних школ принимали на себя благотворительные организации, а также частные лица. В конце XIX – начале XX вв. на Ставрополье существовало несколько объединений, созданных на общественных началах с одной целью: способствовать распространению образования в регионе. Чаще всего в круг задач таких обществ входило проведение благотворительных сборов на нужды просвещения и определение средств для содержания одного-двух частных учебных заведений или детских приютов. Среди наиболее известных организаций такого рода выделялись следующие:

- 1) благотворительное общество Святой Александры (основано в 1848 г.), давшее жизнь первой женской гимназии в Ставрополе;
- 2) братство Святого Равноапостольного князя Владимира, на попечении которого находилось убежище для беспризорных детей, дом престарелых, а также дешевая и бесплатная столовая для бедняков;
- 3) Ставропольское городское общество, открывшее 3 одноклассных начальных училища;

4) общество для содействия распространению народного образования под руководством А. В. Архангельского (создано в 1878 г.): содержало 2 начальных училища и 2 воскресных школы [2, 98].

По данным на 1907 г. в губернии насчитывалось 362 начальных народных училища, подведомственных Министерству народного просвещения: 12 двухклассных и 350 одноклассных, в которых обучалось 21454 человек обоего пола. Также, помимо светских школ, существовали церковные учреждения. На 1 января 1907 г. в регионе насчитывалась 271 церковная школа (199 одноклассных и 72 школы грамоты), где обучалось 14402 ребенка. Также существовали второклассные, так называемые учительские церковные школы, предназначенные для подготовки педагогов начального уровня, и на рассматриваемый момент в Ставропольской губернии их было 3 со 187 учащимися [5, 17–18].

В г. Ставрополе же на начало XX в. функционировало 9 средних учебных заведений, одна профессиональная школа, одно высшее начальное училище и 53 начальных школы, из которых 3 определялись как светские двухклассные, 41 светская одноклассная, 1 двухклассная церковно-приходская и 8 церковно-приходских одноклассных [7, 187].

Особое внимание при рассмотрении положения дела народного образования в губернии в рассматриваемый период должно быть уделено средним учебным заведениям, которые к концу XIX – началу XX в. стали своеобразным центром сосредоточения передовой просветительской мысли на Ставрополье. В их число входили: Первая мужская гимназия (1837–1920 гг.); женская гимназия св. Александры (1849–1920 гг.); Ольгинская женская гимназия (1876–1920 гг.); Третья женская гимназия (1905–1920 гг.); духовная семинария (1846–1919 гг.); епархиальное женское училище (1875–1919 гг.); духовное училище (1823–1920 гг.). Позднее их число пополнила Вторая ставропольская мужская гимназия (1912–1920 гг.).

В 1911–1913 гг. под влиянием отголосков первой русской революции в губернии началось активное расширение школьной сети. За три года количество учебных заведений увеличилось на столько же, сколько появилось за последнее десятилетие [8, 44]. Введенное в 1913 г. земство вместе с инспекцией народных училищ разработало перспективную программу развития народного образования.

Важное место в проводимых мерах отвели высших начальных училищ, которые давали учащимся подготовку, достаточную для поступления в гимназию. В 1913 г. их на Ставрополье насчитывалось всего 4, в 1914 г. открылось еще два, в с. Песчанокопском и с. Прасковейском. 25 января 1915 г. Второе земское губернское собрание утвердило новую программу открытия высших начальных училищ, по которой намечалось организовать еще 16, в разных селах губернии. При этом земство в своей инициативе исходило из требований, которые поступали от населения. Например, имеется обращение схода Дивен-

ского сельского общества с просьбой об открытии высшего начального училища, так как существовавшие в селе одноклассные школы "не удовлетворяют тех требований школьной науки... такую потребность может удовлетворить, если было бы в нашем селе открыто высшее начальное училище, в котором преподавались бы латинский и другие языки, необходимые при переходе в соответствующий класс гимназии" [8, 44].

Однако начавшаяся первая мировая война не позволила реализовать эти планы. Одной из главных проблем стал дефицит кадров. Осенью 1914 г. более 80 мужчин из числа учителей мобилизовали в армию. Учительская семинария и учительский институт выпускали в год не более 8–10 учителей каждый, при этом многие из закончивших курс обучения студентов впоследствии уезжали из губернии. Поэтому в 1915–1916 гг. не открылось ни одного высшего начального училища.

Тем не менее, в 1914–1915 гг. появилось 96 новых одноклассных училищ, 6 двухклассных и одно одноклассное было преобразовано в двухклассное [8, 45]. К 1914 г. число учебных заведений начального образования увеличилось до 1042 с 67135 учащимися [4, 27]. Тем не менее, наличествовавшая сеть школ и училищ не удовлетворяла потребности местного населения в обучении и охватывала лишь малую часть детей школьного возраста. Прогресс достигался в основном за счет введения послеобеденной смены в уже существовавших училищах, так как управление образованием испытывало острую нехватку пригодных для обучения помещений. Подготовка же специалистов-профессионалов велась в ограниченных масштабах в направлении формирования педагогических кадров и, по большей части, передавалась в руки духовенства.

На процесс формирования системы образования в губернии свой отпечаток накладывал многонациональный и многоконфессиональный состав ее населения. Открытие национальных учебных заведений и поощрение инициативы населения в увеличении числа школ стало немаловажным пунктом государственной просветительской политики в регионе. И если на рубеже XIX–XX вв. ситуация складывалась не слишком оптимистично, то уже к 1909–1910 гг. сеть школ для нерусских народностей на Ставрополье, как и в целом по России, выросла в результате проявления мощного национального движения во время первой русской революции 1905–1907 гг.

Все национальные школы Ставропольской губернии, за исключением калмыцкой гимназии в селе Воронцово-Николаевском, по типу относились к начальным учебным заведениям. Программа обучения в обязательном порядке включала в себя русский и национальный язык, национальную религию и ряд общеобразовательных предметов.

Классифицируя национальные учебные заведения по признаку принадлежности, можно разделить их на три основных группы: государственные (министерские), профессиональные (церковно-приходские) и частные.

Государственные школы организовывались по ини-

циативе и на средства Министерства Народного просвещения специально для обучения детей, не принадлежавших к русской народности. К их числу относилась большая часть туркменских, калмыцких и ногайских школ, открытых на территории Главного приставства магометанских и кочующих народов [9, 146]. Это особое управление образовалось в 1825 г. и включено в состав Кавказской области с целью обеспечения контроля российским правительством кочевых инородцев степного Предкавказья и управления местным многонациональным поликонфессиональным по характеру населением с учетом сложности политической обстановки, разнообразия интересов, привычек, установившихся на основе обычаев и традиций правовых норм и нравов. К началу XX в. в состав Главного приставства входили Ачикулакское и Туркменское приставства, а также Большедербетовский улус. Приставы, возглавляющие указанные административно-территориальные единицы, назначались русским правительством и обладали всей полнотой власти в решении наиболее важных внутренних вопросов, касавшихся приставств [3, 117]. Постепенное увеличение численности бюрократического аппарата привело к усилению влияния центра на население национальной окраины, чему также способствовала и целенаправленно проводившаяся политика просвещения детей кочевых инородцев.

В отличие от министерских, конфессиональные школы открывались, как следует из их названия, при храмах и церквях. Инициатива при этом исходила непосредственно от местного населения, заинтересованного в качественном обучении детей, в том числе и религиозным предметам. Так, мусульманские школы открывались при уже существовавших и строившихся медресе. В зависимости от поселения, в котором располагалась школа, она могла быть как мелкой (на 1912 г. при мечети Мусы Эджей Аджиева в местности Гахай насчитывалось 10 учеников и два учителя-муллы), так и сравнительно большой (в ногайском ауле Камыш-бурут в то же время 4 муллы обучали 60 детей) [9, 146].

Широкое распространение в губернии получили лютеранские школы немцев и эстонцев, которые открывались в колониях, в наибольшем количестве основанных в Ставропольском, Благодарненском и Медвеженском уездах.

И, наконец, в губернии открывались частные национальные учебные заведения, к каковым, например, относились немецкая школа в колонии Довсун (основана в 1908 г.) и еврейский хедер в г. Ставрополе на 35 учеников под руководством Хонона Абеловича Волк (1909 г.) [9, 146–147]. Такие школы по соотношению численности к вышеописанным оставались в явном меньшинстве, так как нередко создавались нелегально, не соответствовали общероссийскому "Закону о частных школах" и не могли обеспечить достойную подготовку обучавшихся в них детей. Открытые без ведома губернских властей и соответствующих разрешений учреждения неукоснительно преследовались государственной админи-

страцией региона как "не состоящие под надлежащим контролем и порученные лицам недостаточно подготовленным" [10, 69].

Общей чертой для всех трех типов учебных заведений оставалось изучение родного языка на основе преподавания детям постулатов той или иной национальной религии.

Отдельного внимания заслуживает единственная национальная гимназия в Ставропольской губернии, открытая в с. Воронцово-Николаевском (Большедербетовский улус). В 1860 г. улус, являвшийся территорией проживания преимущественно представителей калмыцкой народности, перешел из ведения Астраханской губернии в подчинение Ставропольской. С переносом его административного центра в поселок Башанта, для населения улуса значительно упростился доступ к образовательным возможностям, которые мог предоставить Ставрополь как губернский центр. Калмыки, заканчивавшие начальные школы в своих родных поселках, стали впоследствии поступать в ставропольские гимназии за счет средств, выделенных из местного бюджета. Однако постоянно увеличивавшаяся потребность в получении образования диктовала необходимость создания собственного среднего учебного заведения для калмыков, которое открылось в 1909 г. первоначально в статусе прогимназии, а с 1916 г. было переведено на программу гимназии [1, 32].

Но если начальное образование в национальных районах обеспечивало хотя бы часть потребностей нерусского населения, то продолжение обучения оставалось довольно серьезной проблемой. Воронцово-Николаевская гимназия в начале XX в. оставалась единственным учебным заведением высокого уровня, предназначенным для инородцев. В большинстве же случаев для получения специального образования и возможности подготовки к поступлению в институты и университеты национальная молодежь поступала в государственные гимназии, принимавшие представителей любой национальности, чаще всего из зажиточных слоев. Так, например, исследователь Д. С. Ткаченко отмечал, что при Ставропольской мужской гимназии с целью обучения горцев открылось специальное отделение с пансионом, где за государственный счет могли обучаться горцы из всех регионов Северного Кавказа [11, 166]. После революционных событий 1905 г. в результате проявления вынужденных поступков со стороны властей, в том числе по отношению к инородцам, вышел закон "Об инославных (не православных) исповеданиях", в силу которого Министерство народного просвещения разрешило вести религиозное обучение нерусских детей в государственных учебных заведениях. Именно с этого момента в Ставропольской мужской гимназии началось преподавание католицизма, лютеранства, армяно-григорианского православия и мусульманства [11, 166].

Таким образом, на Ставрополье на рубеже XIX–XX вв. в качестве первоочередных задач, выполнение которых требовалось для развития системы регионального просвещения, выступали следующие:

1) обеспечение доступа к образованию широких масс населения безотносительно сословного и имущественного разделения;

2) расширение сети начальных училищ и повышения качества подготовки, так, чтобы выпускники учреждений могли продолжать обучение на следующем уровне и поступать в специальные учебные заведения для получения какой-либо квалификации;

3) увеличение количества профессиональных школ;

4) организация образования проживавших на территории губернии народностей сообразно их запросам, в том числе, ведение процесса обучения на родном языке и включение в программу неправославных религиозных компонентов.

Однако шаги, предпринимавшиеся губернскими властями в указанных направлениях, оказались незначительными даже при учете положительных сдвигов и достижений. Увеличение числа начальных училищ не привело к удовлетворению запросов населения и насущной потребности региона в людях, обладающих хотя бы минимальным образованием. Понятие "массовая школа" отсутствовало как таковое. Положительная динамика в из-

менении сети национальных школ по-прежнему не затрагивала большинство, а возможность учиться, тем более в прогимназиях и гимназиях, оставалась допустимой для состоятельной части нерусского населения. Неблагоприятным оставалось положение основной массы учительства губернии, которая и отвечала за обучение и воспитание детей на начальной ступени: уровень материального благосостояния и профессиональной подготовки народных учителей не отличался высокими показателями и зачастую оставлял желать лучшего. Положение ставропольского образования осложнилось еще тем, что земство в губернии было введено сравнительно поздно (только в 1913 г.), и уровень общественной поддержки образовательных учреждений зависел от частной инициативы отдельных лиц или благотворительных организаций и оставался сравнительно низким, особенно в сельской местности, так как не включал в себя потенциал большей части населения. Тем не менее, на рубеже XIX–XX вв. состояние образования в Ставропольской губернии достигло определенного уровня и стало платформой для дальнейших преобразований в этой области уже на следующем, советском этапе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисенко И. В. Гимназии Ставрополя в культурно-просветительском деле среди калмыков Большедербетовского улуса // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы международной межрегиональной научной конференции (10–11 апреля 1998): в 2 ч. Ч. 2. Ставрополь: Издательство СГУ, 1998. С. 31–32.
2. Кравченко И. Н., Кемпинский Э. В. Общества народного образования Ставропольской губернии в конце XIX в. // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы региональной научной конференции, посвященной 225-летию г. Ставрополя. Ставрополь: Издательство СГУ, 2002. С. 196–197.
3. Малахова Г.Н. Становление Российской администрации на Северном Кавказе в конце XVIII – в первой половине XIX века. Москва – Пятигорск: Издательство Российской академии государственной службы, 1999. 180 с.
4. Народное образование и культурное строительство в Ставропольском крае. Ставрополь: Статистическое управление Ставропольского края, 1967. 142 с.
5. Обзор Ставропольской губернии за 1906 г. По данным Ставропольского губернского статистического комитета. Ставрополь: Типография Губернского правления, 1908. 95 с.
6. Прокопенко Р. Г. Церковно-приходские школы в системе начального народного образования в России в XIX – начале XX в. (на примере Ставропольской губернии): автореф. дис. на соиск. уч.ст. канд. ист. наук: (07.00.02) / Р.Г. Прокопенко. Пятигорск, 2011. 26 с.
7. Стрелов В. И. Ставрополь – "город просвещения" (О развитии образования в г. Ставрополе в XIX – начале XX в.) // Ставрополь – врата Кавказа: история, экономика, культура, политика: Материалы региональной научной конференции, посвященной 225-летию г. Ставрополя. Ставрополь: Издательство СГУ, 2002. С. 176–187.
8. Судацкова С.М. Народное образование Ставропольской губернии в годы Первой мировой войны // Первая мировая война: проблемы истории. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (3–4 ноября 1994 г.). Ставрополь: СГПУ, 1994. С. 44–46.
9. Ткаченко Д. С. Из истории изучения родного языка в национальных школах Ставропольской губернии (1900–1917 гг.) // Ставропольская земля в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции в 2-х частях. Часть 1. Ставрополь: СГПУ, 1995. С. 146–154.
10. Ткаченко Д. С. К вопросу об обучении детей в национальных школах в 1900–1917 гг. // Из истории земли Ставропольской: Сборник научных статей. Выпуск 4. Ставрополь: СГУ, 1997. С. 67–70.
11. Ткаченко Д. С. Роль средних учебных заведений Северного Кавказа в подготовке национальной интеллигенции в 1900–1917 гг. // Интеллигенция Северного Кавказа в истории России: Материалы международной межрегиональной научной конференции (10–11 апреля 1998): в 2 ч. Ч. 2. Ставрополь: Издательство СГУ, 1998. С. 166–168.

ЗНАЧЕНИЕ САМООЦЕНКИ В ТРЕНИРОВОЧНОМ ПРОЦЕССЕ В УСЛОВИЯХ ДЮСШ

THE VALUE OF SELF-ASSESSMENT IN THE TRAINING PROCESS IN A SPORTS SCHOOL

E. Maksachuk

Annotation

Socialization process long and complex, and largely depends on the environment that contains the people. Sporting activities helps form the personality useful to society. Unfortunately, some people do not achieve goals in life because underestimate their own capabilities, or conversely, overestimate them. Therefore it is important to form an adequate self-esteem. This article discusses the concept of self-assessment and its role in achieving athletic performance.

Keywords: young athlete, self-esteem, the structure of self-esteem, goal setting.

Максачук Екатерина Павловна

*Кандидат педагогических наук,
Московская государственная академия
физической культуры и спорта*

Аннотация

Процесс социализации длительный и сложный, и во многом зависит от среды, в которой оказывается человек. Спортивная деятельность помогает сформировать личность полезную для общества. К сожалению, некоторые люди не достигают поставленных жизненных целей из-за того, что недооценивают собственные возможности, или наоборот, переоценивают их. Поэтому важно сформировать адекватную самооценку. В данной статье рассматривается понятие самооценки и ее роль в достижении спортивных результатов.

Ключевые слова:

Юный спортсмен, самооценка, структура самооценки, целеполагание.

Самооценка личности, основываясь на представлении индивида о самом себе, формирует ядро личности в процессе социализации, в процессе деятельности и межличностного взаимодействия. Хотя самооценка и относится к центральным образованиям личности, она не является изначально присущей личности.

Одним из условий формирования самооценки является осуществление личностью деятельности. Однако следует помнить, что самооценка в чистом виде, т.е. самооценка, даваемая самим субъектом, всегда субъективна, хотя и может быть адекватной конкретной ситуации. Субъективность самооценки объясняется, во-первых, несопадением реальной и идеальной "Я"-концепций, во-вторых, степенью социальной адаптации личности. Кроме этого, конкретные образы самовосприятия всегда зависят от конкретной ситуации.

Поэтому исследование поведенческих реакций личности, ее конкретных действий в конкретной ситуации может способствовать получению достоверной информации об уровне развития у личности самооценки. Данные самооценки – важные показатели уровня развития сознания личности, умения критически относиться к своим поступкам, осознание своего места в коллективе.

Самооценка может быть заниженной, завышенной и адекватной (нормальной). В одинаковой ситуации люди с разной самооценкой будут вести себя совершенно по-разному, предпримут разные действия, тем самым по-

разному будут воздействовать на развитие событий [2].

Отличительной чертой адекватной самооценки является дифференцированная самооценка: человек четко осознаёт и выделяет те сферы жизни, в которых он силен, может достигнуть высоких результатов, и те, где возможности его ограничены. Уровень самооценки влияет на все совершаемые поступки, что является особенно интересным фактом для юных спортсменов.

По данным социологического исследования, проведенного в 2012 году среди 587 юных спортсменов г. Москвы и Подмоскovie самооценка следующая: в группах предварительной подготовки наблюдаются несколько завышенные результаты по самооценке способностей в спортивной деятельности – 54,3% мальчиков обладают завышенной самооценкой, 24,6% мальчиков обладают пониженной самооценкой и лишь у 21,1% самооценка объективна. Среди девочек на том же этапе наблюдается завышенная самооценка у 34,3%, пониженная – 27,4%, а объективная – 38,3%.

В группах начальной подготовки у мальчиков 48,2% самооценка завышена, у 18,3% – понижена; у 33,5% учащихся – объективна. У девочек того же возраста 32,5% – завышена; у 23,2% – понижена, у 44,3% – объективна.

В группах углубленной полготовки у мальчиков завышенная самооценка у 24,2%, пониженная у 12,4%; объективна у 63,4% учащихся.

Самооценка у девочек того же возраста у 19,7% повышена, 10,1% – понижена; 70,2% – объективная.

В группах спортивного совершенствования у юношей самооценка повышена у 18,2%; понижена у 7,4%; объективная у 74,4%. Для большинства девушек характерна объективная самооценка – 79%; повышенная у 14,3%, пониженная у 6,7%.

При этом наблюдаются различия по видам спорта: в легкой атлетике, велоспорте, боксе более высокие показатели завышенной самооценки.

В баскетболе, волейболе, гандболе процент объективной самооценки выше.

На основе завышенной самооценки у спортсмена возникает идеализированное представление о своей личности, своей ценности для окружающих, он не желает признавать собственных ошибок, лени, недостатка знаний, неправильного поведения, часто становится жестким, агрессивным, неуживчивым.

Явно заниженная самооценка ведет к неуверенности в себе, невозможности реализовывать свои задатки и способности. Такие спортсмены обычно ставят перед собой более низкие цели, чем те, которых могли бы достигнуть, преувеличивают значение неудач, остро нуждаются в поддержке окружающих, слишком критичны к себе.

Адекватная самооценка спортсмена своих способностей и возможностей обычно обеспечивает соответствующий уровень притязаний, трезвое отношение к успехам и неудачам, одобрению и неодобрению. Такой спортсмен более активен и оптимистичен, поэтому нужно стремиться

развивать у юных спортсменов адекватную самооценку на основе самопознания.

Формирование и развитие позитивной самооценки – это важный момент в тренировочной деятельности. Позволяя негативным схемам мышления доминировать, формируется привычка ожидания негативных факторов [1].

Структура самооценки представлена двумя компонентами – когнитивным и эмоциональным [3]. Первый отражает знания человека о себе, второй – его отношение к себе. В процессе оценивания себя эти компоненты функционируют в неразрывном единстве: ни тот ни другой не может быть представлен в чистом виде. Знания о себе человек приобретает в социальных контактах, которые приобретают эмоциональную окраску, сила и напряженность которой зависит от значимости для личности оцениваемого содержания.

Важным моментом при исследовании самооценки служит уровень притязаний спортсмена. Если выдвигаются нереалистические притязания, скорее всего, следует ожидать непреодолимые препятствия на пути к цели, вероятность неудачи велика. Критериями оценок обычно служат современные индивиду общекультурные, социальные, индивидуальные ценностные представления, стереотипы восприятия, стандарты, усвоенные им в течение жизни.

Поэтому, перед тренером стоит важная задача при постановке целей конкретному спортсмену. Необходим индивидуальный подход, чтобы избежать низкой самооценки, вместе с тем, задачи не должны быть ниже способностей занимающегося, так как он должен стремиться выполнить указанную цель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коган А.Ф. Диагностика целеполагания в педагогике: общие требования к построению компьютерных тестов целеполагания // Практична психологія та соціальна робота. – К., 2000 – № 2(21). – С.22–26.
2. Марьяненко Д.А. Некоторые аспекты динамики мировоззрения личности // Личность и бытие: субъектный подход: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции / Под ред. З.И. Рябикиной, В.В. Знакова, Краснодар, 2004 г. Книга 2. – С. 135–138.
3. Марьяненко Д.А. Личностное семантическое пространство: факторы изменения // Психология XXI века: Материалы международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых специалистов "Психология XXI века" 20–22 апреля 2006 года / Под ред. В.Б. Чеснокова – СПб., 2006. – С. 31–33.
4. Немцов А.А. Целеполагание как творчество // Педагогика. – 2002. – №4. – С. 15–20

ПРОФЕССИОНАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ ЧИНОВНИКОВ СЗФО - СИСТЕМНУЮ ПОДГОТОВКУ

PROFESSIONAL UPGROWTH OF THE OFFICIALS OF THE NORTH-WEST FEDERAL DISTRICT WILL HAVE THE SYSTEM TRAINING

A. Vasetskiy

Annotation

The problems of growth and perfection of civil servants' professionalism that should meet modern requirements are considered in the article. The data of polls of officials of different level concerning characteristics of the content of administrative work is given.

Keywords: Civil service, professionalism, retraining, improvement of professional skill, North-West Federal district.

Васецкий Андрей Анатольевич

Д.п.н., профессор,

Зам. директора Северо-Западного института РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург), зав. кафедрой местного самоуправления и территориального развития

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы роста и совершенствования профессионализма государственных служащих, отвечающего современным требованиям. Приведены данные опросов чиновников разного уровня относительно характеристик содержания управленческого труда.

Ключевые слова:

Государственная служба, профессионализм, переподготовка, повышение квалификации, Северо-Западный федеральный округ.

Формирующееся в нашей стране гражданское общество неуклонно требует повышения эффективности действий органов государственной власти, что, в свою очередь, невозможно без постоянного совершенствования профессионализма государственных служащих [3]. Динамичное развитие современного общества не только открывает новые возможности, но и еще более актуализирует не раз уже становившийся предмет специальных исследований и обсуждений вопрос о вкладе профессионального образования в решение данной задачи (см., напр.: [2; 4; 6; 7; 8; 14]).

Приоритетность решения проблем профессиональной переподготовки кадров и повышения их квалификации для развития системы государственной гражданской службы в России обусловлена также и рядом других факторов. В первую очередь – постоянным естественным устареванием общего объема знаний государственных и муниципальных гражданских служащих, инфляцией их прежних специальных знаний в связи с обновлением законодательной и нормативной баз, внедрением инновационных технологий в практику государственного и муниципального управления. А потому повышение профессионализма управленческих кадров следует определить как процесс совершенствования теоретических знаний и практических навыков государственных и муниципальных гражданских служащих. Целью этого должно быть повышение профессионального мастерства служащих, освоение ими передовых техник, технологий и организа-

ции труда [16], формирование у них качеств людей ответственных, мыслящих в категориях национального и государственного развития, и способных добиваться результата [15, с. 47].

Нельзя не согласиться с позицией руководителя Федеральной академии государственного управления Германии У. Барча относительно того, что "усовершенствование квалификации призвано подготовить преобразования в головах госслужащих, содействовать их самоидентификации с процессами изменений, поощрять и способствовать выработке отношения к работе "с душой" [2, с. 50]. Все это самым непосредственным образом способствует реализации нормативного компонента дополнительного образования, обеспечивающего правильную с точки зрения нравственности постановку проблем, а также предоставляющего соответствующие средства для решения поставленных задач. Ведь именно своим нравственным авторитетом государственные и муниципальные гражданские служащие и призваны выделяться среди остальных социальных групп [17, с. 77].

Весьма показательно в этой связи выглядят результаты недавнего социологического исследования, проведенного в СЗАГС, согласно которому более 40% гражданских служащих Северо-Западного федерального округа право на получение дополнительного образования рассматривают как одну из наиболее значимых социальных гарантий для себя лично [9, с. 53–54].

Значение дополнительного профессионального образования многократно возрастает при подготовке кадрового резерва [13, с. 5–7] и еще большую роль приобретает в ходе проведения отбора специалистов для замещения должностей в органах власти представителями негосударственных структур [11, с. 21]. Как справедливо подчеркивает эксперт в данной области, "важнейшим принципом формирования государственной службы должен стать меритократический подход, при котором во власть выдвигаются наиболее достойные, одаренные и энергичные представители всех слоев общества из разных территорий и сфер деятельности. Только люди, которых отличает высокий профессионализм, компетентность, способность самостоятельно решать многообразные задачи в нестандартных условиях, могут обеспечить успешное достижение грандиозных целей модернизации современной России" [12, с. 4].

Разнообразный спектр программ профессиональной переподготовки, повышения квалификации и стажировки для работы с кадровым резервом предлагает Северо-Западный институт РАНХиГС при Президенте РФ, где осуществляется многоуровневый подход к образованию, программы дополнительного профессионального образования отличает направленность на решение актуальных практических проблем. Разработка новых учебных программ ведется с учетом современного состояния дел в различных аспектах государственной службы, регулярно обновляется тематика и содержание реализуемых программ, развиваются новые формы обучения и проведения занятий. Модульно-компетентностный подход, повышающий доступность и эффективность образования, позволяет легко адаптировать программы к потребностям конкретного заказчика.

При проведении занятий используются современные инновационные технологии обучения: лекции-диалоги, деловые игры, анализ конкретных ситуаций, проблемные семинары, "круглые столы", дискуссии, аутотренинги, психологические тренинги, компьютерное моделирование, использование теории и практики принятия управленческих решений и т.д. с широким спектром самостоятельной работы. Занятия проводятся в аудиториях, оснащенных современным мультимедийным оборудованием. Контроль качества образования также осуществляется в разных вариантах, хотя наиболее распространенным является компьютерное тестирование.

Серьезной проблемой дополнительного профессионального образования государственных служащих является поиск баланса между различными моделями обеспечения профессионализма чиновничества. Сегодня ведется оживленная дискуссия между сторонниками "школы знаний", ориентирующей обучающегося на фундаментальные знания, которые проверяются посредством сложных экзаменов, и представителями "школы компетенций". Адепты второго подхода настаивают на форми-

ровании только профильных компетенций, которые проверяются с помощью различных тестов, и задача состоит не в подготовке фундаментальных специалистов, а в формировании "потребителей технологий". Все это способствует прагматизации управленческого профессионализма на практике, когда конкретные навыки управления начинают превалировать над управленческими знаниями, а "управленческий профессионализм" основывается на понятии "компетентности в управленческой практике" [5, с. 117].

На наш взгляд, система дополнительного профессионального образования гражданских служащих должна предоставлять государственным служащим возможности профессионального развития в соответствии с потребностями государственных органов в определенных профессиональных компетенциях гражданских служащих, а также с учетом индивидуальных запросов и возможностей самих управленцев. Выбор конкретной программы обучения следует тщательно согласовать с характером должностных функций и обязанностей, перспективами карьерного роста. Необходимо также учитывать мнение самого госслужащего, а также те виды дополнительного профессионального образования, которые были получены им ранее. Все это полностью согласуется с тенденциями реформирования гражданской службы в развитых странах, процессами "повторного открытия субъективного фактора", когда мотивации профессиональной деятельности основывается на ответе на вопрос: "Как совместить личные потребности и склонности сотрудников с требованиями работодателя и теми условиями, которые им предлагаются?" (см.: [10, с. 46]).

Не менее важно разобраться, насколько сами слушатели системы дополнительного образования готовы к решению этих задач, каковы их приоритеты в освоении образовательных программ. Чтобы найти ответы на эти вопросы, обратимся к данным социологического исследования "Дополнительное профессиональное образование глазами гражданских служащих", проведенного СЗАГС в октябре-ноябре 2010 г.

Абсолютное большинство участников опроса (68%) отметили полезность дополнительного профессионального образования, не согласились с этим только 12% респондентов. Практически равными (по 46%) оказались группы гражданских служащих, уже проходивших обучение, и тех, кто впервые участвовал в дополнительном профессиональном образовании. На необходимость регулярного повышения квалификации указали все участники опроса, несмотря на то, что каждый седьмой из них настаивал на соответствии своей квалификации выполняемой работе.

Наиболее эффективной формой повышения квалификации, по мнению большинства респондентов (60%), является обучение с отрывом от производства, для 12%

более привлекательными были бы учебные занятия по месту работы, еще 10% респондентов хотели бы повышать квалификацию без отрыва от основной работы. Показательно, что стажировки в других организациях (возможность академической мобильности) получили только 7% голосов, а дистанционное обучение – 4%.

Не проявили единодушия участники опроса и при оценке продуктивности разной продолжительности образовательных программ. 44% респондентов отдадут приоритет коротким программам – от 30 до 70 часов, еще 40% – более продолжительным – от 72 до 500 часов. Программы объемом свыше 500 часов интереса практически не вызывают: продуктивными их сочли лишь 5% опрошенных.

Определенный консерватизм респонденты проявили и в выборе форм организации учебного процесса. Половину учебного времени, по их мнению, следует выделять на наиболее пассивную форму учебных занятий – лекции, еще треть – на семинары, не более 20% – на проведение круглых столов, и только 10% отдали предпочтение организации деловых игр и анализу ситуаций. Возможно, здесь сказалась недостаточная готовность к подобным формам и со стороны профессорско-преподавательского состава: не секрет, что использование классических форм проведения занятий требует от преподавателя значительно меньших (прежде всего – организационно-методических и эмоциональных) усилий, чем применение активных форм обучения.

Полученные во время дополнительного профессионального образования знания чаще всего, по мнению опрошенных, востребуются при "подготовке управленческих решений" (53,3%). Это – довольно оптимистичная оценка. Ведь еще совсем недавно среди крупнейших отечественных исследователей существовало убеждение в том, что должностные лица "в государственных органах ... принимают в большинстве те или иные решения на основании привычки, нравственной традиции, обычая, интуиции, аналогии и других факторов, которые им понятны, доступны и к тому же не требуют от них особых усилий. Среди них, как и в повседневном бытии, редко можно встретить тех, кто руководствуется иными основаниями: научным знанием, логическим просчетом, статистическими закономерностями, математическим аппаратом, новейшей методологией и иными возможностями, которые за последние десятилетия открыли познание, опыт и информационные технологии" [1, с. 70–71].

Возможно, именно поэтому, оценивая приоритеты, которые следует учитывать преподавателю при отборе материалов для занятий со слушателями программ дополнительного профессионального образования государственных служащих, первое место респонденты вполне прагматично отводят "возможности практического использования" и лишь затем ставят "доступность мате-

риала", его "научность", "оригинальность и новизну".

И, хотя причиной направления на обучение пятой части опрошенных служил приближавшийся срок очередной аттестации или квалификационного экзамена, нельзя не отметить высокую активность государственных и муниципальных служащих в выборе программ дополнительного профессионального образования. 16% респондентов занимались этим самостоятельно, значительная группа – 43% инициировала выбор программы, получая направление кадровой службы. Ведущим принципом формирования учебных групп, по мнению половины опрошенных (49%), должна быть "работа слушателей в одной сфере деятельности", на второй позиции – нахождение на равных должностях государственной службы (14%).

Осознание необходимости расширения кругозора проявляется в выборе тем, которые, по мнению опрошенных, целесообразно дополнительно ввести в программы повышения квалификации. Наибольший интерес вызывает тема "Новые технологии в России" (46%), вторую позицию занимает тема "Достижения мировой науки и техники" (35%), чуть меньше набрала тема "Информация о культурной жизни в России" (33%). При этом 2/3 респондентов (66%) признали, что занятия по общей культуре гражданским служащим необходимы. Слушатели заинтересованы в проведении занятий по таким направлениям, как "Культура и психология общения", "Этика", "Риторика", "Культурология", "Социология государственной службы" и др.

Поразительна уверенность значительной группы респондентов (44%) в своей способности самостоятельно освоить материал. При этом респонденты проявляют определенный прагматизм, выбирая наиболее предпочтительные формы собственного самообразования: чтение литературы, обмен опытом с коллегами и использование электронных СМИ. Сугубо научные, творческие формы профессионального развития – подготовка диссертаций и написание статей – выбираются значительно реже. Настораживает то, что среди опрошенных существует группа (пусть и малочисленная – всего 2%), убежденная, что не имеет нужды в самообразовании. Можно предположить, что это те самые 6% респондентов, кто считает, что уже достиг потолка в своей карьере.

Достаточно пассивно слушатели отнеслись к инициативе, позволяющей им получать документ о прохождении дополнительного профессионального образования более высокого уровня. Всего лишь 9% респондентов воспользовались подобной возможностью суммировать часы по отдельным программам, выступающим в этом случае своего рода кредитами, которые в ходе обучения нужно набирать. Еще 8% опрошенных рассчитывали это сделать, однако какие-то обстоятельства не позволили, однако, абсолютное большинство (61%) о действующей

практике суммирования часов даже не слышали.

Между тем, поскольку лишь один из десяти участников опроса удовлетворяется получением документа об освоении только одной программы дополнительного профессионального образования, данная инновация СЗИ РАНХиГС вполне может рассчитывать на позитивные перспективы при, безусловно, проведении администрацией института соответствующей организационно-информационной работы. Применение данной формы позволит выстроить индивидуальную программу профессионального развития гражданского служащего и связать тем самым потребности государственных органов в развитии определенных профессиональных компетенций своих служащих и их индивидуальные (личные) интересы и запросы.

Следует учитывать также возможности развития системы дополнительного профессионального образования государственных служащих в контексте интеграционных процессов, протекающих на постсоветском пространстве в рамках Евразийского экономического сообщества. Во всех государствах ЕвразЭС приняты законы о государственной (гражданской) службе, утверждающие в числе прочего значимость дополнительного профессионального образования гражданских служащих (основным

источником финансирования которого определены средства государственного бюджета), а также предусматривающие периодичность повышения квалификации чиновников – раз в три года. Тем самым следует констатировать совпадение основных позиций стран ЕвразЭС относительно профессионального образования гражданских служащих и институциональных рамок осуществления этой деятельности.

Наконец, нельзя не учитывать, что в большинстве стран ЕвразЭС русский язык используется как средство межнационального общения, к происходящим в России событиям сохраняется устойчивый интерес, российская система образования по-прежнему пользуется авторитетом. Несмотря на наличие государственных границ, между гражданами государств Евразийского экономического сообщества, как правило, нет границ эмоциональных и развитой ксенофобии. Все это позволяет уже сегодня поставить вопрос о возможности и необходимости интеграции и унификации процессов повышения профессионализма гражданских служащих стран-участниц ЕвразЭС, в том числе применения таких форм сотрудничества, как взаимные стажировки, академические обмены, создание, использование и развитие общего банка учебных программ и др.

ЛИТЕРАТУРА

1. Атаманчук Г.В. Управление и персонал государственного аппарата // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2008. № 2. С. 66–77.
2. Барч У. Проблемы совершенствования квалификации в ходе модернизации государства и органов управления // Управленческое консультирование. 2008. № 2. С. 36–54.
3. Васецкий А.А., Мурланов С.П. Практика формирования резерва управленческих кадров в Ленинградской области // Экономика и управление. 2011. № 8. С. 36–39.
4. Востряков Л.Е., Кашина М.А. Организационные и методические проблемы преподавания дисциплин социологического профиля в системе дополнительного профессионального образования СЗАГС (на примере специальности "Государственное и муниципальное управление") // Материалы научно-методической конференции СЗАГС. 2009. С. 89–96.
5. Востряков Л.Е., Чириков Е.П. Современный управленец культуры: групповой портрет // Управленческое консультирование. 2010. № 1. С. 116–135.
6. Горшков А.С. О дополнительном профессиональном образовании государственных служащих в Северо-Западном федеральном округе // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2010. № 2. С. 25–39.
7. Горшков А.С. Формировать новое качество власти // Управленческое консультирование. 2011. № 1. С. 5–15.
8. Древаль И.В., Кашина М.А. Аттестация государственных служащих как инструмент оценки и развития кадрового потенциала государственного органа // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2007. № 1. С. 53–71.
9. Кашина М.А. Государственные гарантии на гражданской службе как элемент социально-правового статуса региональных гражданских служащих // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2008. № 2. С. 51–65.
10. Кашина М.А., Древаль И.В. О программах дополнительного профессионального образования в системе профессионального развития госслужащих // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 1. С. 45–55.
11. Кравцова Т.В. Кадровый резерв как важнейшее условие развития институциональной инфраструктуры государственного управления Северо-Западного федерального округа // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2009. № 1. С. 14–23.

12. Нестеров А.Г. Кадровому резерву – особую заботу аппарата полпреда // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 1. С. 4–11.
13. Нестеров А.Г. Новые подходы к формированию резерва управленческих кадров: опыт субъектов Федерации // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2009. № 1. С. 4–13.
14. Понеделков А.В. Формирование резерва кадров в системе государственной гражданской службы: социологический анализ // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 1. С. 36–44.
15. Путин В.В. Демократия и качество государства // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1. С. 45–57.
16. Филиппов Г.Г. Философские вопросы нефилософских наук, или о пользе философии для отраслевых научных исследований для подготовки управленческих решений // Научные труды Северо-западного института управления. 2011. Т.2. Вып. 3. С. 203–213.
17. Чирикова А.Е. О понятии "элита": есть ли выход из тупика определен? // Управленческое консультирование. 2011. №1. С. 77–88.

© А.А. Васецкий, (semenova@szags.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

9-й МОСКОВСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОРУМ ТОЧНЫЕ ИЗМЕРЕНИЯ - ОСНОВА КАЧЕСТВА И БЕЗОПАСНОСТИ

21–23 мая '2013
Москва Павильон
ВВЦ №57

ДИРЕКЦИЯ ФОРУМА
129223, Москва, а/я 35, ул. Сельскохозяйственная д. 35, стр. 182
Тел./Факс: +7 (495) 937-40-23 (многоканальный)
www.metrol.expoprom.ru E-mail: metrol@expoprom.ru

ОРГАНИЗАТОР

Федеральное агентство по техническому регулированию и метрологии

СОДЕЙСТВИЕ

Аппарат Правительства Российской Федерации

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ПАРТНЕРЫ

The International Bureau of Weight and Measures (BIPM)

International Organization of Legal Metrology (OIML)

The International Committee for Non-Destructive Testing (ICNDT)

С УЧАСТИЕМ

Минпромторг России, Минэнерго России, Минздравсоцразвития России, Минобрнауки России, Минобороны России, МВД России, Ростехнадзор, Роскосмос, Фонд «Сколково», ГК «Росатом», ОАО «РОСНАНО», ОАО «РЖД»

ЭКСПЕРТНАЯ КОМИССИЯ

ФБУ «Ростест-Москва»

УСТРОИТЕЛЬ И ВЫСТАВОЧНЫЙ ОПЕРАТОР

Компания «Вэстстрой Экспо»

ПРОГРАММА ФОРУМА

9-ая Международная выставка средств измерений, испытательного оборудования и метрологического обеспечения **«METROLEXPO-2013»**

2-ая Специализированная выставка средств неразрушающего контроля, технической диагностики, КИП и А **«Control&DIAGNOSTIC-2013»**

2-ая специализированная выставка коммерческого и технологического учета энергоресурсов **«RESMETERING-2013»**

Специализированная выставка лабораторного оборудования **«LabEquipment-2013»**

Специализированная выставка автоматизированных систем управления технологическими процессами **«AUTOMATICSYSTEM-2013»**

5-й Московский Международный симпозиум

«ТОЧНОСТЬ. КАЧЕСТВО. БЕЗОПАСНОСТЬ»

Всероссийская выставочно-конкурсная программа **«ЗА ЕДИНСТВО ИЗМЕРЕНИЙ»**

ЭЛИТИСТСКАЯ ПАРАДИГМА В РУССКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ в конце XIX - начале XX вв.

ELITES PARADIGM IN RUSSIAN SOCIAL-POLITICAL THOUGHT OF THE End of XIX - the Beginning of the XX Century

A. Ponedelkov

Annotation

In the article approaches of the Russian philosophers to consideration of the principles of existence of elite are analyzed. The author considers dependence of development of elitological thought on civilization experience and its originality, and also on a dominating cultural and world outlook matrix.

Keywords: Elite, ruling class, public administration, cultural and world outlook matrix.

Понеделков Александр Васильевич

*Д.п.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
Зам. директора Южно-Российского
института – филиал РАНХиГС
при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону*

Аннотация

В статье анализируются подходы русских философов к рассмотрению принципов существования элиты. Автор рассматривает зависимость развития элитологической мысли от цивилизационного опыта и его своеобразия, а также от доминирующей культурно-мировоззренческой матрицы.

Ключевые слова:

Элита, правящий класс, государственное управление, культурно-мировоззренческая матрица.

В настоящее время в нашей стране разрабатывается научная концепция новой, демократической элиты, делаются первые шаги по ее реализации (см., напр.: [12]). Анализ элитологической мысли в ее западной, восточной (которая изучена значительно хуже) и российской версиях показывает их существенную зависимость от цивилизационного опыта и его своеобразия, а также от доминирующей культурно-мировоззренческой матрицы. Если западная культурно-мировоззренческая матрица строится на таких опорных категориях, как: "индивид – гражданское общество – право – рынок – прогресс – свобода – разум", то восточная – на: "государство – традиция – иерархия – порядок – вера – стабильность".

Своеобразие российской культурно-мировоззренческой матрицы образуют такие базовые элементы, как "общество – государство – мир (умиротворение) – духовность – всеединство – совесть – справедливость" (см., напр.: [4]). Именно поэтому нам представляется целесообразным при разработке научной концепции демократической элиты опираться на теоретическое наследие не только западной, но и отечественной социологии.

Начиная с древних времен, у русских мыслителей культивируется мысль о роли управленческого окружения князя в государственных делах. Главным критерием отбора в это окружение является государственная мудрость, в основе которой лежит забота об общественном благе и соблюдении законности. С хорошими управлен-

цами князь, как правило, успешно справляется с государственными делами, без них наступает нестабильность, нередко ведущая к расколу и смуте.

В XVII–XVIII вв. русской общественной мыслью рассматривается учение о равновесии в отношениях между управляемыми и управляющими как основе функционирования государственного механизма. Суть этого равновесия проста: управляемые безоговорочно повинуются управляющим, а те, в свою очередь, обеспечивают всеобщее благоденствие и безопасность (см. подробнее: [8]).

В XIX в. русские социологи разрабатывают учение о преимуществах эволюционного развития, реформ, по сравнению с революциями, которые на русской почве вырастают в кровавые и бессмысленные бунты, приносящие людям страдание и тормозящие общественное развитие.

Категориальный аппарат, использованный русскими философами, общественными и политическими деятелями, историками и социологами при анализе проблематики, так или иначе связанной с проблемой элиты, существенно отличался от понятий западных мыслителей. Тем не менее, существо проблем, рассматриваемых как теми, так и другими, в принципе, совпадало.

Подходы же к ним были разные, и это естественно, – в

произведениях отечественных мыслителей отражалась национальная специфика, русский менталитет. Органическое соединение теоретического наследия западных и отечественных элитологов, его творческая переработка с учетом национальной специфики помогут ускорить этот процесс, сделать его более продуктивным, управляемым и устойчивым, избежать многих ошибок.

Интересны и оригинальны взгляды на элиту крупнейшего отечественного историка В.О. Ключевского. Проблемами элит он интересовался и высказывался по их поводу в течение нескольких десятилетий, придя к выводам, аналогичным взглядам признанных классиков западной элитологии Г. Моски и В. Парето, только значительно раньше этих западных мыслителей.

Круг научных интересов Ключевского очень широк: социальная и экономическая история, историография, философия, социология, этнография. Рассмотрим его творческое наследие с позиции политологии, как автора весьма оригинального подхода к анализу того, что теперь называется элитой.

В 1880–1881 гг. Ключевский опубликовал значительную часть своей докторской диссертации "Боярская дума Древней Руси" в журнале "Русская мысль", а в 1882 г. в переработанном виде издал ее отдельной книгой. Уже в этой работе, а несколько позже – в курсе лекций по русской истории, прочитанным им в Московском университете и Московской духовной академии, профессором которых он стал с ноября 1882 г., В.О. Ключевский характеризует боярство как "правлящий класс" [См.: [2; 3]].

В порядке преемственности в развитии, на смену титулованному боярству пришел новый правящий класс – высшее дворянство, в основном столичного происхождения: "Руководящая роль в управлении вместе с более обеспеченным материальным положением развивала в столичном дворянстве привычку к власти, знакомство с общественными делами, сноровку в обращении с людьми. Государственную службу оно считало своим сословным призванием, единственным своим общественным назначением. Живя постоянно в столице, редко по краткосрочным отпускам заглядывая в глушь своих разбросанных по Руси поместий и вотчин, оно привыкло чувствовать себя во главе общества, в потоке важнейших дел. Видело близко иноземные сношения правительства и лучше других классов знакомо было с иноземным миром, с которым соприкасалось государство". Правящая дворянская элита имела тройное государственное значение – военное, административное и хозяйственное.

В петровские и последующие времена, особенно в золотой для дворянского сословия век правления "матушки-императрицы" Екатерины II, высшее дворянство оставалось правящим классом. И лишь со второй половины XIX в. особенно после великого передела 1861 г. начина-

ется кризис дворянства как элиты русского общества.

Не меньшее, если не большее место, чем идея правящего класса в концепциях Моски и Парето, занимает идея "циркуляции", т. е. вечного круговорота элит.

Как этот вопрос поставлен у Ключевского? В схеме развития властных отношений в обществе изменению, по Ключевскому, подвергается лишь форма связи между управляющими и управляемыми: содержательная же сторона, т.е. само это деление на властвующих и подчиняющихся остается неизменной. Если "основанием каждого последующего деления общества становились последствия, вытекающие из деления предыдущего", то фундаментом, первоосновой этого деления, его связующим звеном всегда было "первоначальное политическое деление на управителей и управляемых". Как видим, Ключевский не пользуется такой терминологией, как "циркуляция или круговорот элит", но в содержательном отношении в его концепции речь идет именно об этом.

Большое внимание в теории "правлящего класса" Моска уделяет "политической формуле", которая является идеологической легитимизацией власти. Когда политическая формула находится в гармонии с менталитетом данной эпохи и с наиболее распространенными среди данного народа чувствами, ее польза становится неоспоримой, поскольку очень часто она означает такие рамки действий людей, которые управляют и известным образом облагораживают послушание, такое послушание, которое не может возникнуть исключительно из-за физического принуждения. Политическая формула должна удовлетворять потребность человека верить в то, что он подчинен не каким-то конкретным личностям, но общему моральному принципу, который и позволяет конкретным личностям осуществлять функции управления.

У Ключевского такой терминологии, как "политическая формула" мы не встречаем, но очень близкое к нему в содержательном отношении положение можно найти: "Что такое образ правления? Это способ направления народных стремлений и действий, насколько он зависит от установившегося соотношения его нравственных и материальных средств".

Существующий в обществе порядок, по Ключевскому, следует рассматривать не как результат свободного выбора людей из множества возможных вариантов, а как сложившуюся объективно историческую необходимость, как единственно возможный в данных конкретно-исторических условиях вариант правления: "Существующий порядок... не есть лучший из многих возможных, а единственно возможный из многих лучших".

Не менее важной для теории Моски является категория "юридической защиты" как социального механизма, регулирующего дисциплину нравственного чувства. В ос-

нове понятия юридической защиты лежит концепция государства, понимаемого как организм, возникающий в результате равновесия множества политических и социальных сил, страстей и чувств людей. Важное место в доктрине занимает понятие "юридической защиты", которая возможна лишь, если существует "баланс социальных сил" и, следовательно, правление права, использующего "относительную справедливость".

С юридической защитой, констатирует Ключевский, у нас на Руси вопрос всегда стоял очень остро, начиная от тиунов боярских времен, призванных к соблюдению правовых норм на местах, к наведению суда скорого и правого, но слывших в народе главными нарушителями закона; до настоящего времени, когда русский народ, по-прежнему, убежден: "где суд, там и неправда". "Не я, – говорит он, – виноват, что в русской истории мало обращают внимания на право: меня приучила к тому русская жизнь, не признававшая никакого права" [3].

Законов в России издавалось более чем достаточно и по форме выглядели они никак не хуже западноевропейских. Но все дело в том, что власти западных стран научились строить всю систему государственного управления на основе неукоснительного выполнения не только формальной, но и содержательной стороны принятых в обществе законов. В России же главный акцент государственная власть всегда делала на формальном выполнении законов, тоже носивших, как сказано выше, в основном, формальный характер. В результате такого формализма "у нас выработалась низшая форма государства, вотчина. Это собственно и не форма, а суррогат государства... фактическая власть могла издавать распоряжения, носившие наружность и название законов". Не случайно, и сегодня сохраняет свою актуальность задача "улучшения языка правотворчества. Его надо сделать ... хотя бы понятным для адресатов норм" [9, с. 49].

Западным властным структурам путем построения правового государства удалось сбалансировать интересы управляемых и управляющих. В России же, не сумевшей этого сделать, интересы правящих верхов и управляемых низов общества всегда были диаметрально противоположными: "общество вправе требовать от власти, чтобы им удовлетворительно управляли, сказать своим управителям: "Правьте нами так, чтобы нам удобно жилось". Но бюрократия думает обыкновенно иначе и расположена отвечать на такое требование: "Нет, вы живите так, чтобы нам удобно было управлять вами, и даже платите нам хорошее жалованье, чтобы нам весело было управлять вами; если же вы чувствуете себя неловко, то в этом виноваты вы, а не мы, потому что не умеете приспособиться к нашему управлению и потому что ваши потребности несовместимы с образом правления, которому мы служим органами" [3].

Особенностью российского менталитета в связи с

этим является отсутствие навыков быть не только законопослушными, но и отстаивать, при необходимости, свои гражданские права: "Наша беда в нас самих: мы не умеем стоять за закон". Вот этой, говоря языком Моски, "социальной активности", у русских людей и не хватает. Мы – нация созерцателей, а не социального действия: "Мы много передумали, о чем прежде никто у нас не думал, но то, до чего мы додумались, было чисто знание без практического приложения. Мы стали более знающими, но еще не успели стать более умелыми. Мы привыкли смотреть на общественный порядок с фасада, какой показывало нам начальство, а теперь нам позволили, даже предписали заглянуть на него с заднего крыльца: мы увидели, как строится он, на чем держится и чем движется. Узнать – это значит узнать много, но нужно еще больше подумать, чтобы суметь воспользоваться этим знанием, выучиться строить, и двигать общественный порядок. С большим грузом знания, но с прежним недостатком умения мы стали резонерами, не сделавшись дельцами... Мы музыканты, отвыкшие играть вследствие привычки размышлять о музыке" [3].

Это положение Ключевского не потеряло своей актуальности и для нынешнего развития нашей страны. Он прав, Россия по-прежнему страдает социальной пассивностью и до сих пор не научилась строить своими собственными руками свой порядок; а все ждет, что кто-то придет и сделает это за нас [10].

Ключевский стал очевидцем созыва первой Государственной Думы, в которую вошел ряд серьезных политических деятелей, таких как его университетский ученик, один из лидеров партии конституционных демократов (кадетов) П.Н. Милюков и др. В Думе он увидел тот инструмент, посредством которого можно было сдвинуть с мертвой точки указанные выше проблемы. С юношеским задором и надеждой Ключевский писал: "Ключ дан, замок отперт, дверь отворена, и свежий воздух пахнул на вековую пыль. Выбирайте людей, которые спокойно, ровно ступая по твердой законной почве, не порываясь, стремились вперед и, не пятясь назад, во имя закона сделают Думу могучим оплотом законности, мира и преуспеяния".

Надеждам Ключевского не суждено было сбыться. Государь стали разгонять Думы одну за другой. Но после длительного перерыва Дума возрождена, и мы тоже желаем ей стать "оплотом законности, мира и преуспеяния".

Размышляя о соотношении формального и содержательного элементов верховной власти, Моска пришел к выводу, что официальное ее проявление – это форма, а то, что мы теперь называем "команда" – это главная, содержательная сторона. Ключевский тоже считает, что, если, скажем, речь идет о верховной власти короля, то главное в этой власти – двор: "Верховной власти нет как источника прав и полномочий, она только штампель на

актах прав и полномочий, не политическая сила, а механический сертификат. Настоящая верховная власть есть двор".

Власть должна быть направлена на общее благо – под этим подпишется, пожалуй, любой политолог. Не чужды этому утверждению и рассматриваемые нами авторы. Плохо только то, – сетует Ключевский, – что управляемые не научились еще по-настоящему ценить значимость власти, направленной на общее благо и начинают ее замечать лишь тогда, когда у них в жизни что-то не ладится: "История – это власть: когда людям хорошо, они забывают о ней и свое благоденствие приписывают себе самим; когда им становится плохо, они начинают чувствовать ее необходимость и ценить ее благоденствия".

К западной традиции рассмотрения проблемы элиты ближе других русских исследователей подошел философ и социолог Н.А. Бердяев. Он считал, что с сотворения мира всегда правило, правит и будет править меньшинство. Это верно для всех форм и типов управления, для монархов и демократии, эпох реакционных и революционных. Из управления меньшинства нет выхода, и все демократические попытки создать царство большинства в сущности являются жалким самообманом.

Вопрос лишь в том, правит лучшее или худшее меньшинство, а в принципе одно меньшинство сменяется другим, свергают ли лучшие худших или наоборот. Непосредственное управление и властвование масс возможно лишь как момент стихийных массовых действий во время революций и бунтов. Но затем все очень быстро возвращается в прежнюю колею: образуется новое меньшинство, которое захватывает в свои руки власть.

В революционные эпохи обычно правит кучка демагогов, которая ловко пользуется инстинктами масс. Революционные правительства, почитающие себя народными и демократическими, всегда бывают тиранией меньшинства. Революционная бюрократия обычно бывает еще ниже той старой бюрократии, которую революция свергает: "Господство черни создает свое избранное меньшинство, свой подбор лучших и сильнейших в хамстве, первых из хамов, князей и магнатов хамского царства" [1, с. 127].

Революционная масса всегда бывает лишь атмосферой для осуществления этой тирании меньшинства. Вопрос в реальной действительности идет лишь об одном: восторжествует ли хорошее меньшинство – аристократия, или плохое меньшинство – охлократия [6].

На выполнение роли аристократии может претендовать как буржуазия, так и пролетариат. Но аристократические претензии пролетариата превосходят претензии всех других классов, ибо пролетариат, по учению его

идеологов, должен сознавать себя классом – мессией. Но всякое желание войти в аристократию, возвыситься до аристократии из состояния низшего по существу своему неаристократично. Бердяев был твердо убежден в том, что "возможен только лишь природный, прирожденный аристократизм, аристократизм от Бога. Миссия истинной аристократии не столько восходит к еще не достигнутым высшим состояниям, сколько нисходит к состояниям низшим" [1, с. 127].

Какими же качествами обладает истинный аристократ, т. е. аристократ от Бога? По мнению Бердяева, это такие качества, как щедрость, готовность служить человечеству в целом и каждому отдельному человеку, жертвенность, благородство, талантливость, чувство собственного достоинства.

Учение об аристократизме Бердяев напрямую связывает с христианством. Аристократизм человека как высшая иерархическая ступень бытия, есть аристократизм богосыновства, аристократизм благородно рожденных сынов Божьих. Вот почему христианство – религия аристократическая, религия свободных сынов Божьих, религия дарованной благодати Божьей. Учение о благодати – аристократическое учение. Не аристократична всякая психология обиды, всякая психология претензии. Это – плебейская психология. Аристократична психология вины свободных детей Божьих. Аристократу более свойственно чувствовать себя виновным, чем обиженным. Аристократ должен чувствовать, что все, что возвышает его, получено от Бога, а все, что унижает, – результат его собственной вины. Это прямо противоположно той плебейской, неблагородной психологии, которая все возвышающее чувствует благоприобретенным, а все унижающее – обидой и виной других. Тип аристократа прямо противоположен типу раба, это разные душевные расы.

Аристократия, по Бердяеву, делится на экзотерическую и эзотерическую. Экзотерическая аристократия обрывается и действует во внешнем историческом плане, в ее проявлениях есть уловимая закономерность и природно-биологическая основа. Эзотерическая аристократия обрывается и действует во внутреннем, сокровенном плане. В явлениях эзотерической аристократии нельзя уловить такой закономерности, как у аристократии экзотерической, она принадлежит к царству духа, а не к царству природы. Эзотерическая аристократия образует в истории как бы таинственный орден, в котором значится все творчески великое.

Аристократия экзотерическая действует в среднем царстве государственного и культурного бытия. Глубже ее, за ней стоит эзотерическая аристократия, высшая духовная аристократия, в которой зачинается всякое творчество, всякое открытие и откровение, в которой человек переходит за грани этого мира. Высшая духовная аристократия "есть царство святости, гениальности и рыцар-

ства, царство великих и благородных, высшая человеческая раса" [1, с. 139].

Подбор благородных черт характера совершается тысячелетиями. Уничтожение феодального строя на Западе не было полным уничтожением тех духовных черт, которые были выработаны феодальным рыцарством. В рыцарстве выковывалась личность, закалялся характер, формировались те качества, о которых речь уже шла выше: благородство, чувство собственного достоинства, честность, жертвенность. Этим чертам начали подражать и другие социальные слои. Окончательная смерть рыцарского духа стала бы деградацией человечества.

К нашему горю, – утверждает Бердяев, – в русской истории не было рыцарства. Этим объясняется тот факт, что личность у нас не была достаточно выработана, что закал характера не был достаточно крепок. Слишком большим оставалось в России влияние изначального коллективизма. Многие русские мыслители гордились тем, что в России не было настоящей аристократии, что страна наша естественно демократична, а не аристократична. Да, прекрасен наш демократизм, наша простота и многие другие качества русского характера. Но при отсутствии аристократизма остро чувствовалась слишком большая зависимость от темной народной стихии, неспособность выделить из огромного количества людей руководящее нравственное начало.

И все же неправильно было бы отрицать огромное значение дворянства в духовном развитии России. Пушкин, Лермонтов, декабристы, Толстой, Достоевский, безусловно, являлись носителями аристократического духа. Но затем, к сожалению, восторжествовал нигилизм, докатившийся до коммунистического хамства.

Учение о дворянстве как аристократии или элите России развивал и другой русский мыслитель – П.А. Сорокин. Он считал, что в России была своя элита или аристократия, – это дворянство. Были времена, когда оно успешно выполняло важные функции администрирования, суда, защиты отечества, т. е. целиком было поглощено государственными делами. Тогда его привилегии были обособлены, "но к концу XVIII в., после издания указа о вольности дворянства при сохранении всех привилегий, начался процесс вырождения. Потихоньку класс превращался в социального паразита, а его претензии – в необоснованные злоупотребления. Подавляющее большинство дворян попросту растрчивали богатства, накопленные их предками, время от времени выкачивая дополнительные средства из государственной казны. Когда же на миг возростала активность дворянства, как было, к примеру, в 1905 г., ее порождала не столько забота о благополучии страны, сколько примитивно хищнические интересы" [11, с. 290].

Вот почему не стоит удивляться приговору истории,

вынесенному русскому дворянству. Не удивляет и полное отсутствие у дворянства энергии и сил к самозащите, в том числе и у самого высокого дворянина – царя. Гибель русского дворянства произошла без всякого героизма. Нечто подобное можно было наблюдать и в других странах. Все это наводит на мысли о том, что одной из главных причин революции является вырождение элиты общества. История "терпит" хищнические, жестокие, циничные правительства до той поры, пока они хотят и знают, как управлять государством. Несмотря на негативные стороны их правления, они полезны обществу. Но бесильные и "добрые", высокомерные и бесталанные правительства история долго не выносит.

Происходит постепенное вырождение правящей элиты. Так, отпрыски талантливых правителей – дворян уже совершенно не похожи на своих предков и вместо того, чтобы быть правителями "божьей милостью", становятся, вследствие полного отсутствия управленческого таланта, "рабами от рождения". Подобное вырождение всегда очень опасно для любого общества, а в периоды кризиса оно предвещает катастрофу.

Существенный интерес представляет собой сорокинская теория "головастиков" – отпрысков угнетенной части населения, рождающихся с качествами "прирожденных правителей".

Если власть передается по наследству, без учета присутствия или полного отсутствия таланта управления у тех, кто наследует власть, а "головастики" низших классов так за всю жизнь и не могут прорваться к рычагам управления, то социальный баланс нарушается. Когда аристократия, – пишет Сорокин, – сильна и талантлива, то никакие искусственные барьеры не нужны для защиты ее от посягательства со стороны "выскочек". Но когда она бесталанна, то в искусственных препонах ощущается такая же острая необходимость, как в костыле для инвалида.

В периоды застоя вырожденцы правящего класса прибегают к искусственным средствам для предотвращения процесса проникновения в их среду "головастиков" из низов. Так, накануне революции 1905 г. правящий класс России упорно тормозил процесс выдвижения талантливых "самородков" из низших слоев, не желая урезать себя во властных правах.

Нетрудно догадаться, что благодаря подобным мерам на вершине общества аккумулируются бездарные правители, а "головастики" у основания пирамиды становятся все больше и больше. Давление правящих, возводящих все новые и новые барьеры для сохранения за собой высоких общественных позиций, становится все сильнее, а соответственно – возрастает чувство "подавленности" внизу. Напряжение в обществе растет, оно подходит к стадии открытого взрыва, конфликта.

Когда же наступает революционный взрыв, – полагают Сорокин, – то все барьеры и препоны на пути свободной циркуляции разрушаются одним ударом. Безжалостная революционная метла начисто выметает социальный мусор, не задумываясь при этом, кто виноват, а кто нет. В мгновение ока "привилегированное" оказывается сброшенным с высот социальной пирамиды, а низы выходят из своих "социальных подвалов".

В "сите" селекции образуется огромная щель, сквозь которую могут проникать все индивиды безо всякой дискриминации. Но на второй стадии революции возникает новое "сито". "Головастики", достигшие вершин, сливаются с остатками неразложившейся дореволюционной аристократии, идет процесс формирования новой элиты. И пока она не дошла до паразитизма, разложения, общество развивается мирным путем, без революций. Если "головастиков" у основания общественного конуса недостаточно или же они вообще отсутствуют, т. е. нет реальной замены вырождающейся власти, общество впадает в глубокую депрессию. Этот круговорот Сорокин рассматривает как продукт векового приспособления человечества к окружающей среде.

Итак, в XIX в. русские социологи разрабатывают учение о преимуществах эволюционного развития, реформ, по сравнению с революциями, которые на русской почве вырастают в кровавые и бессмысленные бунты, приносящие людям страдание и тормозящие общественное развитие. Были, конечно, и те, кто "к топору звали Русь", но о них написано уже так много, что мы не сочли нужным повторяться.

В этот период выдвигается идея о том, что пока не построено правовое государство, в системе государственного управления, помимо официальной власти, необходимо присутствие общественного элемента как противовеса чиновничеству в целях развития его положительных и нейтрализации отрицательных качеств. Выдвигаются интересные идеи о закономерностях ротации управленческих кадров. Предпринимаются попытки преодоления сложившегося в общественном сознании стереотипа о том, что бюрократия, т. е. чиновничество, обладает исключительно отрицательными свойствами, что в ее действиях нет ничего положительного.

Но особенно интенсивно идеи, связанные с проблемой элиты, развивались русскими мыслителями в конце XIX – начале XX в. Так, была развеяна иллюзия, что во время революционных потрясений наступает момент непосредственного правления масс. На самом же деле, ходом событий управляет хорошо организованное меньшинство, которое ловко камуфлируется под защитников и выразителей интересов народа, демагогов, умело манипулирующих настроением масс.

Если до революционного переворота правящая элита

производит строгий отбор кандидатов в свои ряды, то во время революционной неразберихи "хаммам", рвущимся к власти, удается прорвать это "сито" отбора и, оттеснив "аристократов духа", оголтелой толпой влиться в новую элиту. Вот почему революционная бюрократия, как правило, бывает еще ниже той старой бюрократии, которую революция низвергает.

Человек, затаивший глубокую обиду на несправедливость его прошлой жизни, получив всю полноту власти, отыгрывается, как правило, не столько на своих непосредственных обидчиках, сколько на ни в чем не повинных людях. Вот почему более взвешенную, разумную, гуманистическую позицию во вновь формирующейся элите занимают люди, не страдающие синдромом отмщения за прошлые обиды.

Нетрудно понять, что благодаря подобной политике на вершине общества аккумулируются "базарные" правители, а "головастиков" у основания пирамиды власти становится все больше и больше. Давление правящих, возводящих все новые и новые барьеры для сохранения за собой высоких общественных позиций, становится все сильнее, соответственно – возрастает чувство "подавленности" внизу.

Напряжение в обществе растет, оно подходит к стадии открытого конфликта. Чтобы избежать этого, нужно разумно и своевременно регулировать процесс обновления элиты, нужно не дожидаться появления в низах "самородков", обладающих талантом управления, а бережно растить управленческие кадры, готовить резерв на будущее [7, с. 31–32].

Итак, изучение доктринальных предпосылок российского элитизма позволяет констатировать позитивные и негативные (или подаваемые как негативные) инвариантные черты деятельностных стереотипов и ценностных ориентаций российских элит. К ним относятся патернализм и полицеизм, чиновный корпоративизм и авторитаризм, "указно-порученческое" право и государственная (революционная, реформаторская) целесообразность, баскачество и высокомерно-сервильный комплекс, утопизм и социальное нетерпение – с одной стороны; патриотизм и толерантность к другим культурам, государственничество и самоотверженность в отстаивании национальных интересов и ценностей – с другой.

Изучение многообразных версий элитологических концепций западного, восточного и российского происхождения раскрывает и большой эвристический потенциал, и наличие объективных референтов в любой цивилизации.

Мы убеждены, что анализ истории российских элит: политической, экономической, военной, административной – следует основывать на определенных методологи-

ческих принципах и инструментальных подходах к их выявлению, типологизации, описанию, рассмотрению механизмов генезиса и воспроизводства. Учет принципа цивилизационного своеобразия позволяет, с одной стороны, соотносить развитие и смену элит России с особенностями ее исторического развития и политического управления: традициями, ментальными и ценностными архетипами. С другой стороны – не переносить схемы и разработки западного элитизма механически на российские реалии.

Западный элитизм развивался в ином цивилизационном русле, имея в качестве стержня взаимосвязь структур гражданского общества и государства, богатый опыт и традиции демократических институтов, наличие различных центров политической активности и власти.

Российский опыт не включает развитие традиции гражданского общества. В отечественной истории центрирующую общество роль всегда играло государство, а политическое управление доминировало над экономическим. Традиционно довлеющими были позиции политико-административной элиты. Цивилизационная и гео-

политическая специфика России и в наше время разрушает попытки перенесения на ее почву западно-ориентированных схем и механизмов социального развития и управления. Все это является свидетельством того, что России следует ориентироваться, прежде всего, на реализацию не революционных, а эволюционных сценариев развития российской государственности, построенных на согласовательном процессе между основными политическими игроками, идеологами компромисса [5, с. 26].

Изучение доктринальных предпосылок российского элитизма позволяет констатировать позитивные и негативные (или подаваемые как негативные) инвариантные черты деятельностных стереотипов и ценностных ориентаций российских элит. К ним относятся патернализм и полицеизм, чиновный корпоративизм и авторитаризм, "указно-порученческое" право и государственная (революционная, реформаторская) целесообразность, баскачество и высокомерно-сервильный комплекс, утопизм и социальное нетерпение – с одной стороны; патриотизм и толерантность к другим культурам, государственничество и самоотверженность в отстаивании национальных интересов и ценностей – с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бердяев Н.И. Философия неравенства. М., 1990.
2. Ключевский В.О. Боярская дума древней Руси. М.: Синодальная типография, 1902.
3. Ключевский В.О. Курс русской истории. Полное издание в одном томе. М.: Альфа-книга, 2009.
4. Кульпин Э.С., Пантин В.И. Решающий опыт (генезис кризисов природы и общества в России). М., 1993.
5. Лапина Н.Ю., Чирикова А.Е. Региональная власть и реформа российского федерализма: Сценарии политического будущего // Социологические исследования. 2001. № 4. С. 16–27.
6. Ледяев В.Г. Политика и власть // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2010. № 1. С. 57–70.
7. Понеделков А.В. Политическая компетентность в системе государственного управления: критерии, уровни, технологии реализации // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2. С. 22–32.
8. Понеделков А.В. Элиты в истории отечественной общественно-политической мысли конца XIX – начала XX века // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 2. С. 26–35.
9. Путин В.В. Демократия и качество государства // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1. С. 45–57.
10. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1. С. 6–16.
11. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
12. Чирикова А.Е. О понятии "элита": есть ли выход из тупика определений? // Управленческое консультирование. 2011. №1. С. 77–88.

СТИЛЬ УПРАВЛЕНИЯ РУКОВОДИТЕЛЯ ОРГАНА КУЛЬТУРЫ: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

THE MANAGEMENT STYLE OF THE REGIONAL CULTURAL ADMINISTRATORS: OUTCOMES OF THE RESEARCH

A. Yudina

Annotation

The author analyses the peculiarities of the management style of the regional cultural administrators. The results of empirical research are presented, according to which the authoritarian style of management is the main characteristic of regional administrators of culture.

Keywords: management style, administrative professionalism, culture.

Юдина Алла Владимировна

Преподаватель,
Северо-Западный институт РАНХиГС
при Президенте РФ,
г. Санкт-Петербург

Аннотация

Автор анализирует особенности управленческого стиля руководителей регионального органа управления культурой. Приводятся результаты эмпирического исследования, согласно которым для региональных администраторов культуры характерным является авторитарный стиль управления.

Ключевые слова:

Стиль управления, управленческий профессионализм, культура.

Амбициозная задача сформулирована В.В. Путиным: "претендовать на самые прочные позиции в глобальной экономической конкуренции". Добиться этого, по убеждению Президента России, позволяет уровень "сегодняшнего и особенно завтрашнего" кадрового потенциала нашей страны [1, с. 10]. Прежде всего, это касается кадрового потенциала исполнительно-распорядительных органов государственной власти, который традиционно рассматривается как важнейшая характеристика государственного управления, а потому всегда привлекает пристальное внимание. Дело в том, что персонализированный анализ конкретных структур власти позволяет найти ответ на возможно "главный для современной политологии" вопрос "кто правит?", иначе говоря "определяет основные направления и характер развития общества" [2, с. 35]. А наряду с исследованием ресурсов и возможностей влияния этих представителей государства на принятие политических решений, последствия которых отражаются на жизни больших групп людей, подобный анализ способствует выявлению "слабых" сигналов новых направлений развития реформ.

Эффективность и результативность профессиональной служебной деятельности, обеспечивающей конкурентные преимущества системе государственного управления, а ведь именно на это нацелена современная административная реформа, достигается в первую очередь за счет уникальности человеческого потенциала этой системы, высокого уровня ответственности всех ее управленцев. Деятельность руководителя включает в себя не только управление подчиненными ему работниками

с целью решения функциональных задач. Ролевая структура деятельности предполагает исполнение руководителем весьма широкого круга действий и обязанностей, среди которых – подготовка и принятие решений, осуществление управленческих воздействий и взаимодействие с подчиненными, формирование микросреды и др.

От применяемого руководителем набора способов, методов и форм воздействия на подчиненных в соответствии с целями совместной деятельности, т.е. от используемого стиля управления, зависит коэффициент полезного действия деятельности организации, пути развития, ее возможные успехи и возможные неудачи. Освоение новых способов решения профессиональных задач, расширение сферы профессиональной компетенции требует от руководителей развития личностно-профессиональных качеств и более полного раскрытия творческого потенциала. Особенности работы с людьми, способность мобилизовать их на достижение поставленной цели, технологии принятия решения и специфические характеристики конкретной личности отражают стиль управления данного руководителя.

Нередко стиль управления, под которым понимаются индивидуально-типические характеристики устойчивой системы методов, способов, приемов воздействия руководителя на коллектив с целью выполнения организационных задач и управленческих функций, трактуют как своего рода "почерк" в действиях руководителя. Становление стиля управления руководителя – сложный, протекающий на протяжении продолжительного времени про-

цесс, на формирование которого влияют различные факторы – как личностные, так и социальные.

Именно поэтому исследование стилей управления, применяемых в практической деятельности руководством органа управления культурой, представляет несомненный интерес. Эксперимент, связанный с выявлением и анализом стилевых особенностей региональных администраторов культуры [3, с. 87], проводился в мае 2009 г. в рамках эмпирического исследования руководителей и специалистов одного из региональных органов культуры Северо-Западного федерального округа – комитета по культуре Санкт-Петербурга [4; 5; 6].

В соответствии с действующим положением, исполнительный орган государственной власти Санкт-Петербурга – комитет по культуре – структурное подразделение администрации Санкт-Петербурга, созданное в целях проведения государственной политики и осуществления государственного управления в сфере культуры и искусства, а также координации деятельности исполнительных органов государственной власти Санкт-Петербурга в сфере культуры.

Основные характеристики социального портрета региональных управленцев культуры северной столицы России – возрастные, образовательные и гендерные параметры – проанализированы достаточно подробно, поэтому лишь коротко напомним некоторые из них.

Хотя средние возрастные параметры сотрудников комитета практически совпадают с аналогичными показателями государственных служащих органов исполнительной власти субъектов РФ, тем не менее, довольно выпукло обозначают проблему дефицита сорокалетних специалистов. Во многом типичной для органов государственной власти в нашей стране является и ярко выраженная гендерная асимметрия [7] (на долю женщин приходится 83%, тогда как мужчины составляют явное меньшинство – 17%). Почти вдвое женщины опережают региональных культурных чиновников-мужчин и по стажу работы в комитете.

Конечно же упомянутые базовые требования (стаж, образование), по оценке ряда исследователей, дают неполное представление о профессиональных и личностных качествах государственных служащих [8, с. 29]. Тем не менее, приведенные данные позволяют говорить о том, что модернизационный потенциал персонала органа управления культурой относительно невысок, способы работы ориентированы на проверенные и нерискованные технологии, от чего не спасает и высокий образовательный уровень работников. А в сочетании с существенно более высокой "мужской текучестью" в комитете на фоне невысокого значения ценностей статусного и карьерного характера, это, несомненно, является сигналом низкой

конкурентности профессии управленца культуры на Санкт-Петербургском рынке труда. Наверное, не случайно на "случайность" выбора работы в региональном органе культуры обращали внимание две трети сотрудников комитета. Отметим, что похожие тенденции наблюдаются и в общероссийском масштабе, невысокую престижность управленческих должностей в органах исполнительной власти, осуществляющих регулирование культурных процессов, отмечают и европейские эксперты [9; 10].

Все сказанное только более актуализировало оценку управленческого стиля руководителей комитета по культуре. Исследование, проводившееся по методике Р. Блейка и Дж. Моутон, разработавших в 1960-е гг. т. н. "решетку менеджмента", в рамках которой пространство управленческих стилей создается двумя измерениями – ориентацией на производство и ориентацией на персонал, на заботу о людях. Исследование и было направлено на изучение особенностей стилей управления заместителей председателя комитета по культуре. Первый из них – сорокапятилетний мужчина, обладатель престижного диплома о высшем образовании, трудовой стаж которого насчитывал 25 лет, две трети из которых приходились на работу в учреждениях культуры. Второй обследуемый руководитель – женщина в возрасте 41 год с высшим образованием и восемнадцатилетним опытом трудовой деятельности, преимущественно – в культурной сфере. Экспериментальную выборку для определения управленческого стиля составили все работники комитета, за исключением тех, кто находился в трудовом отпуске.

Большинство опрошенных склонны были полагать, что для управленца-мужчины в большей мере характерен авторитарный стиль управления, хотя его непосредственные подчиненные с этим были абсолютно не согласны, утверждая, что для него свойственен демократический стиль управления. Наверное, не случайно, среди главных характеристик руководителя, не отрицая его нацеленности на задачу (уделяет основное внимание показателям производственной деятельности и распределяет поручения подчиненным, исходя из производственной необходимости), группа непосредственных подчиненных прежде всего выделяла следующие качества:

- ◆ стремление направить помыслы людей на выполнение производственных заданий;
- ◆ предоставление членам коллектива полной свободы в выполнении работы;
- ◆ разрешение подчиненным решать задачи по их усмотрению;
- ◆ предоставление подчиненным возможности де-

лять работу так, как они считают наиболее целесообразным.

Косвенные подчиненные, также не отрицая определенной ориентации управленца на персонал, тем не менее, акцентировали внимание на таких характеристиках его деятельности, как высокий темп работы, внимание к производственным показателям и распределение поручений, исходя из производственной необходимости.

Показательно, что позиции мужчин и женщин относительно точки координат стиля менеджмента этого руководителя, заметно разошлись. Мужчины значительно ниже, чем женщины, оценивали его ориентацию, как на персонал, так и на производственную задачу. Женщины склонялись к тому, что для руководителя более характерен демократический стиль управления, тогда как мужчины были намного более уверены, что ему присущ исключительно авторитарный стиль управления.

Еще более парадоксальны результаты самооценки руководителя, который полагает, что ему более свойственен демократический стиль управления в сочетании со средней выраженностью либерального и минимальными элементами авторитарного стиля.

Интересно, что в оценке женщины-заместителя председателя комитета по культуре Санкт-Петербурга позиции опрошенных отличает меньший разброс мнений, чем при оценке мужчины-руководителя. Практически все респонденты сошлись в том, что женщину характеризует преимущественно авторитарный стиль управления. Сам руководитель с этим был категорически не согласен: согласно результатам самооценки женщины-руководителя, ее отличает либеральный стиль управления в сочетании с минимальной выраженностью демократического и полным отсутствием авторитарного стиля.

Следует отметить, что оба руководителя, стиль управления которых измерялся, умеют координировать и направлять деятельность коллектива, развивают инициативу и новые методы работы. Они оказывают моральную поддержку сотрудникам, справедливы и тактичны в профессиональных спорах, предупреждают конфликты и создают доброжелательную атмосферу в коллективе.

Таким образом, для заместителей председателя комитета по культуре Санкт-Петербурга в большей степени был характерен авторитарный стиль управления. При этом в работе они использовали также демократический и либеральный управленческие стили. Подобное сочетание разнообразных стилей управления, на наш взгляд, целесообразно, поскольку обоим управленцам приходится много взаимодействовать с людьми, что требует применения гибких методов работы и повседневного утверждения наиболее эффективного стиля управления.

Принято считать, что авторитарный стиль является самым распространенным среди руководителей исполнительных органов государственной службы. Это подчеркивает и В.Л. Романов, указывая, что стиль деятельности руководителей государственной службы характеризуется как авторитарный и бюрократический. Так, 70% опрошенных им в РАГС государственных служащих на первое место среди управляющих ими факторов поставили указания непосредственного начальника [11].

Известно, что авторитарный стиль управления характеризуется чрезмерной централизацией власти в руках руководителя, который все вопросы предпочитает решать единолично, с коллективом не советуясь, требуя беспрекословного выполнения приказов и инструкций. Жестокое отношение к окружающим у такого начальника-автократа часто сопровождается запретами исполнителям принимать решения без его руководящей санкции, угрозами, замечаниями и выговорами. Действительно, в условиях авторитарного стиля управления подчиненные способны выполнять больший объем работы, чем при демократическом стиле, но при этом их отличают более низкая мотивация, недостаточная оригинальность действий, тревога, покорность, нередко даже и агрессивное поведение.

Принято считать, что чаще всего авторитарный стиль управления вынужден применять руководитель-профессионал, окруженный неопытными работниками, ответственность с которыми разделить просто невозможно. Авторитарные методы управления в такой ситуации – единственно правильное решение. Действуя по четкому плану и бескомпромиссно добиваясь его исполнения, независимо от любых препятствий, такой руководитель, несомненно, действует во благо организации. Подобным руководителям в современных условиях рекомендуют присмотреться к демократическому стилю и, по возможности, шире его использовать методы убеждения и стимулирования.

Однако, как правило, более распространена диаметрально противоположная ситуация, когда уступающий своим подчиненным в профессионализме руководитель испытывает от этого комплекс неполноценности. Авторитарностью и репрессивно-приказным стилем руководства он стремится компенсировать свое несоответствие должности, некомпетентность или отсутствие организаторских способностей.

Персонал такого руководителя-автократа не только с безразличием относится к его приказам, но, напротив, радуется любой ошибке своего начальника. Результатом этого, безусловно, становится формирование в организации неблагоприятного морально-психологического климата, складывание чреватой конфликтами производственной атмосферы.

В условиях подавления инициативы со стороны работников, альтернатива для творческого персонала не-радостная – либо превращаться в заурядных исполнителей, либо увольняться из организации. Однако когда организацию покинули перспективные сотрудники, руководитель не только оградил себя от критики, но выстроил диктаторскую вертикаль, а вдобавок еще и утратил необ-

ходимые профессиональные качества, такую организацию ждут трудные времена.

Это достаточно серьезный вывод, который руководителям региональных органов культуры следует учитывать в своей работе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин В.В. Россия сосредотачивается – вызовы, на которые мы должны ответить // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2012. № 1.
2. Ледяев В.Г. Политическая власть: концептуальный анализ // Управленческое консультирование. 2009. № 4.
3. Востряков Л.Е. Рыночные реформы и администраторы сферы культуры: социальный профиль // Общественные науки и современность. 2004. № 4.
4. Востряков Л.Е., Чириков Е.П. Региональный администратор культуры: социально-профессиональные характеристики и ценностные ориентации // Управленческое консультирование. 2010. № 2.
5. Востряков Л.Е., Чириков Е.П. Современный управленец культуры: групповой портрет // Управленческое консультирование. 2010. № 1.
6. Панкратов В.Ю., Чириков Е.П., Кондротас О.С. набросок к социальному портрету персонала регионального органа управления культурой // Личность. Культура. Общество. 2010. Т. 12. Вып. 2 (55–56).
7. Чирикова А.Е., Кричевская О.Н. Женщина-руководитель: деловые стратегии и образ "Я" // Социологические исследования. 2000. №11.
8. Понеделков А.В. Политическая компетентность в системе государственного управления: критерии, уровни, технологии реализации // Государственная служба. Вестник Координационного Совета по кадровым вопросам, государственным наградам и государственной службе при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Северо-Западном федеральном округе. 2011. № 2.
9. Kangas A., Onser-Franzen J. Is There a Need for a New Cultural Policy Strategy in the Nordic Welfare State? // The European Journal of Cultural Policy. 1996. Vol. 3. № 1.
10. Gray C., Wingfield M. Are governmental culture departments important? An empirical investigation // International Journal of Cultural Policy. 2011. Vol. 17. № 5.
11. Романов В.Л. Организационная культура государственной службы // Управленческое консультирование. 2009. № 2.

© А.В. Юдина, (yast_e@mail.ru), Журнал «Современная наука: Актуальные проблемы теории и практики»,

ДИДАСКАЛИЯ - КАК СРЕДСТВО ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОГО "Я" В ДРАМЕ

DIADASKALIE AS A WAY OF EXPRESSING AUTHOR'S "EGO" IN DRAMA

J. Gorjeladze

Annotation

Drama consists of two main components: dialogue and didaskalie (author's remark). A reader usually ignores didaskalies or does not pay them necessary attention. But he does not realize, that he makes an essential mistake, doing this, because he won't be able to understand the author's idea correctly. In our article "Diadaskalie as a way of expressing author's "ego" in drama" we reveal the importance of didaskalie in drama and examine its role in different plays by different playwrights. We find out that it varies according to author's intention in drama. We also underline, that didaskalie is the way of reservation of author's idea. Didaskalie gives the author the opportunity to be the only "dictator" of his intention in a play and does not let a reader, a producer or an actor make his own interpretation of a drama.

Keywords: remarks, didaskalie, drama, play, author's "ego", reader.

Горджеладзе Юлия Мемедовна

Академический д.фил.н.,

ассистент-профессор,

Батумский государственный университет,

Грузия

Аннотация

Статья посвящена анализу авторских ремарок – дидаскалий в драме. Особое внимание уделяется тому, что дидаскалии, являясь очень важным компонентом драматургического произведения, часто игнорируются читателем. Статья раскрывает значимость дидаскалий и призывает читателя обязательно обратить на них внимание, так как дидаскалии помогают правильно понять авторский замысел и глубже вникнуть в суть произведения. Дидаскалии у разных драматургов наполняются разным содержанием, но цель у них одна – каждый автор с помощью дидаскалий пытается самоутвердиться в пьесе, контролировать ее ход. Дидаскалия является именно тем средством, которое дает автору-драматургу возможность быть единоправным "диктатором" своего замысла и не позволять ни читателю, ни актеру делать самоинтерпретацию своего драматического произведения.

Ключевые слова:

Ремарка, дидаскалия, драма, пьеса, авторское "я", читатель.

Драма является одним из самых древнейших и традиционных видов искусства. Она представляет собой совокупность всех "муз" искусства и, кроме того, может быть единственным средством их идеального синтеза (литература, живопись, музыка, хореография, архитектура и т.д.). То, что драма – настоящее искусство – бесспорно. Другое дело, какая "муза" в ней преобладает, является ведущей, или каков должен быть баланс между этими "музами". Одно очевидно – драматическое произведение может быть поставлено без музыки, хореографии, декораций и т.д., но без декламирования вербального текста его существование невозможно. Постановка без текста (например, пантомима или балет) может существовать, но драма – нет. Поэтому именно вербальный текст (или литературный компонент) является основой и первоисточником любого драматического произведения. Даже тогда, когда в пьесе мало слов или в ней действие преобладает над словом (чем характеризуются некоторые модернистические экспериментальные драмы и спектакли), представленная в ней информация кодифицирована, т.е. она представлена опять-таки в виде вербальных кодов, так называемых, сценических ремарках. Другими словами, вербальный текст – это канал, с помощью которого автор передает свой замысел, который другими невербальными каналами донести до адресата (будь то читатель, режиссер, постановочная труппа или зритель), практически, совершенно невозможно.

Роль автора в пьесе с течением времени постоянно изменялась. Так, в эпоху Елизаветы Великой, т.е. в эпоху Возрождения, драматург мог сам быть и актером, и режиссером-постановщиком в театре, и, так как печати еще не было, то пьеса существовала в виде либретто, сценария или схемы, на основе чего и делалась постановка. Автор мог свободно вмешиваться в ход инсценировки, менять и по-разному интерпретировать текст. Поэтому можно предположить, что пьесы этого периода имеют не одного, а множество авторов, они являются плодом коллективного творчества.

С XVII в., после того, как пьесы стали печататься и драма приняла форму издательской литературы, драматические произведения стали читать как художественную прозу. Драма становится полноправным литературным жанром и частично теряет элемент инсценировки. Появляется так называемая "Lesedrama" (драма для чтения), которая была рассчитана именно на литературное чтение, а не на перфоманс, сценическое представление.

Так как в драме действие развивается в основном в диалоге, то читатель часто перескакивает с диалога на диалог, обычно пропуская напечатанные курсивом авторские замечания – ремарки, считая их написанными только для режиссера или актеров. В этот период роль автора еще не имела решающего значения. Сказывалось привычное восприятие постановок: поверхностное и очень субъективное.

Опытный читатель драматического текста, а priori, может сценически "визуализировать" прочитанное в уме. Он понимает, что произнесенное на сцене представлено только в диалогах, а все то, что остается за диалогом, не представляет для актера большого интереса.

После того, как режиссеры утвердили свои позиции, а в театре стало возможным делать свободную интерпретацию драматического текста, легко понять, что описания в сценических ремарках переходят на сцену абсолютно видоизмененными, а то и вовсе игнорируются.

Если сравнить тексты художественной прозы и драмы, то можно заметить, что оба они, более или менее, состоят из двух компонентов: диалога и дидаскалий* (т.е. авторского повествования о том, как и в каких условиях протекает диалог).

* В древней Греции дидаскалиями назывались выграфированные на мраморной плитке протоколы драматических фестивалей, где упоминались все существующие детали представляемой драмы (ее авторы, герои пьесы, актеры и их способности и профессионализм, условия постановки драмы и т.д.). В критических и теоретических работах последнего времени этот термин можно встретить с чуть измененным смыслом, так как он подразумевает все элементы авторского повествования, будь то просто - описание обстановки, героев или их действий, либо - написанные автором предисловие и послесловие, где говорится на что нужно обратить внимание в данном произведении, об авторском замысле, о том социальном или политическом контексте, который подразумевает пьеса и др. Поэтому, мы полагаем, что в нашем случае удобнее будет использовать именно этот термин, а не просто "сценическая ремарка", являющаяся термином более узкого смысла и не вмещающая в себя такие понятия, как авторское предисловие, послесловие, а то и вовсе пролог или эпилог драмы.

Так как читатель, как мы уже говорили, настроен читать драму, как прозаическое произведение, выходит, что те, кто игнорируют дидаскалии, упускают из вида один из важных и существенных компонентов драмы – так называемое авторское повествование. Очевидно, что во многих драмах этот компонент, с точки зрения читателя, не имеет такого веса, как диалог.

Другими словами, – это приблизительно то же самое, что в прозаическом произведении пропускать диалоги, так как они, по сравнению с авторским повествованием, кажутся менее значимыми компонентами.

Таким образом, и прозаическое произведение, и драма могут быть представлены только одним компонентом, в частности, проза – авторским повествованием, а драма – диалогом. Однако, в прозаических произведениях, чаще всего, именно в диалогах передается информация о тех нюансах и ритме дискурса или о тех речевых особенностях героев, которые не могут быть представлены авторским повествованием. То же самое можно сказать и о драме, где больше внимания уделяется только диалогам. Одними лишь словами в диалоге невозможно передать все те детали, которые необходимы для совершенного восприятия дискурса.

Давайте рассмотрим такой пример диалога:

Мужчина: Выйдешь за меня замуж?

Женщина: Да.

А теперь добавим в этот диалог те нюансы и детали, которые полностью изменят смысл диалога и нарисуют две разные картины:

а) Мужчина (с надеждой, смешанной со страхом): Выйдешь за меня замуж?

Женщина (без паузы, как-будто боится, что он передумает): Да.

б) Мужчина (с интонацией, исключающей отрицательный ответ): Выйдешь за меня замуж?

Женщина (падает на скамью, как подкошенная; в слезах, негодующим тоном): Да.

В случае (а) понятно, что мужчина и женщина любят друг друга и хотят пожениться; а в случае (б) видно, что со стороны мужчины прослеживается насилие, а женщина и вовсе не хочет выходить за него замуж, но из-за какой-то причины вынуждена согласиться.

Этого примера достаточно, чтобы понять насколько важны дидаскалии (авторские замечания) и что именно они, чаще всего, являются по смыслу более информативными, чем произнесенные в диалоге слова. Поэтому драматургу приходится искать пути резервации своего авторского замысла в пьесе, чтобы она была истолкована или поставлена на сцене именно так, как он ее задумал.

В конце XIX начале XX вв., когда в обществе внимание заостряется на внутреннем духовном мире человека, его подсознании, роль автора в пьесах усиливается до предела. Он становится, практически, "единоличным диктатором", и никто не может возражать или перечить его желаниям. Авторы-драматурги одинаково борются уже на два фронта – в литературе и в театре. Когда их пьесы ставятся в театрах, они сами выбирают актеров и активно вмешиваются в процесс постановки. Печатные тексты характеризуются качествами, присущими прозаическим произведениям, так как дидаскалии представлены обширными авторскими ремарками, предисловиями и послесловиями с детальными описаниями. Так, например, у Т.Вильямса в "Стеклянном Зверинце" мы можем найти подробные замечания на несколько страниц о том, какой должна быть сцена, музыка, освещение. Автор предлагает новую концепцию театра, сущность которой заключается в широком использовании сценических эффектов:

"THE AUTHOR'S PRODUCTION NOTE

Being a "memory play", The Glass Menagerie can be presented with unusual freedom of convention. Because of its considerably delicate or tenuous material, atmospheric touches and subtleties of direction play a particularly important part. Expressionism and all other unconventional techniques in drama have only one valid aim, and that is a closer approach to truth. When a play employs unconventional techniques, it is not, or certainly shouldn't be, trying to escape its responsibility of dealing with reality, or interpreting experience, but is actually or should be attempting to find a closer approach, a more

penetrating and vivid expression of things as they are. The straight realistic play with its genuine authentic ice-cubes, its characters that speak exactly as its audience speaks, corresponds to the academic landscape and has the same virtue of a photographic likeness. Everyone should know nowadays the unimportance of the photographic in art: that truth, life, or reality is an organic thing which the poetic imagination can represent or suggest, in essence, only through transformation, through changing into other forms than those which were merely present in appearance.

These remarks are not meant as a preface only to this particular play. They have to do with a conception of a new, plastic theatre which must take the place of the exhausted theatre of realistic conventions if the theatre is to resume vitality as a part of our culture". [1]

Проанализировав драмы Т. Вильямса, мы сделали вывод, что функция его дидаскалий заключается в том, чтобы обеспечить правильную, по его мнению, инсценировку.

А вот у Б. Шоу обширные дидаскалии играют несколько иную роль. В своих пьесах с помощью дидаскалий он пытается показать ту политическую обстановку, в которой писалась пьеса, хочет объяснить для чего он ее писал. Так, в драме "Дом, где разбиваются сердца", в своем предисловии автор объясняет почему он назвал пьесу именно так, и что он подразумевает под этим заголовком:

"...Heartbreak House" is not merely the name of the play which follows this preface. It is cultured, leisured Europe before the war. When the play was begun not a shot had been fired; and only the professional diplomatists and the very few amateurs whose hobby is foreign policy even new that the guns were loaded". [2]

Его пьесы больше рассчитаны на читателя, чем на зрителя, Это объясняется тем, что во времена Шоу драма была частью повествовательного литературного жанра, и в ней четко прослеживается авторское "я".

А вот другой писатель-драматург К.Черчилль, с помощью дидаскалий полностью контролирует весь ход пьесы. Так в пьесе "Девятое облако" дидаскалии объясняют,

как должны быть распределены роли среди актеров, почему не обязательно соблюдение рассового и полового соответствия при распределении ролей:

"Betty, Clive's wife, is played by a man because she wants to be what men want her to be, and, in the same way, Joshua, the black servant, is played by a white man because he wasn't what whites want him to be. Betty does not value herself as a woman, nor does Joshua value himself as a black.....It is essential for Joshua to be played by a white, Betty by a man, Edward by a woman, and Cathy by a man". [3]

Как видно автор здесь не только категорически требует соблюдать предложенные им для постановочной труппы правила игры, но и предлагает идеальный способ раскрытия душевного настроения персонажей и их взаимоотношений.

Таким образом, из всего вышесказанного можно сделать вывод, что дидаскалии у разных драматургов наполняются разным содержанием, но цель у них одна – каждый автор с помощью дидаскалий пытается самоутвердиться в пьесе, контролировать ее ход. Дидаскалия является именно тем средством, которое дает автору-драматургу возможность быть единоправным "диктатором" своего замысла и не позволять ни читателю, ни актеру делать самоинтерпретацию своего драматического произведения.

Дидаскалии подсказывают режиссеру, как правильно поставить пьесу, распределить роли, на что обратить внимание. Актерам же они помогают перевоплотиться в ту или иную роль, чтобы правильно донести до зрителя замысел автора. Читатель с их помощью может глазами автора увидеть эпоху, во время которой писалась пьеса; понять и осмыслить те события, которые происходили в то время, раскрыть и увидеть внутренний мир героев, заглянуть в их подсознание.

Я думаю, что читатель обязательно должен внимательно читать дидаскалии. Это поможет ему быстро и правильно настроиться на восприятие драматического произведения и прожить в душе вместе с героями их жизнь.

ЛИТЕРАТУРА

1. Williams T. "Glass Menagerie" In Williams T. "A Streetcar Named Desire and Other Plays", ed. E. Martin Browne. Harmondsworth: Penguin Books, 1962, с.336-338.
2. Shaw B. " Heartbreak House " In Shaw B. "Plays Unpleasant". Harmondsworth: Penguin Books, 1975, с.272.
3. Churchill C. "Cloud Nine" In Churchill C. "Plays", London, 1974, с.3.
4. Japaridze T. "Studying Drama", Tbilisi, 2006, с.71.

МАГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ СЛОВА В ТРАДИЦИОННЫХ КУЛЬТУРАХ

(на материале эвенского и якутского языков)

MAGIC FUNCTION OF THE WORD IN TRADITIONAL CULTURES (Based on the Even and Yakut languages)

*A. Vinokurova
I. Pavlova*

Annotation

Magic function of language in archaic cultures due mythological beliefs of the people, inspired the entire world around. In the traditional culture of the word to have magic power. As a result, there is a whole system of prohibitions, taboos, regulating the life of man in ancient times. It should be noted that this is a universal phenomenon: widely known in the Yakut and Even cultures taboo on names of animals that are hunted (a vivid example – nomination bear).

Keywords: language world, vocabulary, category, semantics, taboo, euphemism.

Винокурова Антонина Афанасьевна

*К.фил.н., доцент кафедры северной филологии
Института языков и культур народов северо-востока РФ Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*

Павлова Ирина Петровна

*К.фил.н., доцент, заведующий, доцент кафедры
общего языкознания и риторики филологического факультета Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова*

Аннотация

Магическая функция языка в архаичных культурах обусловлена мифологическими представлениями народа, одухотворением всего окружающего мира. В традиционных культурах слову приписывается магическая сила. В результате возникает целая система запретов-табу, регламентировавших жизнь человека в древности. Необходимо отметить, что это явление универсальное: широко известны в якутском и эвенском культурах табу на имена животных, которые являются предметом охоты (яркий пример – номинации медведя).

Ключевые слова:

Языковая картина мира, лексика, номинация, семантика, табу, эвфемизм.

Магическая функция языка в архаичных культурах обусловлена мифологическими представлениями народа, одухотворением всего окружающего мира. Предметы и явления природы наделяются сверхъестественными свойствами. В традиционных культурах слову приписывается магическая сила, существовали многочисленные приметы и запреты, касающиеся речевой коммуникации.

Так, якуты, одухотворяя всю окружающую их живую и неживую природу, "приписывали ей разум, сознание и даже способность переговариваться между собой. Согласно такому представлению, стоило лишь что-нибудь высказать вслух, эта весть разносилась по всему свету" [6]. В.Л.Серошевский приводит такой факт, что ребенок с малых лет "понимает говор огня, пение птиц, язык животных, предметов и духов... Узнавши человеческий говор, теряет этот дар" [13]. Мифологическое освоение окружающего мира якутами достигло того уровня, что в нем человек уже отделен от природы и познает ее, но при этом одухотворяет.

Даже такое абстрактное понятие, как слово, имеет свой дух. В.Л.Серошевский отметил, что якуты говорят: Тыл дороонноох, тыл иччилээх буолар. "Слово бывает

звучным, слово имеет ички (дух-хозяина)" [13]. Сказанное, слово превращается в вещь птицу, которая летит по назначению и передает его первоначальное значение.

Отражением древних воззрений этноса саха на магическую силу слова явилась также пословица: Алгыс баһа арыылаах, кырыыс баһа хааннаах. "Принцип благословения с маслом, принцип проклятья кровавый" [15]. В сказках говорилось, что слово, превратившись в молодого жеребца, летит в верхний мир распространять по всем небесам сказанное богатырями среднего мира, а в нижний мир спускается в образе ярого порога [4].

В древности люди полагали, что слова будут услышаны природой или духами и возымеют воздействие на них. Существует множество якутских пословиц, которые регулируют процесс коммуникации, предписывая определенные правила речевого поведения и этикета в форме запретов и советов. Поэтому в старину каждое слово произносилось с большой осторожностью: Эппит тыллаагар эппэтэх тыл ордук. "Несказанное слово лучше сказанного"; Этиллибит тыл иһиллибэт буолбат. "Сказанное слово не бывает не услышанным", то есть и секретное слово не остается не распространенным [4].

Поскольку каждое слово имело собственную "жизнь",

якуты делили слова, как и свои божества, на добрые и злые, опасные и тяжелые.

Проклинания могут убить человека. И.А.Худяков пишет, что вообще "худые речи прилипчивы", и проклятие, если не исполняется на самих проклятых, то доходит до их детей" [15]. Мы видим общие сквозные идеи, пронизывающие древние верования, их объединяет одно – возвеличивание Слова, Логоса.

"Тяжелые" слова старались не произносить без особой необходимости. Страх перед ними передается в якутском суеверном табу "Быһа этимэ". Прежде чем расшифровать смысл выражения "Быһа этимэ", обратимся к значению слова быһа. Быһа – это через, поперек, прямо, наотрез; быһа ас – пересекать; быһа эт – перебивать (слова других); определительно сказать; быһа этимэ – не накличь беды, не сглазь!; быһа эттэххэ – сказать наотрез, коротко сказать, так сказать; быһа бар – проходить через что, переходить за что, идти напрямки, перерваться, разорваться; быһа оус – перерезать чем, срезать, перерубать, отрубать, отсекают, убивать; быһа хаам – ступать, переходить, перешагивать через что [7]. Значение этой номинации проявляется в полной мере именно тогда, когда слово входит в состав различных идиоматических выражений: быһа эт, быһа этимэ, быһа эттэххэ, быһа огус, быһа хаам и других. Также богата и мифологическая семантика слова быһа. Так, в древности якут не имел права перейти дорогу старшему (быһа хаампат). Чтобы не обидеть духа-хозяина местности, он не должен был называть собственные "тяжелые" названия озер и рек, где он проживал (быһа ааттаабат). "Быһа этимэ" по-якутски имеет смысл, будто бы над головой говорящего висит вся убийственная, зловередная сила "опасного" слова и говорящий, будто бы своей неосторожностью, как ножницами, срезает эту роковую нить" [6]. Якуты говорят: "Быһа этэн кэбиспит, сэттээхтик" – это о человеке, который вслух и при посторонних неосторожно мечтал о будущем своем благополучии и удаче, а затем потерпел неудачу в этих своих надеждах, говорят, что он "прорек не к спеху" [6]. Как указывает А.Е.Кулаковский, смысл этого изречения тот, что неудача последовала именно вследствие "сэт", последовавшего от неуместного пререкания. Поэтому якуты никогда наперед не высказывают своих надежд насчет будущего благополучия или удачи, в особенности, если дело касается предстоящей охоты или путешествия, они боятся "сэт" [4].

Именно только через такое представление, "слову с древних времен почти до сегодняшнего дня придана роль посредника между людьми и любимыми божествами, как добрыми, так и злыми. Древний заклинатель, современный молящийся или в гневном возбуждении кого-то проклинаящий одинаково верили в то, что каждое слово "дойдет" или "долетит" до необходимого ему адреса" [6]. И если, скажем, случится какое-нибудь несчастье или горе, то это приписывали, прежде всего, слову: Тыллаах эппи-

тин, кырыыстаах кыраабытын курдук.."Стало так, как говорящий говорил, и как клянущий клял" [4].

В результате всего вышеупомянутого возникает целая система запретов-табу, регламентировавших жизнь человека в древности. Необходимо отметить, что это явление универсальное, характерное для традиционных культур. Широко известны в якутском языке охотничьи табу на имена животных, которые являются предметом охоты. Во всех языках табуируются слова, связанные со смертью, особенно, смертью вождя, или старшего и почитаемого человека.

Опасность, которой в данном случае люди подвергаются сами и подвергают других, так сказать "духовного", то есть воображаемого порядка. Но это не делает ее менее реальной: воображение действует на человека столь же реально, как сила тяжести, и может убить его с таким же успехом. Цель табу – изолирование указанных категорий лиц от всего остального мира, чтобы их не достигла или от них не исходила внушающая страх духовная опасность. Слова временно или постоянно оказываются заряженными, наэлектризованными таинственной силой табу.

Боязнь опасных слов постепенно приводит к появлению особого эвфемистического словаря, то есть словаря разрешенных замененных слов. В некоторых районах Якутии, например, в Вилюйском, отдельные старики все еще помнят старинный эвфемистический словарь охотников. Опасаясь "болтовни" чрезмерно словоохотливой окружающей природы, на промысле охотник прибегал к помощи такого условного языка.

Ярким примером табуирования являются номинации медведя. В.Л.Серошевский, живший в Якутии около 12 лет, побывавший во многих местах, в том числе в северных и центральных округах, подметил употребление слов-табу якутами: "На севере о медведе остерегаются говорить худо, даже не следует упоминать громко его имени всуе, его имя "дед", эссе, но имя это нехорошее, и зверь на него сердится, ввиду этого зовут его "кок", или просто "черный"; часто потихоньку зовут его "злым лесным духом", а то даже "Улу-тоеном" [13]. Для объяснения причины появления эвфемизмов В.Л.Серошевский приводит слова якута-колымчанина: "О медведе не говори худо, не хвастайся: он все слышит, хотя не близко находится, все помнит и не прощает" [13].

Якуты считали медведя одним из самых опасных зверей. В.М.Ионов писал: "Ээ "медведь" – название как вида, так и медведя-самца. При обращении к нему говорят "ээ" /дедушка/, медведицу при обращении называют эбэ "бабушка". Потому можно подумать, что ээ – название, употребляемое из бережи /харыстаан/, из предосторожности, а настоящее название медведя забыто" [3]. Ээ – название самого почетного человека в семье – дедушки. А.Е.Кулаковский также предполагал, что настоящее

название медведя или вовсе забыто, или кроется в одном из трех названий: аабый, талкы, хохтуула [4].

Об общности культа медведя у народов Сибири пишет А.А.Петров: "Наделяя медведя душой, считая его существом, близким человеку, эвены признавали за ним способность понимать язык всех зверей и язык людей, Нельзя, опасно говорить неблагоприятно о медведе или хвастаться удачной охотой на него. Подобное же представление, что медведь слышит и понимает человеческую речь, отмечено у эвенков, нганасанов, алтайцев, юкагиров" [8].

Медведь входил в число тотемных животных. Согласно мифологическим представлениям якутов, в качестве названий тотемических животных часто употреблялись термины родства. В старину якутские роды считали своим предком какой-либо вид животных. Так, В.М.Ионов пишет: "Каждая семья, в более широком смысле этого слова ийэ ууа /род матери/, имела своего родового таара /покровителя/ или трут /основу, корень/" [3]. бгэ, мгэ "предок" – это эвфемизм, употребляемый вилюйскими якутами [ДСЯЯ: 191]. Такое название медведя связано с тотемическими представлениями якутов, согласно которым "медведь – полумифическое существо, которое произошло от женщины" [16]. Мифы и легенды уверяют, что медведь в древности был человеком. Г.Эргис упоминает легенду о том, что однажды братья охотники убили медведицу, а когда сняли с нее шкуру, то на ней оказалось кольцо, а на ногах – серебряные вещи их сестры, убежавшей от них 8 лет тому назад [16]. В другом варианте говорится, что на Колыме были сестры эмерячки-кликуши. Одна из них превратилась в гагару и улетела, с тех пор люди не едят гагар. Другая стала рычать по-медвежьи и тоже однажды исчезла. Через несколько лет в тайге появилось много медвежьих следов. Братья считали, что это их сестра наплодила медведей. И гагара, и медведь – это тотемы.

Исследователи приводят и другие легенды, рассказывающие о родстве человека с медведем. В одной из них также говорится, что когда-то медведь был женщиной. Женщина эта, рассорившись с мужем, спряталась в погреб и целый месяц не выходила. За это время тело ее поросло волосами, а ногти на ногах и руках превратились в когти. Потом она ушла в лес и стала совсем медведем [9].

В другой легенде утверждается, что "в первую медведицу превратилась женщина, родившая двух медвежат" [4]. В народе существует поверье, что медведь не трогает женщин, которые при встрече с ним показывают ему свои груди, тогда, мол, зверь вспоминает свою мать-женщину и сам уходит [16].

По традиционным представлениям якутов, медведица, с которой содрали шкуру, поразительно похожа на обна-

женную женщину. Кроме того, якуты указывают на след медведя и на то, что медведь может ходить на задних лапах, как на черты сходства с человеком. Вероятно, это и послужило основой возникновения упомянутых легенд, а также и эвфемизма бгэ "предок".

Еще медведя называют абаБа "дядя по отцу" [ДСЯЯ: 39], эбэ "бабушка" [15]. Это также термины родства, называющие лиц старшего поколения. Так на языковом материале проявляется оппозиция "предки–потомки", уходящая корнями в тотемические представления народа. Как отмечает Л.П.Потапов: "Медведя нельзя называть по имени. Его всегда называют условно. Просматривая эти условные названия, легко убедиться, что почти все они идут по родственной линии, как женской – материнской, так и мужской – отцовской. Алтайцы называют медведя "абага" – "дядя по отцу"; тубалары говорят: "ол" – "он" или "апшак" – "старик"; каларцы (род): "аба" – "прадед", "улу кижиги" – "великий человек"; телеуты: "mal" – "дядя по матери", "абагал" – "дядя по отцу"; шорцы: "tal" – "дядя по матери", "улда" – "отцов старший брат", "адалык" – "почтенный" [10]. Подобные эвфемизмы распространены и в других тюркских языках, как в древних, так и в современных. Так, "в древнетюркском языке как название медведя использовался термин ава, который, вероятно, функционировал в качестве эвфемизма для табуированного названия этого зверя" [17].

Слова-запреты употребляются больше всего вместо названий опасных зверей или зверей, дающих ценные продукты. А медведь был и опасен, и давал много вкусного мяса, добротную шкуру и народные лекарства (желчь, сало). Древний же якут шел на промысел, имея довольно примитивные орудия охоты, такие как пальма, пика. Поэтому и вызывает промысел медведя столь много запретов и ритуалов. Так, убивать медведя в берлоге сонного считается грехом: тогда другие медведи съедят самого охотника тоже во сне. Поэтому охотник обязательно будит зверя и уже потом вступает с ним в бой. Этот обычай держится крепко и теперь. Есть еще поверье, что "между медведями бывает медвежий "шаман", отличающийся от своих собратьев умом, неуязвимостью, пегой шкурой, гривой и хвостом. Не было случая, чтобы его убивали. Он, обыкновенно, встречается со знаменитым охотником, истребившим на своем веку сотни медведей, следовательно, с дозревшим "сэт". Эта встреча бывает роковая для охотника" [4]. Большой черный медведь, очень свирепый и крожадный, наводил ужас на якутов. Они называют его "царем роц и лесов" [13]. И.А.Худяков подробно описывает промысел на медведя, все обряды, совершаемые охотниками после смерти зверя [15]. Обычаи сравнивают промысел медведя с опасной, рискованной войной против сильнейшего и храбрейшего не приятеля, который, даже проиграв битву, достаивается почетного погребения. Великая война с медведями отмечена в народных преданиях множеством различных сказаний. Бытует и сейчас множество рассказов про медвежий ум и

благородство, а также хитрость и кровожадность. Такие рассказы большей частью бывают основаны на реальных случаях и по характеру своему более или менее реалистичны. И.А.Худяков отмечал, что люди, шедшие на промысел медведя, убежденные, что медведи мстят друг за друга и понимают по-якутски, крайне нуждались в нравственной и в практической реальной поддержке для подкрепления своей бодрости в борьбе с таким страшным неприятелем. Потому, отправляясь на охоту, промышленники молятся духам глубоких текучих вод, шаман просит, чтобы охотники вернулись невредимыми после охоты на медведя. Также "промышленники говорят уже особым языком, отличным от обыденного" [15].

В эвфемистическом словаре якутского языка медведь имеет свыше 50-ти подставных имен. Медведю дано много кличек: арахтаа "с берлогой", кини "он", моус "прожорливый", тыатааы "таежный", хара "черный" хараа тлэх "с черной шерстью" и другие. В обозначении животного выделяется несколько тематических групп эвфемизмов. Все эвфемизмы медведя можно условно разделить на 5 групп, образующих своего рода микросистемы. Одной из самых многочисленных является микрогруппа, объединенная общим семантическим признаком – старший по возрасту, почитаемый. Здесь обратим внимание на замещение названия медведя терминами родства: ээ "дедушка" – современное название медведя в литературном языке [ЯРС: 548]; эбэ "бабушка" [15]; абаа "дядя по отцу" [ДСЯЯ: 39]; бгэ "предок" [ДСЯЯ: 191]. К ним примыкают слова кырдыаас "старец" [ЯРСТОР: 71] и кини "он" [ЯРСТОР: 51]. В номинациях выражается уважительное отношение к зверю, значение субститутов тесно связано с понятием мудрости, присущей обычно пожилым людям, обладающим большим жизненным опытом. Вызывает интерес противопоставление вторичных номинаций медведя, которые дифференцируют названия животного по возрасту: нгэс "малолеток" и оонньор "старик" [ЯРСТОР: 166, 99].

Следующая тематическая группа эвфемизмов указывает на особенности животного, характеризующие его по признаку силы и могущества: сыран "страшный" [ДСЯЯ: 22], моус "обжора" [ДСЯЯ: 160], чыйыдаах (страшный, от междометия "чыйы!", показывающего испуг) [ДСЯЯ: 304], анаастаах "клыкастый" [ЯРСТОР: 4]. Медведь производил на якутов впечатление сильного кровожадного зверя, который в густой чаще якутских лесов чувствовал себя полноправным хозяином. Испытывая суеверный страх перед могуществом медведя, люди называли его эвфемизмами, в основе которых лежит сходство ассоциаций и впечатлений. В связи со сказанным можно отметить тот факт, что часто по отношению к медведю якуты употребляют сочетания адыра кыыл, ыырык сиэмэх улахан кыыл "страшный хищный кровожадный большой зверь". Из рассматриваемых в данной группе эвфемизмов интерес представляет вторичная номинация моус "обжора, ненасытный". В словаре Э.К.Пе-

карского приведены различные фонетические варианты слова моус – моус, маыс, маыс [П: 1527]. В якутском языке моус кии – прожорливый человек, обжора [ЯРС: 240], в этом же словаре указывается значение моус "герой якутских сказок, сильный, прожорливый и очень глупый" [там же]. Э.К.Пекарский представляет следующие значения этого слова: 1) "ненасытный, жадный, обжора"; 2) "едун, действующее лицо в сказке"; 3) название двух родов [П: 1527]. Он полагает, что слово маыс образовано от маый "жрать, набивать полон рот+аффикс –С [там же]. Данное слово имеется и в других тюркских языках, например: в алтайском – могус а) "сильный, великан (с негативным оттенком)"; б) "паразит, тунеядец, дармодед"; в) миф. "чудовище"; в тувинском – мангыс а) миф. "мангус, упырь, вампир, чудовище"; б) "обжора"; в) "паразит, дармодед, тунеядец" [17]. В монгольском языке монгус "чудовище-обжора" [П: 1527]. Таким образом, в приведенных примерах из разных языков прослеживается связь, которая выражается в семантическом содержании образа медведя.

Обратимся к другой группе эвфемизмов, описывающей внешний вид медведя: хара "черный" [ОВЭ: 64], хара саыйах "черная доха" [ДСЯЯ: 282], хараа тлээх "темношерстный" [ДСЯЯ: 281]. В основе всех номинаций лежит указание на цвет "черный", который тесно связывается с наличием мохнатой шкуры. К этим эвфемизмам примыкает номинация арбаастаах "имеющий доху" [4], сравним с алтайским антара тон "вывернутая шуба", с тувинским чоорганныг "с одеялом" [17]. Функция табуированной речи порождает характерную особенность эвфемистического словаря – наличие большого количества вариативных номинаций. Человек, создавая имя, кладет в его основу один из основных признаков предмета, который на языковом уровне может реализоваться в нескольких вариантах, например, в основе вторичных номинаций медведя лежит признак "шерстистости" с указанием окраски животного – хараа тлээх "темно-, черношерстный". Данный семантический признак может быть представлен в речи в усеченной форме – хара "черный" или арбаастаах "имеющий доху" – или реализоваться в другом семантическом варианте – хара саыйах "черная доха". Данные эвфемизмы можно представить как словообразовательный ряд, в центре которого находится заменное имя хара саыйах "черная доха". Хара саыйах производит путем усечения эвфемизм хара. Следующая номинация хараа тлээх получается в результате присоединения суффикса –а к основе хара и замены слова саыйах близким по значению тлээх "имеющий шерсть". Наконец, последний эвфемизм арбаастаах образован выкидкой слова хара и заменой синонимичным словом арбаастаах. Деривационные отношения в эвфемистическом словаре усугубляют, расширяют и дополняют семантические и системные связи.

Медведю даны названия и на основе образного описания его фигуры: бкт "сутулый" [15]. Вторичная номина-

ция мэппэр "косолапый" [ОВЭ: 64] удачно описывает походку зверя. Такие субституты, как хардаас "полено, чурка" [4] и талкы "мялка для толченья кож" [П: 2540], видимо, даны медведю из-за тяжести и громоздкости неповоротливого зверя.

Итак, медведь по внешнему виду имеет мохнатую шкуру черного цвета, сутулится, имеет своеобразную походку, производит обманчивое впечатление огромного неповоротливого зверя. Неуклюжесть эта кажущаяся на первый взгляд, так как при необходимости этот зверь может быть очень ловким и подвижным.

Последнюю микросистему образуют вторичные номинации, объединенные по лингвостилистическому признаку: мэппэр "косолапый" [ОВЭ: 64], мппк "мохнатый" [там же], маппыйар "шутливое образное слово" [4]. Все слова кроме называния медведя, или денотата, обладают дополнительной эмоционально-экспрессивной окраской, то есть дают добавочную оценку (коннотацию).

На лингвостилистическом признаке основаны следующие объединения вторичных номинаций медведя:

1) наряду с нейтральными эвфемизмами оонньор "старик", ойрдаааы "лесной", арбаастаах "имеющий доху" употребительны номинации высокого стиля с оттенком торжественности, при этом, как правило, они составные: улуу кыыл "велмкий зверь" [ДСЯЯ: 259], ойуур тойоно "владыка леса", тыа тойоно "владыка тайги", сир кыыла "зверь земли" [ЯРСТОП: 100, 154, 118]. Сир "земля" при этом понимается в значении масштабном, вселенском, планетарном.

2) противопоставлены первой группе эвфемизмы с шутливой, фамильярно-сниженной окраской: маппыйар "шутливое образное", таптыгыгын "от русского сказочного детского Топтыгин", мэппэр "косолапый", мппк "мохнатый", бкт "сутулый", чыйыдаах "от междометия "чыйый, тыйый" – так пугают обычно детей", хардаас "полено, лесина", эбэккэ "ласкательное от эбэ "бабушка". Семантика всех этих номинаций осложнена и усилена разными видами стилистической, эмоционально-экспрессивной окраски, например, маппыйар – шутливой, хардаас – грубоватой и другими.

Значительную группу среди эвфемистических названий медведя составляют экспрессивно-эмоциональные номинации с ласково-непринужденной окраской. При этом используются ласкательно-уменьшительные формы, которые создаются особыми словообразовательными средствами-суффиксами. Рассмотрим эвфемизмы, производные от двух номинаций ээ "дедушка" и эбэ "бабушка", которые являются словами с положительной семантической оценкой. От мотивирующей основы ээ образуется ласково-непринужденное ээкээн. А с номинацией эбэ образуется целое словообразовательное гнездо, причем все производные слова обладают коннотаци-

ей, ласково-шутливой окраской: эбээх, эбээкий, эбээкэ /эбээкэ/, эбээчэ, эбэм.

Вне системы остаются во-первых, иноязычные слова, что вполне закономерно, а также два эвфемизма – сайыы "летний" [ЯРСТОП: 112] и арахтаах "имеющий берлогу" [ЯРСТОП: 37], которые весьма удачно указывают на особенности образа жизни медведя, отличающие его среди других зверей.

Эвены ведут кочевой образ жизни. Традиционно согласен своим обычаям и обрядам эвены обладают уникальной силой воздействия на образ мысли, поведение, поступки людей. основополагающим является запрет, который представляет собой целый свод правил, предостерегающих от опасности.

По представлениям эвенов Тахтоямска, хозяин земли и леса – это медведь [14]. Иносказательно, в обиходе, медвежий праздник называют старикова (старухина) свадьба. Это связано с легендой о медведе. Однажды де-вушка провалилась в берлогу медведя. Зимой, чтобы не умереть от голода, она сосала его лапу. Весной медведь показал ей дорогу домой. Вскоре она забеременела и пропала. Нашли ее в пещере, где она родила сначала медвежонка, затем ребенка. Медвежонка, которого звали Накат, стала воспитывать бабушка. Когда вырос, то ушел в лес. Мальчик по имени Торгани тоже вырос, и однажды человек и зверь стали драться. Торгани убил Наката. Умирая, медведь научил людей, как нужно делать медвежий праздник – уркачак.

Так, боласак – это позднеосенняя стоянка стойбищ с целью дать отдохнуть оленям после гона, перед переходом на зимние ягельные пастбища. Конец этого периода некоторые группы эвенов называют уркачак "самопожертвование" медведя, то есть охота на медведя, залегшего в берлогу. Этим открывается настоящий сезон промысла [11].

Название же медведя накат в разговоре упоминать запрещалось. Вместо него, особенно на охоте, применяли специальные названия. Так, охотские и томпонские эвены называли медведя дэбэрэ, быстринские – ллана, момские – ддана, пенжинские – умьльнэ, колымско-омолонские – умл, арманские – каки [14].

По суеверным представлениям эвенов считается опасным называть зверей, на которых охотятся, вместо их названий употребляли другие слова. Например, вместо накат "медведь" говорят амика "батьюшка", амаа "дедушка", ата "бабушка", ялраняндя "черный", хигима "таежник", ата "медведица", кобалан "трескучий", хкэчэн "медведь-шатун", этикэн "старик медведь", куакан "ребеночек (медвежонок)" [14].

Из словаря В.И. Левина 1936 года, в котором были

использованы материалы автора из его сборов в Ольском районе Магаданской области, затем переработанных У.В. Канюковой и М.С. Толстовой в 2006 году, нами выявлены следующие названия медведя: накат хутэн "медвежонок", накат аси "медведица" [5].

В.А. Роббек составил "Эвенско-русский словарь" на основе "Сравнительного словаря тунгусо-маньчжурских языков", лексикографических трудов, собранных во время экспедиций (1974–2002 гг.) в районы расселения эвенов в Магаданской, Камчатской областях, Хабаровском крае и Республике Саха (Якутия). Так, в данном словаре понятие медведь кроме накат, упоминается слово абаа "дедушка". Абаанилчакар – иносказательно "медвежата". Окат холилэн эмкэр хээлэн абаанилчакар яв-утта тесчимэчиддытэн, дютан далила бичэ бидин. "На берегу реки, на вершине обрыва медвежата что-то друг у друга отбирали, видимо, их берлога находится близко". Ачуркан – тотем. "медведь". Хагра, эди гкил накат, хивалчинь гли ачуркан. " Молчи, не говори накат (медведь), шепотом скажи ачуркан (медведь)". Кяга – "дедушка", накат качиканни – "медвежонок", накат укин – "медведица", мэ-мэкэ, мэ-мэчэ, мэ-мэмэнньде – "медведь", хатнар – "старый медведь" [12].

В "Кратком словаре синонимов эвенского языка" А.А. Бурыкина, составленного на материале языка эвенов Среднеколымского улуса Республики Саха (Якутия), Улахан-Чистайского наслега Момского улуса Республики Саха (Якутия) мы находим следующий синонимический ряд к слову накат "медведь": накат, нугдэ, мэ-мэкэ, мэ-мэчэн, хатимар, хэунь, хэуне ачуркан // амика, абага, ко-балан, умэлэгэ [2].

Так, нами выявлены, более 30 подставных имен к слову "медведь". Все эвфемизмы медведя можно объединить в следующие лексико-семантические группы (ЛСГ):

1. ЛСГ номинаций медведя, являющихся терминами родства: амика "бабушка", амаа "дедушка", абага "тотемическое название медведя", абаа "дедушка", абаанилчакар "иносказательно медвежата", ата "бабушка", кяга "дедушка", куакан "ребенок (медвежонок)", накат укин "медведица", накат качиканни "медвежонок", этикэн "дедушка". Эти подставные названия напрямую связаны с легендами о медведе и с почитаемостью этого зверя.

2. ЛСГ номинаций, указывающих на особые качества животного, его силы и могущества: умьлэнэ "вскакивающий", кобалан "издающий треск".

3. ЛСГ номинаций, характеризующих внешний облик накат "медведя": дэбэрэ "лохматый", кягала "белый медведь", нугдэ "темный силуэт", хатнар "старый", ялраняндя "черный". Здесь разная цветовая семантика названий обусловлена тем, что эвены, которые проживают в тайге, бурого медведя называют темными, а эвены, которые

проживают в тундровой зоне ближе к северно-ледовитому океану кягала "белый медведь".

4. ЛСГ номинаций, связанных с верованиями и суеверным страхом: ачуркан – тотем. "медведь", мэ-мэкэ "страх", мэ-мэчэн "ужасающий", мэ-мэндэ "суеверный страх", хэунь, хэуне "суеверный страх".

5. ЛСГ номинаций, относящихся к разным территориям: ллана – так называют зверя быстринские эвены, дана – так называют момские эвены хкэчэн "медведя-шатуна".

Основную группу среди названий медведя составляют лексемы, которые связаны с родственными значениями. В подставных номинациях используются увеличительные формы, которые создаются особым словообразовательным суффиксом –нде, –ндя. Так, ялраняндя – черный, мэ-мэндэ – суеверный страх, производные слова имеют гиперболизацию.

Таким образом, в традиционных культурах народов северо-востока России наблюдаются общие тенденции в их языковой картине мира (ЯКМ). Особое отношение к Слову является отражением древних воззрений этносов на магическую силу вербальных средств. Возвеличивание Слова, придание ему уникальных свойств – отсюда и внешняя немногословность северного человека.

В области речевой коммуникации подобное трепетное суеверное отношение к слову порождает такое явление, как языковое табу (запрет). И постепенно развивается целая система запретов, регулирующих не только речевое общение, но и поведение, и поступки людей. В прошлом система запретов, с одной стороны, и система эвфемизмов (подставных имен), с другой, регламентировали в целом жизнь людей.

Особый интерес с точки зрения семантики, а также местоположения в языковой картине мира рассматриваемых этносов вызывают номинации тотемных животных. Комплекс верований, связанный с почитанием медведя у якутов и у других народов Сибири, рассматривается как культ медведя, "восходящий своими архаическими элементами к древнейшему евразийско-американскому пласту данного культа" [1]. Именно поэтому нами выявлены и проанализированы ЛСГ названий медведя.

Установлены общие черты:

1. Большинство эвфемизмов эвенского и якутского языков с точки зрения семантики, их группировка по ЛСГ совпадает – преобладают наименования медведя терминами родства. В этносах бытуют мифы и легенды о родстве человека и зверя.

2. Близкими являются характеристики зверя по

внешнему облику, а также описание его силы, могучести, возрастные особенности животного.

3. Объединяет материал двух языков и особое суеверное отношение к зверю: страх и почтение, уважение одновременно.

Различительные черты в отношении к слову позволяют выделить уникальную силу воздействия эвенов на образ мыслей, поведение, поступки людей. В якутской духовной культуре подобное явление характерно для отдельных людей, обладающих специфической силой слова и ума, в основном, для шаманов.

Лексико-семантический материал языков, конечно

же, различают лингвостилистические характеристики денотата. Образность коннотативной семантики сохраняет уникальность в каждом конкретном языке. Также отмечается разнообразие местных названий в зависимости от отдельного района проживания эвенов, ведущих кочевой образ жизни, в отличие от оседлых якутов.

Нами впервые предпринята попытка рассмотреть эвфемизмы эвенского и якутского языков в сравнительном плане, что позволяет установить общие и различительные черты в языковой картине мира этносов. В дальнейшем подобные исследования станут основой для изучения материала коренных языков Якутии в этнолингвистическом аспекте.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1. ДСЯЯ – Диалектологический словарь якутского языка. 1976.
2. ОВЭ – Образцы вилюйских эвфемизмов / Собр. С.И.Николаевым и Г.Р.Кардашевским. 1961.
3. П – Пекарский Э.К. Словарь якутского языка: В 3-х. 1958–1959.
4. ЯРС – Якутско-русский словарь. 1972.
5. ЯРСТОП – Луковцев А.С. Якутско-русский словарь терминов охоты и рыболовства / В рукоп.вар. 1975.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. Новосибирск: Наука, 1980. С.125
2. Бурыйкин А.А. Краткий словарь синонимов эвенского языка. – М.: ИНПО, 2001. С.18
3. Ионов В.М. К вопросу об изучении дохристианских верований якутов. Пг., 1917.
4. Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Кн.изд-во, 1979.
5. Левин В.И. Краткий эвенско-русский словарь / Отв. За выпуск У.В. Канюкова. – СПб, Издательство писателей "Дума" – 248с.
6. Николаев С.И. К вопросу о происхождении якутских легенд о древних людоедах // Сб.статей и материалов по этнографии народов Якутии / Институт языка, лит-ры и истории. Якутск, 1961. Вып.2.
7. Пекарский Э.К. Словарь якутского языка. 2 –ое изд. Т.1. 1958.– 1280 с., Т. 2,3. 1959. стлб.629–630
8. Петров А.А. Медвежий миф в эвенском фольклоре//Фольклор и этнография народов Севера. – С.–Петербург, 1992.
9. Потапов Л.П. Героический эпос алтайцев//Советская этнография. – 1949.
10. Потапов Л.П. Пережитки культа медведя у алтайских тuroк//Этнограф-исследователь. – Л., 1928.
11. Роббек В.А. Экологические традиции эвенского народа // Вопросы истории и культуры северных стран и территорий. №4 (12) 2010.
12. Роббек В.А., Роббек М.Е. Эвенско-русский словарь=Эвэды-нючиды торзрук / В.А. Роббек, М.Е. Роббек. – Новосибирск: Наука, 2004. – 356с.
13. Серошевский В.Л. Якуты: Опыт этнографического исследования. 2–е изд. М., 1993.
14. Тураев В.А. История и культура эвенов: историко-этнографические очерки. РАН: Дальневосточ-е отд-ние. СПб: Наука, 1997.
15. Худяков И.А. Краткое описание Верхоянского округа / Под ред. В.Г.Базанова. Л.:Наука, 1969.
16. Эргис Г.У. Очерки по якутскому фольклору. – М.: Наука, 1974.
17. Яимова Н.А. Табуированная лексика и эвфемизмы в алтайском языке: Дисс... канд.фил.наук. – М., 1985.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

VALUE ORIENTATIONS OF MODERN RUSSIAN YOUTH

O. Novichenko

Annotation

The article reveals the specifics of the value orientations of young people in modern Russia in areas such as family, work, religion, and morality. There is a preponderance of in the modern world the role of the paternalistic the beginning and growth of individual personal responsibility for their actions and their moral content. It is revealed, that in the minds of modern Russian youth are pushed out of socially significant values underpinning of individualistic order, at the same time, they are characterized by a conflicting settings and the absence of any integral picture of the world.

Keywords: youth, modern, value orientations, individualism, spirituality, identity, moral consciousness.

Новиченко Олег Владимирович
Аспирант, Северо-Кавказский
федеральный университет,
г. Ставрополь

Аннотация

В статье раскрывается специфика ценностных ориентаций молодых людей современной России в таких сферах как семья, работа, религия и мораль. Отмечается преобладание в современном мире сокращения роли патерналистского начала и возрастание индивидуальной ответственности личности за свои поступки и их моральное наполнение. Выявлено, что в сознании современной российской молодежи происходит вытеснение общественно значимых ценностей ориентирами индивидуалистического порядка, в то же время для них характерны противоречивые установки и отсутствие какой-либо целостной картины мира.

Ключевые слова:

Молодежь, современность, ценностные ориентации, индивидуализм, духовность, идентичность, моральное сознание.

Процессы, происходящие в России в постперестроечный период, изменили не только экономическую и политическую жизнь общества, но и обыденные представления людей о смысле и ценностях индивидуального и общественного бытия. Трансформировалось понимание сути жизненного успеха, целей и средств их достижения, не только исследователи, но и обыватели все чаще обращают внимание на происходящие процессы духовно-нравственной эрозии общества. При этом молодежь, безусловно, является наиболее уязвимой и восприимчивой к происходящим изменениям. Так, по мнению большинства респондентов, для современных молодых людей характерно безразличие к каким-либо идеалам и циничное отношение к жизни (так считают более 64 % молодежи и 70 % людей старшего возраста). Причем распространение циничных настроений и "морального релятивизма" в большей мере характерно для самых юных представителей молодого поколения [8, с. 69]. Кроме того, согласно исследованиям, молодежь стала более беспринципной по сравнению с 90-ми годами (фиксируется увеличение числа мнений (на 7 %) о том, что нужно стремиться улучшить свое материальное благосостояние, вне зависимости от способа его получения). Многие молодые люди соглашались с тем, что мы живем в другое время и некоторые моральные ценности и нормы уже устарели и не имеют смысла (46 %). Но что интересно, этой же позиции придерживаются каждый третий респондент старшего поколения, которые собственнно и должны передавать свой нравственный опыт

молодым [8, с. 70].

Как утверждал С.П. Капица, мы живем "в недиабатических условиях, как во взрывной волне, когда абсолютно все не находится в равновесии. А совесть, мораль, моральные устои общества – это свидетельства духовного равновесия, которое достигается медленной эволюцией. ...Но, поскольку мы находимся в состоянии глубочайшего перелома, ...старые принципы просто не успевают эволюционировать" [14, с. 13–15]. Современное общество, вторит ему А.С. Запесоцкий, испытывает огромные затруднения с передачей морали от старого общества к новому. Результаты ускорения наглядно проявляются в педагогике. Раньше ребенок мог усваивать моральные нормы в семейных условиях. По мере ускорения общественного развития возникают социальные институты, которые должны прививать ценности наряду с семьей. Далее – уже компания сверстников начинает, по-своему, оказывать влияние на взрослеющих молодых людей, которое зачастую идет в разрез с общепринятыми нормам. Сегодня семья и образовательные учреждения уже не срабатывают, изменяется роль религии как традиционного института поддержания нравственных принципов. В такой ситуации решающую роль в поддержании морали приобретает телевидение, оказывающее влияние на все общество в целом. Но этот институт на современном этапе, по сути, несет аморальные ценности. И получается, что общество начинает с нуля, отбросив все накопленное предыдущими поколениями в сфере нравственности [14,

с. 100].

В условиях, когда существовавшие ранее инстанции, не могут обеспечить моральность общества единственное возможное решение, как утверждает А.А. Гусейнов, состоит в том, чтобы инстанция, поддерживающая мораль, делегировалась самому действующему индивиду. "Или мы перейдем на этот механизм, который наиболее адекватен самой сути морали, именно как самой интимной инстанции в человеке, или человечеству конец". Не означает ли, что неравновесность современного общества должна сделать сами механизмы регулирования неравновесными? Сегодня усиленно сокращается роль патерналистского начала и возрастает индивидуальная ответственность личности за свои поступки и их моральное наполнение [14, с. 90]. Однако для этого необходимо, чтобы внутренне регулирование собственных поступков было эффективным и соотносилось с целесообразным существованием всего общества; чтобы личная свобода соотносилась с внутренней моральной ответственностью, что для современных индивидов пока недостижимо.

Современная молодежь ценит такие либеральные ценности как свобода, независимость, справедливость, что может быть связано с началом доминирования в российской молодежной среде индивидуалистических тенденций и снижению коллективистских начал, приводящим к кризису социальной идентичности. Атомизация индивида в социуме, в котором отсутствуют достаточные социально-психологические компенсационные механизмы, приводит к усилению отчужденности людей друг от друга [10, с. 86–87].

В основе досуговой активности значительной части российской молодежи в основном заложен гедонистический компонент, направленный на сиюминутные удовольствия и развлечения, она стала более потребительской и вестернизированной, что отвлекает от более высокой культуры. Неотъемлемой частью досуга становятся музыкальные шоу, танцы, телевидение, кино, Интернет. Популярным является также спорт, немаловажным фактором чего является активная пропаганда спортивного образа жизни, проводимая "сверху" [2, с. 18–19].

Следует признать, что мы живем в сложное время, подвергающее серьезным испытаниям нравственность человека. Мы забываем о том, что деньги это только средство – когда средство превращается в цель, начинается бесцельная жизнь. Сегодня становится экономически выгодным поведение, идущее вразрез с традиционными моральными ценностями. Восходящая социальная мобильность зачастую сопровождается отказом от моральных критериев поведения. Молодежь это прекрасно фиксирует, поэтому многие моральные императивы для нее начинают представлять в форме рудиментов, следуя которым можно обречь себя на неудачу. Большинство молодых людей (55%) сегодня вынуждены согласиться,

что "современный мир жесток, и, чтобы добиться успеха в жизни, иногда приходится переступать через моральные принципы и нормы". Противоположную позицию о недопустимости нарушения нравственных норм занимают лишь 44% молодежи [8, с. 71]. Заметно снизилась доля тех, кто осуждает покупку краденых вещей, взяточничество, уклонение от уплаты налогов, присвоение найденных денег, политическое убийство, сопротивление милиции. Следует отметить, что большинство респондентов не придают особого значения этим поступкам, и они начинают переходить в категорию общественно приемлемых действий. При этом молодых людей несколько меньше, чем старшее поколение волнует отход от идеи социализма и падение морали [11, с. 22]. Молодежь несколько отстает от старших по степени включенности в морально-нравственный контекст социума, относясь ко многим вещам гораздо легче, без излишнего самоанализа. Однако в числе безусловных табу находятся такие поступки и явления как заброшенность и беспризорность детей, жестокое обращение с животными, употребление наркотиков, измена Родине [8, с. 72].

Современные условия жизни деформируют исторически сложившуюся иерархию общечеловеческих и российских культурных ценностей. Выдающиеся достижения народной и классической отечественной культуры заменяются в сознании молодежи вестернизированными, зачастую низкокачественными ценностями массовой культуры американского образца. В одном из исследований выявлено, что артистический мир в ценностных ориентациях молодых людей в основном представлен американскими актерами, хотя российские актеры тоже упоминаются, но не в таком количестве. В музыкальном отношении практически не упоминаются представители классических жанров и народная музыка. Это не удивительно, если учитывать, что данные жанры практически не представлены в современном телевидении и радиовещании [13].

Один из важных показателей ценностных ориентиров молодежи – отношение к религии. Понять особенности религиозного сознания и поведения российской молодежи можно лишь учитывая наличие противоположных тенденций в современном мире: с одной стороны, происходит рост популярности религии, повышение ее роли в обществе, а с другой – усиление процессов глобализации, мировоззренческой неопределенности и секуляризации религиозных ценностей. Исследования показывают ослабление позиций безверья, по сравнению с советским периодом, усиление религиозности, а также рост влияния различных религиозных конфессий и организаций. В то же время наблюдается отсутствие глубины и ясности в религиозном сознании молодых людей, оно характеризуется размытостью, очень немногие следуют канонам и обрядам религии. Немало тех, для кого религия – это не внутренняя позиция, не жизненный выбор, а просто следование "моде на религию". Современная моло-

дежь демонстрирует двойственность отношения и поведения, когда дело касается религиозного и морального давления. Практически все молодые люди делают то, что, по мнению религиозных наставников, не является моральным или разрешенным. И в то же время они обычно считают себя верующими, могут отличать добро от зла и убеждены в важной роли религии в обществе [7, с. 66–67]. Все это свидетельствует о противоречивом характере религиозного возрождения в России.

В религиозной самоидентификации молодых респондентов, отмечен парадокс, состоящий в несовпадении числа верующих и приверженцев определенных конфессий (которых гораздо больше). Данный факт можно объяснить отождествлением в сознании молодежи религии с культурой и национальным образом жизни в целом, так как религия является необходимым элементом национальной идентичности. В частности, русскость обычно ассоциируется с православием и с той ролью, которую играла Русская Православная Церковь в историческом прошлом. То же самое можно сказать об исламе – его тесной связи с национальной культурой народов. Исследования фиксируют это явление во всех регионах России. Оно "служит основой процесса конфессионализации этнополитических течений" [11, с. 50].

В целом следует отметить, что идеологический вакуум, образовавшийся в нашей стране после отказа от ценностей и идеалов советской эпохи, пока не удается заполнить другой какой-либо целостной системой светского характера. Поэтому многие молодые люди обращаются к религиозным представлениям и ценностям, которые носят, однако, в сознании молодежи весьма поверхностный характер.

Как показывают результаты многочисленных исследований, лидирующее положение в системе ценностей современной молодежи занимает семья, наряду с ценностью материального благополучия [8, 10]. Абсолютное большинство молодых желают иметь детей, однако отмечается немало и тех, у кого возникают опасения, что они могут завести семью или встретить любимого человека. Причем опросы фиксируют тенденцию роста таких страхов за последние десять лет [8].

Социологические исследования показывают, что большое распространение в современной России получил "гражданский" брак, который стал обыденным явлением. Примерно каждый пятый респондент полагает, что сначала нужно пожить вместе, проверить свои чувства и только затем вступать брак [11, с. 416]. Такие союзы, с одной стороны, позволяют получить опыт совместных отношений, но с другой стороны, они отличаются непрочностью и не имеют социального статуса.

Значимым мотивом такого отношения к браку является социальная и экономическая незащищенность моло-

дых людей, так как многие считают необходимым, прежде чем вступить в брачные отношения, достичь материального благополучия, чтобы прокормить семью [2, с. 17]. Незащищенность молодежи является одним из факторов, влияющих на уровень рождаемости, определяя в значительной степени демографический кризис в стране. Поэтому одной из основных задач государства и общества на современном этапе должно быть укрепление молодых семей и семейных ценностей, оказание им материальной и социальной помощи.

В вопросах воспитания детей обнаружено сильно влияние материальных факторов. Молодые люди в большей степени ориентированы на воспитание в детях деловой хватки, рыночных качеств, целеустремленности, обеспечение нужного круга знакомств [8, с. 90].

В то же время различные возрастные группы российской молодежи по-разному оценивают факторы, влияющие на создание семьи. Более молодые представители (до 20 лет) отдают предпочтение материальным факторам, тогда как старшие молодежные группы на первый план выводят "согласованность семейных и личных жизненных планов". В этой связи закономерно задаться вопросом: является ли это тенденцией постепенного изменения среди молодежи представлений о роли семьи в современном обществе? [8, с. 87–88].

Следует отметить, что модернизация семьи в целом имела разрушительные последствия для общества в целом. Традиционная семья была ориентирована на продолжение рода и ее преобладающая форма – большая патриархальная трехпоколенная семья, выражающая преемственность поколений от отцов к детям и от дедов к внукам. Данный коллективный способ организации взаимоотношений отводил на второй план индивидуальность человека. В результате модернизации патриархальная семья была заменена моногамной нуклеарной семьей, лишив ее иерархического способа организации. С разрушением традиций легализуются разводы, так как если брак заключается не на "небесах", то он легко может быть расторгнут с согласия сторон. Дети перестают быть целью брачных отношений и, зачастую, становятся обременением [15, с. 253–254].

Взаимоотношения полов окончательно десакрализуются и сводятся до уровня биологических инстинктов. Сексуальные отношения полов оказываются все менее связаны с процессом детопроизводства. Показательно, что в современной России на десять новорожденных детей приходится тринадцать совершенных аборт [12, с. 288]. Итогом сексуальной революции явилось то, что физиологическое удовольствие, всегда являвшееся средством для продолжения рода, становится самоцелью. Отсюда репродуктивная функция взаимоотношения полов отходит на второй план и вытесняется гедонистической, потребительской. На фоне всей сексуальной

жизни человека, рождение детей, да еще в семейных условиях, это чрезвычайно редкие случаи, применительно к которым уже сегодня разрабатываются новые, более прогрессивные способы воспроизводства людей [5, с. 39].

Стираются традиционные тендерные роли мужчины и женщины, выводя на первый план абстрагированную от половых различий модель человека. В отношении распределения ролей в семье, в одном из российских исследований, больше половины опрошенных молодых людей выступают за равноправную семью, где женщина должна играть активную роль наряду с мужчиной. Ориентация на партнерский брак, таким образом, является определяющей в представлениях о семейных отношениях. В мировоззрении современной молодежи возрастает значение женщины в материальном обеспечении семьи – такой позиции придерживается особенно большинство представителей мужского пола [10].

Несомненным проявлением кризиса человеческого рода является любовь в пределах одного пола, которая получила в современном мире большое распространение, так как продолжение бытия любого феномена предполагает необходимость сохранения его единства и целостности. Эти процессы свидетельствуют об отрицании многими людьми своей половой идентичности. С точки зрения дальнейших перспектив человеческого рода, становится очевидным, что, парасексуализм не может быть нормальным явлением [5, с. 43].

Категорический императив И. Канта: "Поступай так, чтобы максима твоей воли могла стать правилом всеобщего законодательства" в современном мире часто отождествляют с так называемым золотым правилом нравственности: "Поступай так, как ты хочешь, чтобы поступали по отношению к тебе". В то же время суть их во многом различна. Кантовский императив подразумевает оценку своего поведения в свете целого, через осознание своей ответственности за судьбу общества. В плане сексуальных отношений он запрещает все то, что вредит самосохранению человечества и его идентичности. Вторая же формулировка предполагает индивидуальное самоосуществление. Если следовать ее логике: "да, я живу так, что если все остальные последуют за мной, то людской род прекратится, но я знаю, что они этого не сделают", то аборты, гомосексуализм и т. п. могут осуществляться без всякого чувства вины [5, с. 42].

Свободное удовлетворение всех половых инстинктов ведет к оплошлению чувств и их деградации, более того, как утверждает И.С. Кон, "Снятие и ослабление многих культурных запретов делает сексуальную жизнь более будничной и прозаической, подверженной манипулированию со стороны масс-медиа. Массовой сексуальной проблемой в конце XX в. стали скука и отсутствие сексуального желания – люди имеют все социальные и физио-

логические предпосылки для занятия сексом, но их просто не тянет к нему" [4, с. 41].

Если в начале прошлого века причину кризиса любви видели в ее сведении к сексуальным отношениям, то ситуация начала XXI века такова, что сводить становится больше не к чему, нечего сублимировать. Многие ученые даже стали говорить о "смерти дедушки Фрейда", утверждая, что "мы вступаем в постсексуальное время. ...Из фирменного блюда секс превращается в прелюдию". А в скором будущем, возможно, превратится просто одну "из многих потребностей организма" [1].

Половые отношения теряют свою привлекательность и ценность для человека. Утрата традиционных сексуальных отношений, связанных с продолжением рода, лишает интерес к противоположному полу природного смысла. Все становятся одинаковыми и взаимозаменяемыми. "Отрыв сознания от телесности, а затем и утрата сексуальной идентичности – это настоящее торжество One-Dimensional Man. Его завершением будет появление "человека без свойств", функциональная модель которого проигрывается в Сети, где от личности остается "разговор", чье авторство с трудом обнаруживается в стилистике получаемых и отправляемых текстов" [5, с. 51].

Ценностные ориентации молодежи за последние десятилетия претерпели существенные изменения и в области труда – целенаправленной социальной деятельности по преобразованию окружающего мира и самого себя с целью удовлетворения исторически складывающихся потребностей. Именно в труде формируется и проявляется социальная и индивидуальная субъектность человека [6, с. 12–13]. Значимость труда для молодежи, в целом, можно рассмотреть при помощи двух типов ценностей: терминальных (имеющих смысложизненную значимость труда как самоцель) и инструментальных (эксплицирующих труд как средство для достижения других целей).

Как показывают данные ВЦИОМ и другие исследования, если в советское время интересная работа по значимости у молодежи была на одном из первых мест, то теперь ценность труда падает, происходит снижение ориентаций молодежи на интересную работу и общественную деятельность, труд из терминальной ценности превращается в инструментальное средство для заработка и карьерного роста [3, с. 124]. Аналогичные тенденции отмечаются в исследовании ценностного сознания молодых людей Краснодарского края, где доминирующими оказались ценности-средства, указывающие на значимость сугубо материальных соображений при оценке труда [10].

Снижение терминальной ценности труда обусловлено, в частности, упразднением идеологии общественной значимости трудовой деятельности, в СМИ исчез образ

честного труженика, многие профессии стали непрестижными, в частности, работа инженера, рабочего. На сегодняшний день можно констатировать замену "героев труда" "идолами потребления" (популярными стали всевозможные шоумены, поп-звезды, пародисты, астрологи, модные журналисты, сексологи и т.п.) [13].

Трудовая занятость по-прежнему является важной формой жизнедеятельности российской молодежи, но ее основными мотивами стали материальные потребности, а не моральная ценность, как в советскую эпоху. Социологические опросы показывают, что большинство молодых людей не хотят повторять трудовой путь своих родителей [2, с. 17]. По престижности лидируют профессии экономиста и юриста, в последнее время в этот список попали также менеджеры, ученые и программисты. Наименьшую ценность для молодежи имеют труд инженера и рабочего [8, 13].

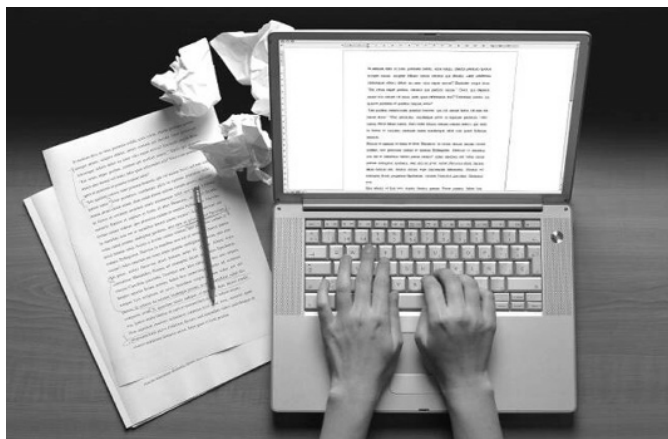
Современная молодежь часто находится перед выбором: либо иметь интересную, но низкооплачиваемую работу, либо хорошо зарабатывать, жертвуя своими интересами – последняя тенденция занимает лидирующее положение. Причём, у большинства респондентов, выявлено несоответствие оценок различных видов труда на эмоциональном и поведенческом уровнях. Если на первом уровне преобладает направленность на творческий, альтруистический тип труда, то на втором доминирует

престижно-потребительский смысл [9, с. 129–130].

Как видно из нашего анализа, у современной молодежи наблюдаются противоречивые установки и ценностные ориентации и отсутствие какой-либо целостной картины мира. Примечательно также, что ценности молодых людей, проживающих в различных типах поселения и с различным уровнем образования, как показывают исследования, сходны между собой [8, с. 95]. Это обуславливает формирование во многом единообразного восприятия действительности, в котором приоритетное положение у молодежи занимают индивидуалистические ценности рыночной экономики и, прежде всего, стремление к высокому социально-профессиональному статусу. В целом, для ценностного сознания молодежи характерно сосуществование противоположных суждений, выражающих его амбивалентность, а также эклектичность; преобладание утилитарных и гедонистических установок; инструментальное отношение к трудовой деятельности (как средству) и вытеснение на второй план терминальных ценностей (рассматривающих труд как самоцель). В постперестроечный период наблюдается усиление значимости семьи, которое, однако, тесно взаимосвязано с утратой ценности труда, трудового коллектива как значимой опоры в жизни индивида, ориентиров на общественную деятельность. В сознании современной российской молодежи происходит вытеснение общественно значимых ценностей ориентирами индивидуалистического порядка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ерофеев В. Фрейд и валюта // Ex libris. НГ. 2000. № 37.
2. Жирнов А. А. Молодость как социокультурный феномен. ... автореф. дисс. канд. культурологии. Шуя. 2011. 22 с.
3. Казарина-Волшебная Е. К., Комиссарова И. Г., Турченко В. Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социологические исследования. 2012. №6. С. 121–126.
4. Кон И.С. Человеческие сексуальности на рубеже XXI века // Вопросы философии. 2000. №8.
5. Кутырев В.А. Человеческое и иное: борьба миров. СПб.: Алатейя, 2009. 264 с.
6. Матиенко Е.А. Труд как диалектическое единство свободы и творчества в формировании социальной и индивидуальной субъектности человека. Автореф. дисс. ... канд. филос. наук. Горно-Алтайск, 2004. 16 с.
7. Молодежь в России. 2010. Обзор литературы. Доклад ООН / под ред. Я. Охана., М.: ФСГС, 2011. 96 с.
8. Молодежь новой России: образ жизни и ценностные приоритеты. – М.: Институт социологии РАН, 2007. 95 с.
9. Немировский В. Г., Соколова Е. В. Структура и динамика смысловых ориентаций студенческой молодежи: 1988 – 2004 гг. Постнеклассический подход. Красноярск: РИО КрасГУ, 2006. С. 129–130.
10. Петров А.В. Ценностные предпочтения молодежи: диагностика и тенденции изменений // Социологические исследования. 2008. №2. С. 83–90.
11. Российская молодежь: проблемы и решения. М.: Центр социального прогнозирования, 2005. 648 с.
12. Российский статистический ежегодник. 2005: Стат. сб. М., 2006. С. 288.
13. Семенов В.Е. Ценностные ориентации и проблемы воспитания современной молодежи // Социологические исследования. 2007. №4. С. 37 – 43.
14. Совесть: бесполезное свойство души? : круглый стол по проблемам нравственности и духовности. СПб.: Изд-во СПбГУП, 2010. 136 с.
15. Якунин В.И., Багдасарян В.Э. и др. Вариативность и цикличность глобального социального развития человечества. Монография. М.: Научный эксперт, 2009. 464 с.

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Amelin V.

Doctor in History, Professor, Director of the Institute for the study of History and Ethnography of the South Urals of the Orenburg State University
e-mail : avenali@mail.ru

Bulyakov I.

Institute of History, language and literature of the Ufa Scientific Center, the Russian Academy of Sciences
e-mail : buljakow@mail.ru

Efimenko M.

Orenburg state pedagogical university
e-mail : efimenkom@mail.ru

Erohin I.

PhD, Croydon College, London, UK
e-mail : eiu21@ya.ru

Godovova E.

Orenburg branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
e-mail : godovova@mail.ru

Gorjeladze J.

Batumi State University, Georgia
e-mail : jgorjeladze@inbox.ru

Lyubichankovskiy A.

PhD of geographic science, Assistant Professor of the Orenburg State University
e-mail : av-lubichan@yandex.ru

Lyubichankovskiy S.

Doctor of historical sciences, professor of the Orenburg State Pedagogical University
e-mail : svlubich@yandex.ru

Maksachuk E.

Moscow State Academy of Physical Culture and Sports
e-mail : Kate-Maksachyk@yandex.ru

Novichenko O.

The North-Caucasian Federal University, Stavropol, Russia
e-mail : m103_st@mail.ru

Pavlova I.

North-Eastern Federal University M.K. Ammosova
e-mail : ipavlova27@mail.ru

Pokrovskiy A.

Saint-Petersburg state University of culture and arts
e-mail : avpokrovskiy@yandex.ru

Ponedelkov A.

Southern Russian Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don
e-mail : ponedelkov@skags.ru

Pruss A.

PhD of historical Sciences, Chiefs assistant of information analysis departament Government region Orenburg
e-mail : app@mail.orb.ru

Semyonova N.

Sterlitamak Branch of the Bashkir State University
e-mail : natalja_leonid@mail.ru

Tikhonov A.

Russian presidential academy of national economy and public administration Vladimir branch
e-mail : ros@tikhonov.elcom.ru

Tribunskih N.

Postgraduate, GBOU VPO "Stavropol State teacher education institution"
e-mail : natitrib@mail.ru

Vasetskiy A.

The North-West Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St.-Petersburg
e-mail : semenova@szags.ru

Vinokurova A.

North-Eastern Federal University M.K. Ammosova
e-mail : ipavlova27@mail.ru

Yudina A.

The North-West Institute of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St.-Petersburg
e-mail : yast_e@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно–практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1–2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные – 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф–редактору научно–практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" (e–mail: redaktor@nauteh-journal.ru).